

**АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ**

**ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА**

**XI ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛО ИВ АН СССР
(краткие сообщения и автоаннотации)**

II

**Издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1975**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

ХІ ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛО ИВ АН СССР
(краткие сообщения и автоаннотации)

II

Издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1975

Редакционная коллегия:

П.А.Грязневич, Г.А.Зюграф, Е.И.Кичанов, В.А.Петросян
(председатель), Э.Н.Темкин.

© Ленинградское отделение Института востоковедения
АН СССР

М.А.Болдырева

В.С.РЕНДРА И Ф.ГАРСИА ЛОРКА

В творчестве выдающегося современного индонезийского поэта В.С.Рендры (род. в 1935 г.) можно обнаружить реминисценции поэтических образов, некоторых мотивов поэзии, а также моментов поэтики Ф.Гарсиа Лорки.

Не стремясь доказать существование непосредственного влияния поэзии Лорки на В.С.Рендру, — тем более, что сам Рендра склонен отрицать это влияние, — и не претендуя на установление типологических общностей испанской и индонезийской поэзий, нам было интересно проследить некоторые черты сходства в творчестве поэтов, одного — жившего и другого — ныне живущего на разных концах нашей планеты.

Сходны прежде всего сами их творческие индивидуальности: Рендра, как и Гарсиа Лорка, не только поэт, но и драматург, и актер. Рендра пишет пьесы, ставит их, играет в них сам, создавая спектакли, которые наполовину являются импровизациями, — эта его артистичность заставляет вспомнить Лорку — замечательного испанского поэта, драматурга и актера-импровизатора.

Одной из тем "Цыганского романсеро" Лорки является тема гонимого, преследуемого, пленника, — она присутствует и в других

стихотворениях Лорки, который всегда был не с победителями, но с побежденными. Эта же тема проходит через всю книгу стихов "Баллады влюбленных" Рендры — это "Баллада о раненом", "Баллада об убийстве Атьмо Карпо", "Плач" и др.

"Баллада о девушке Джамиля, борца" напоминает "Сомнамбулический романс" Лорки. У Лорки — смертельно раненый контрабандист и его возлюбленная, не дождавшаяся его, "как в сомнамбулическом сне шагнувшая через решетку и погрузившаяся в зеленую воду, в зеленый мир своих видений". /Д.Осват, Гарсиа Лорка, Москва, 1965, стр.203/. У Рендры — настигнутый и убитый преследователями бунтовщик Джамиль и его девушка, вошедшая в реку, чтобы умереть, с воспоминаниями о преследовании Джамиля, переходящими в предсмертный бред, "Сомнамбуличность" ритма создается у Лорки анафорическим повтором, проходящим через все стихотворение: "Люблю тебя в зелень одетой...", у Рендры — трижды повторяющейся анафорой: "И в реку она вошла..."

Стихотворение Рендры "Нож на дороге" из сборника "Четыре книги стихов" перекликается, на наш взгляд, со стихотворением Лорки из книги "Канте Хондо" "Что случилось?" У Лорки — образ неизвестного убитого, лежащего на дороге под светом уличного фонаря, с ножом в груди. Отголоски этого образа можно найти в другом его стихотворении "Перекресток", где образ "ножа в сердце" преследует поэта, становится наваждением, а в стихотворении "Кинжал" — страх перед этим "ножом — в сердце" звучит в рефрене: "Нет, не вонзайся мне в сердце, нет". Стихотворение Рендры начинается так: "Нож остался лежать на дороге, /И солнце дрожало на нем./ Нож остался лежать на дороге, /И на лезвии запекаясь кровь..." У Рендры нет убитого, только нож на дороге и вызываемый им в воображении поэта труп убитого. Но здесь есть главное, что сближает это стихотворение со стихотворением Лорки "Что случилось?": убитый никому не известен, как неизвестна и причина убийства, прохожие безразличны, убитый одинок в своей смерти.

Трагедия одиночества убитого усилена в стихотворении Рендры тем, что и природа — облака — здесь полны злого умысла /это — редкий случай в поэзии Рендры/, и это тоже сближает стихотворение с Лоркой, потому что у последнего луна, /которая является центром мира природы как у Лорки, так и у Рендры/ — против людей

и заодно со смертью, в то время как у Рендры луна, как правило, с гонимыми, преследуемыми, в ней черпают силы. Употребляемые Рендрой здесь метафорический оборот, эпитеты тоже напоминают поэтические тропы Лорки: "Облака проклятия/Со смертями в кармане/Прячут лицо/С затаенной злою улыбкой/".

Стихотворение Рендры "Баллада ожидания" – о девушке, ожидающей понапрасну жениха и увядающей в этом ожидании, вызывает в памяти драму Лорки "Донья Росита, или язык цветов". Драма начинается в девятых годах и заканчивается в девятьсот десятом, это трагедия целой жизни одинокой женщины в испанской провинции. Можно сказать, что в этой драме Лорки и в стихотворении Рендры есть одно общее, хоть и невидимое действующее лицо – это Время. Оно в соединении с губительной верностью героини призраку, диктуемой самим укладом жизни испанской женщины у Лорки и индонезийской у Рендры, приводит к печальному концу. В "Балладе ожидания" присутствие и неуклонное течение Времени проявляется в настойчивом повторении слов "Она ждет перед окном...", а следующая за этой анафорой часть строки каждый раз заставляет заново ощутить ход времени, отмечая новые признаки уходящей молодости и приближающейся старости. Эти анафорические повторы похожи на монотонное отстукивание часов, на веки в непрерывности течения времени.

Центром мира природы, как уже говорилось, и у Лорки, и у Рендры является Луна. Как же изображают ее эти поэты? Луна у обоих – живое существо, любимый персонаж, интересный своими взаимосвязями с людьми. Во-первых, Луна – существо могущественное, наделенное огромной магической силой. В стихотворении Рендры "Царство танцовщицы" она предстает в образе танцовщицы, мистически-прекрасной и соблазнительной. Язык ее здесь – мистически-эротический. Мир фантазии и мистики, представленный в стихотворении "Фиолетовая серенада" – это царство Луны, которая здесь всемогуща, как говорит Рендра: она способна обручать ведьм. Следующее за ним стихотворение "Под луной" – любовная фантазия в мистическом лесу под луной.

У Рендры Луна – это радость, таинственная сила, наполняющая все жизнью, без Луны все мертво. Исчезновение Луны воспринимается как измена с ее стороны, предательство.

У Лорки Луна в мистическо-эротической "функции" – частый

образ, хотя и такая луна, как всегда у Лорки, неожиданно-своеобразна. Например, в противоположность традиционному, высоко поэтичному образу луны, ставшему традиционным мистическому ее восприятию, Лорка иногда нарочно снижает этот образ, "приближает" луну к земле: так, у него встречается сравнение луны с лимоном, а также с чесночной долькой, а в стихотворении "Две вечерних лун" из "Лунных песен" поэт слегка - шутливо в форме детской песенки говорит о ней так: "Луна говорит, чуть не плача: "Хочу быть апельсином тоже"./"Но это, дитя, невозможно,/Хоть розова ты и свежа./Не быть тебе даже лимоном,/Как жаль".

Не всегда Луна у Рендры могущественна, иногда это существо, вызывающее острую жалость и сострадание. В стихотворении "Луна над Джакартой" Луна, не вынесшая ослепительного потока электрического света, упала в обморок, но только ребенок заметил это: "Луна упала в обморок/Над городом Джакартой,/Но никто не обратил внимания" - эта строфа повторяется в начале и конце стихотворения. Для толпы Луна - "Кисла, как кожура лимона" и "бессильна". Но ребенок тоскует по "волшебному глазу неба", по "таинственному дыханию" Луны. Она будит жалость в детской душе - так она "тиха и одинока".

В стихотворении "Чиливунг" Луна, как старая, усталая женщина, на которую никто не обращает внимания, бредет над городом.

Эта черта слабости, уязвимости есть и у Луны Лорки - в стихотворении "Про луну, про луну" /из "Цыганского романсеро"/. Там Луна в награду за любовь мальчика к ней, за то, что он не хотел дать ее в обиду людям, навевает мальчику сон, в котором они отправляются вместе гулять по небу.

У Рендры, как уже говорилось, Луна - с побежденными, гонимыми несчастными. В стихотворении "Баллада о раненом" раненому плохо потому, что "серный дым застал ему глаза", и он не может видеть Луну: общение с ней жизненно-необходимо, целительно. В стихотворении "Плач" бледная и скорбная Луна - это образ страдающей и любящей матери; лик Луны заменяет беглецу лицо матери, в нем он должен найти утешение. В "Балладе о девушке Джамиля, борца" глаза входящей в воду, чтобы умереть, прикованы к Луне. А в "Сомнамбулическом романсе" Лорки раненый беглец твердит в предсмертном бреду: "О, дайте, дайте подняться к высокой лунной ограде...". И еще: у Лорки быть на Луне - это значит быть на небе, в раю /"Песня матери Амарго" из "Канте Хондо"/.

У Рендры в одной только "Балладе об убийстве Атмо Карпо" Луна помогает не преследуемому, но преследователям: "Предательский месяц на верхушках деревьев тело свое полирует", и "Атмо Карпо проклинает месяц злосчастный и злую судьбу". Но причина этого, видимо, в том, что Атмо Карпо – злодей, и Луна принимает участие в наступлении его возмездия. Она всегда справедлива у Рендры. /Интересно, что и у Рендры, и у Лорки взаимоотношения Луны и героев всегда адекватны: у Рендры Луна предаёт Атмо Карпо, и он её проклинает, а у Лорки в "Сомнамбулическом романсе" "цыганский месяц тревожен" – это повторяется неоднократно, он – "за" беглеца, и смертельно раненый тянется к нему/.

В драме Лорки "Кровавая свадьба" Луна, /которая дана в перечне действующих лиц наравне с другими/ играет роль возмездия – она в сговоре со Смертью. Она "кровавая": ей холодно, и она хочет крови, которая прольётся, оживить свои щеки, согреть белые пальцы; хочет проникнуть в сердце, когда оно умрёт в груди, чтобы согреться. Но это возмездие за любовь, хоть и греховную. У Рендры Луна гуманнее.

Если у Лорки Луна и Смерть выступают вместе не только в этой драме, но и в стихотворении "Пляшет Луна в Сант-Яго", где строка "Пляшет луна над долиною мертвых" повторяется с вариациями через строфу, то в стихах Рендры нет этого сочетания Луны и Смерти, Луны и крови. Пожалуй, только в балладе о "Бедном Койане" магическая сила Луны, способной завладеть душой человеческой, употреблена "во зло": тоска, печаль, страсть, снедавшие большого юношу, оказываются страстью к Луне; Луна в крови, плачущая оранжевыми слезами, завладела сердцем юноши, поглотила его целиком.

Обращение к Луне "дитя" у Рендры, очевидно, – от Лорки /см. "Лунные песни" Ф. Гарсиа Лорки/. У Рендры Луну называют: "Дитя, хранитель ночи", "Дитя, пастух рассвета" /стих. "Мужчины, проходящие по дороге" из сборн. "Четыре книги стихов"/.

Что касается других формальных приемов, помимо отмеченных выше, то можно отметить наличие у Рендры общего с Лоркой внутреннего монолога – строки, выделенные курсивом или скобками – у Лорки, и скобки – у Рендры.

Интересны такие сходные у этих поэтов метафорические обороты: у Лорки – в стих. "Умерший от любви" из "Цыганского романсеро": на небе "посуду медную чистят", у Рендры – в стих. "Мужчины,

проходящие по дороге" из "Четырех книг стихов": "на небе души умерших уже мнут красные тарелки", что, по-видимому, означает закат.

Наличие некоторых сходных черт образов и мотивов, а также общих моментов поэтики не дает оснований говорить о заимствованиях индонезийского поэта Рендрн у Лорки. Но можно полагать, что вследствие некоего родства творческих индивидуальностей этих поэтов и того, что поэзия Лорки была по духу очень близка Рендре, — последний испытал воздействие поэзии Лорки, возможно, до некоторой степени подсознательно, что и проявилось впоследствии в ряде его стихотворений. К тому же, как можно заметить из наших наблюдений, общие моменты с поэзией Лорки всегда преломлены у Рендрн по-своему.

З.Н.Ворожейкина

О СПЕЦИФИКЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПРЕКРАСНОМ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ПЕРСИДСКОЙ ПОЭЗИИ

Своеобразие персидской литературной эстетики эпохи средних веков определялось во многом широким распространением художественного метода т а к л и д. Зародившись в домонгольское время, этот метод "творческого подражания" или "творческого варианта" занял в персидском литературном процессе XIV-XIX вв. господствующие позиции.

Поставив во главу угла самоценность отдельного образа, отдельной метафоры, художественный метод творческого подражания повел к закреплению в литературе устойчивых инвариантных элементов, прежде всего — романтических сюжетов. Известно, например, что одно только сказание об Иосифе Прекрасном насчитывает в персоязычной литературе до трех десятков обработок.

Развитие литературы, согласно т а к л и д у, шло по пути накапливания и умножения инвариантных элементов. В поэзии малых форм также выработался достаточно узко определенный круг повторя-

ющихся мотивов, сложился основной фонд изблюбленных образов. Творческий поиск необходимой новизны в искусстве – вариативности – был направлен по линии тончайшей детализации отдельно взятого образа. Представление о прекрасном в литературе включало наслаждение от встречи с традиционно-знакомым, но несущим неожиданную образную информацию.

Эта повторяемость мотивов, художественных и лексических средств – отличающая эстетические критерии персидской и европейской поэзии – имеет, вместе с тем, достаточно сложную художественную и логическую природу. Показательный материал для ее изучения дают четверостишия и газели одного из предмонгольских авторов – Камал ад-Дина Исмаила Исфехани (ум. в 1237 г.).

В тексте стихов Камала Исмаила – его любовной, пейзажной и вакхической лирики – без труда можно выделить тот неизменный набор повторяющихся слов-мотивов, которыми поэт охотнее всего пользуется в качестве опорных элементов для построения метафор. Список их содержит три-четыре десятка объектов зримого мира. Это красивая внешность женщины или юноши (описывается почти исключительно лицо с вглядыванием в каждую отдельную черту, локоны, рот, глаза, родинка, пушок над губой); штрихи пейзажа (избирательно, всегда в одних и тех же деталях: роза, тальпани, кипарис, лужайка, утренний ветерок и пр.). И несколько бытовых предметов: горящая свеча, чаша – иногда кувшин – с вином, и два музыкальных инструмента – арфа (ч а н г) и флейта (н а й).

Если понаблюдать жизнь в стихах этих четырех предметов-фаворитов из ближнего окружения – (каждый из них фигурирует в десятках стихотворений) – они поведут нас к выводам, немаловажным для характеристики системы художественного мышления.

Предметные образы создаются поэтом по формуле "вещь – человек" ("вещь – я", "вещь – мы"). Сравнения, как правило, обратные. Метафоры отмечены скульптурной зримостью.

Изобразительность, развиваясь в персидской домонгольской поэзии, как ведущий элемент стиля, удовлетворяла определенным эстетическим потребностям общества, тем более выраженным, что развитие собственно-изобразительных искусств – станковой и миниатюрной живописи, скульптуры – сдерживалось традициями ислама. Это время породило в Иране даже особый вид поэтического творчества – в а с ф – своеобразную словесную живопись: опи-

сание предмета по его виду и свойствам.

В установке на изобразительность можно проследить определенные закономерности. Поэтические образы как бы "привязаны" к обстановке чтения стихов, они прямо соотносятся с ситуацией собрания и поведением присутствующих. Именно этим объясняется отбор реалий для множественных метафорических прочтений – это нечто иное, как аксессуары праздничного собрания. Но и среди них выбраны те, которые прежде всего концентрируют на себе внимание присутствующих. Отбор диктуется стремлением соединить в восприятии слушающего формульную метафоричность описания объекта с созерцанием самих объектов. В этих стихах, так же как и в пейзажных, мы часто встречаем призывы поэта "взгляни", "посмотри", и указательные местоимения "тот" и "а этот", как бы направляющие зрительное внимание слушателей.

Переосмыслиется, таким образом, самый этикет чтения стихов: собравшихся окружают не обденные вещи, а предметы-символы, с их многообразными, и, как правило, антропоморфными свойствами.

Чаша в руках слушающего стихи – уже не просто чаша, а своего рода ожившая метафора. Раскрытые тильпаны чаш, полные вином – это сердца, полные кровью; края чаши – губы милой. Чаша – это сама небесная сфера, опрокинутая над миром, а движение круговой чаши повторяет вращение колеса судьбы. Поэт видит себя – вместе с куншином – в поясном поклоне перед чашей, и разум его – как бутыль – гнет шею при виде чаши:

ساقی رمن چو جام روشن بنهاد * جام بهوای دلنش تن بنهاد
عقلم چو صراحی ارچه گردنکش دید * حال چو پیاله دید گردن بنهاد

– Когда виночерпий поставил предо мной светлую чашу вина,
Душа моя отдалась страсти служения ей.

Разум мой, наподобие бутылки – словно бы и у него такое же
горлышко, –

В тот миг, как чашу увидел, склонил перед нею шею.

Музыкальные инструменты – арфа и флейта – традиционно символизируют стоны и рыдания влюбленного или страдающего человека. Поэт изощряется в поисках других признаков для их образного истолкования: пустотелость флейты – это кости человека, струны арфы – его жилы. Обигрывается контрастный цвет инструментов – белой арфы и черной флейты, – все находит проекции в переживаниях и состояниях человека:

از بهر دمی که با تو بر کار کنم * چو نای همیشه ناله زار کنم
یک لحظه مگر از کنار تو دور افتم * چو چنگ تو روی سوی دیوار کنم

- В ожидании того мгновения, которое я проведу с тобой,
Словно флейта я в постоянном стенании.

И лишь на миг покину твои объятия,

Словно арфа стою я лицом к стене.

Главный предметный образ – свеча. Персонифицируя разнообразные признаки свечи, поэт как правило разворачивает метафору, создавая образы большой художественной емкости. Горящая свеча – светильник – открывает перед слушающими целую галерею содержательных сюжетов действительной жизни, объединенных общей идеей: "светя другим – сгораю сам".

Свеча у Камала Исмаила – это призывание к вечному горению; это обнаженная душа, мятущаяся над телом и вне его, как пламя свечи; это символ короткости жизни – жизни только во тьме и умирании. В образе свечи, вставленной в подсвечник, поэт видит неволю – в колодках на ногах и с веревкой на шее; и одиночество среди людей, когда приходится лить слезы на их веселом пиру. Поэт восхищается гордостью длинностадной свечи, не склоняющей головы, и непреклонностью самого последнего огарка, уже сбитого слабостью с ног, но продолжающего гореть. Камал Исмаил охотно пользуется образом свечи для самовыражения: тридцать с лишним четверостиший развивают тему: "я – свеча" и "мы – как свечи"; более десяти так и начинаются "ш а м' а м" – "я – свеча":

شمع که بخود را بخت پردازم * در پای تو خنده زان اندازم
دراهِ تو هر که که سری در بازم * در حال سری دیگر ز جان بر سازم

- Я – свеча. Предаю себя страданиям по тебе,

К ногам твоим голову, смеясь, склоняю.

Пусть сложу я ее на пути к тебе: в тот же миг

Душа моя другую возрастит, /чтоб сложить и ее/.

Светильник часто выступает прообразом поэта. Пламя свечи – это терновый венок поэта, дух, изнуряющий плоть, голова, глаза, язык поэта и его кипящий мозг, мученическое сжигание сердца на кончике языка:

گرچه دل من چو شمع آتش خایست * این آتش من چو آب جان افزایست
در چند سرا زبان تن فرسایست * چون شمع زبان من بتن برپایست

- Пусть сердце мое – свеча, дышащая огнем,

Этот огонь – живая вода для души моей.

И как бы ни изнурял язык тело мое,

Как у свечи язык мой самым телом воздвигнут.

Общая художественно-творческая задача - соединить поэтический образ с его реальным предметным символом - оправдывает ту особую роль, которую играет в создании литературных аллегорий горящая свеча - центр вечернего собрания, главное его световое пятно.

Длинные однотемные - однообразные на первый взгляд - циклы стихов, которые мы находим в диванах средневековых персидских поэтов, порождены характерной для средневековой поэзии Ирана эстетической установкой на множественность метафорических трактовок одних и тех же - и немногих - предметов реального и близкого окружения. Метод творческого варианта, охватывая поэзию малых форм, находит в ней свое дальнейшее развитие, как метод творческого самоварианта.

Однотемные циклы - особенно это показательно на примере четверостиший - могут быть продолжены как угодно долго по внутрилитературному ряду, аналогичными циклами, в создании которых пробовал силы, согласно литературной моде, едва ли не каждый из поэтов. Вне зависимости от того, читались ли однотемные четверостишия подряд, в виде строфического стихотворения, или нет, каждое отдельно взятое из них накладывалось в восприятии читающего или слушающего на широкий контекст персидской поэзии, находя свое место в том или ином ряду накопленных традицией образов.

В совокупности однотемные циклы предстают перед нами в ценном качестве своеобразных каталогов образов, вернее сказать - каталогов микрообразов - м а а н и, вариаций одного и того же образа. С почти обучающей наглядностью эти циклы демонстрируют специфическую эстетику персидского поэтического искусства.

Одной из функций литературной службы при средневековых иранских дворах было лирическое сопровождение собраний. Поэзия носила при этом нередко выраженный изобразительно-комментаторский характер, служа поэтическим аккомпанементом к протекающему в нем действию. Эта художественная особенность, с очевидностью пропускающая из стихотворений Камала Исмаила, воспринималась, вероятно, как один из существенных критериев эстетики для придворной поэзии малых форм. Подтверждение этому можно увидеть во многих эпизодах чтения стихов, запечатленных в сочинении XII в. "Собрание редкостей" Низами Арузи.

А.Н.Болдырев, Краткая история литератур Ирана, Афганистана и Турции. Л., 1971, с.39-40.

ديوان کمال الدين السمعيلى صنفهاني، بايقام حسين بحرالعربي، تهران ۱۳۴۸ - №244, 245, 404, 186

Низами Арузи Самарканди. Собрание редкостей или Четыре беседы", М., 1963, с.68-70, 73, 75, 85-86.

Л.В.Иданова

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО В ЦИКЛЕ ЧХВЕ ЧХИВОНА (857-?)

"ВОСПЕВАЮ ВЕТЕР И ЛУНУ" (884 г.)

Цикл "Воспеваю ветер и луну" состоит из десяти стихотворений в жанре семисложных люйши (кит.). 1. "Скалистый пик", 2. "Волны прилива", 3. "На песчаной отмели", 4. "Пожар", 5. "Рододендрон", 6. "Морская чайка", 7. "Опасно стоящий на вершине камень", 8. "Низенькая сосна на камнях", 9. "Дерево с красными листьями", 10. "Текущий по камням родник".

Циклу предпослано предисловие: "В год "Чжунхэ цзячэнь" я получил приказ отправиться послом на Восток /т.е. в Силла - Л.И./. Плывя, остановил лодку у подножья горы Тайчжушань и все, что попадалось на глаза, замечал для /будущего/ цикла "Воспеваю ветер и луну". Отобрал стихотворения, представляющие собой завершённый /цикл/ и послал чиновнику в отставке Гао".

Художественное пространство цикла задано в предисловии, где даны физическое пространство, "космическое", "социальное". Физическое, реальное пространство представлено: горой Тайчжушань, находящейся в пров.Шаньдун на морском побережье, у подножья которой находится знаменитый источник; морем, обозначенным косвенно ("плывя остановил лодку"). При этом оговаривается принцип выбора объектов изображения (замечать то, "что попадалось на глаза").

"Космическое" пространство - мироздание, космос в целом - дается в виде формулы в названии цикла "Воспеваю ветер и луну".

"Социальное" пространство - задано личностью самого поэта, находящегося в пров.Шаньдун (периферия) и личностью адресата - чиновником в отставке Гао, находящемся в Китае (центр).

Физическое пространство в цикле выстраивается за счет элементов, заданных в предисловии (гора, море, побережье, источник) и элементов увиденных, которые "попались на глаза" (цветок-рододендрон, чайка, камень на вершине горы, сосна на камнях, дерево с красными листьями). Как первые, так и вторые элементы присутствуют в названиях стихов.

Названия 1, 2, 3, 10 стихотворений воспроизводят элементы пространства, заданные предисловием, т.е. объективные географические координаты места действия. Названия 5-9 стихотворений воспроизводят то, что оказывалось в поле зрения автора, т.е. реалии пространства, выбранные произвольно. При этом названия 1 и 10 стихотворений, посвященных соответственно горе и источнику, свидетельствуют о завершенности цикла как пространственного единства.

В самих стихотворениях пространство развертывается по элементам, заданным в названиях. В 1 стихе делается акцент на горе, во - 2-ом - на море (гора присутствует), в 3-ем - на отмели (гора отсутствует), в 10-ом - на источнике (гора отсутствует).

Таким образом реальные географические элементы, заданные в предисловии, в названиях стихотворений 1-3-ем, 10-ом и присутствующие в самих этих стихах, задают вертикаль художественного пространства цикла (гора в 1-ом и 2-ом), и его горизонталь (отмель и море в 3, источник в 10).

Названия 5-9 стихотворений в текстах даются как развернутые кадры. Рододендрон у моря - в 5-ом, чайка над морем - в 6-ом, сосна на отмели у моря - в 8-ом даются как точки на горизонтали; камень на вершине горы - в 7-ом, дерево на вершине горы - в 9-ом стихотворении даются как точки на вертикали пространства.

Реально географические элементы в стихотворениях 1-3-ем и 10-ом развертываются сверху вниз. Элементы, которые привлекли внимание поэта, в стихотворениях 5-м-9-м выстраиваются в обратном порядке: снизу вверх. Тем самым физическое пространство цикла определяется как некая замкнутость, как пространство, освоенное личностью.

Основные элементы "космического" пространства - луна и ветер заданы в предисловии в названии цикла и присутствуют в тексте 6-го стихотворения в формульном виде ("проникать в дух ветра и луну").

Луна и ветер - основные координаты космического пространства - дублируются в самих стихотворениях горой и водой (море и источник). Таким образом каждое стихотворение дает модель лично обжитого, физического пространства как микромодель космоса. Помимо этого в I-ом и 6-ом стихотворениях дается приобщение личности к космосу. В I-ом - благодаря горе Пинлай и луне, в 6-ом - благодаря ветру и луне и ассоциации с Чуанцзы.

"Социальное" пространство задано в предисловии и ему целиком посвящено 4 стихотворения о мятеже в Китае (в центре); элементы социального пространства присутствуют во всех стихотворениях цикла кроме I-го и 6-го.

Основные элементы "социального" пространства, оговоренные предисловием, "я" - "Вы", присутствуют во 2-ом и 9-ом и косвенно в 3 (как досада на разлуку с другом). В 4 стихе с центром соотносится "пожар", с периферией - "барсуки и лисички", "кони и воли". Во 2-ом и 4-ом с центром соотносится "сражение", с периферией - "эхо войны в горах".

Осознание поэтом себя как социально значимой личности идет через ассоциации с цветком в 5-ом стихотворении, с камнем на вершине горы в 7-ом, с сосной на камнях в 8-ом, с потоком, впадающим в море, в 10-ом стихотворении.

Помимо этого, социальная значимость личности поэта подчеркивается аналогиями с конкретными историческими лицами: во 2-ом стихе с Цзун Цзе и Чуань Ляном (косвенно), в 7-ом стихе - с Бянь Ха, в 8-ом - с министром царства Ци Янь Инем, в 10-ом - с Чжан Ляном и Сунь Чу.

Личность стремится преодолеть замкнутость физического пространства выходом в "космос" к бессмертию или выходом в "социальное" пространство (приобщение к активной социальной деятельности). Выход в "космос" реализуется по вертикали, выход в "социальное" пространство реализуется по горизонтали.

Г.Д.Иванова

МОРИ ОГАЙ. ОДНА СТРОКА ИЗ ЕГО НАСЛЕДИЯ

Мори Огай (1862-1922) единодушно почитается в Японии как один из самых больших писателей¹. В его творчестве представлена

проза, поэзия, критика, значительное место занимают переводы европейских классиков (Лессинг, Гете, Ибсен, Андерсен и др.). Жемчужиной его наследия считаются исторические повести, написанные на материале японского средневековья. История преломлялась в них через призму современной ему социальной и нравственной проблематики, обретала актуальное для его времени звучание.

Конечно, фигура Мори Огай чрезвычайно многогранна, сложна, противоречива. Потомственный самурай, он, естественно, был воспитан в правилах своего, военно-феодалного сословия. Моральный кодекс "бусидо" ("путь самурая") предписывал, в частности, готовность жертвовать жизнью ("харакири"), если этого потребует "долг" или "верность господину". Как государственный деятель императорской Японии, врач по профессии, Огай в 1907-1916 гг. возглавлял военно-медицинскую службу армии.

Эти моменты биографии Огай дали известное основание для его негативной оценки левыми критиками 20-х годов. С той поры за ним закрепилась репутация "оплота империи" и певца националистической морали. Между тем, внимательное чтение произведений писателя показывает, что такая характеристика, порожденная полемическими задачами времен становления "пролетарской литературы", страдает односторонностью. В своих исторических условиях эта оценка была оправдана, но ныне, по прошествии более полувека со дня смерти писателя, она нуждается в дополнениях.

Анализ авторской концепции Огай в исторических повестях ("Посмертное письмо Окицу Ягэмон", "Семья Абэ", "Случай в Сакаэ") позволяет усмотреть в них бесспорно критическое отношение к кодексу самурайской морали.

В цикле рассказов из современной жизни ("Как будто", "Беседка с вистариями", "Удар молотка") Огай подвергает глубокому сомнению смысл такого "краеугольного камня" тогдашней идеологии, как "божественное происхождение" императорской фамилии.

Государственный деятель императорской Японии, он в то же время был одаренным художником и как таковой восставал против угнетения интеллектуальных свобод. В дни ожесточенного гонения на социализм ("дело Котоку", 1910-11 гг.) он выступил с сатирическими произведениями ("Башня молчания", "Столовая"), в которых беспощадно высмеивал "охоту за опасными мыслями".

Нет никакого сомнения в том, что из тогдашних идеологов правящего класса Огай был одним из наиболее мыслящих, дальновидных, способных к реформе. Конечно, его нельзя назвать борцом против военно-феодальной монархии. Было бы преувеличением утверждать, что в его положении генерала действительной службы Огай задавался сознательной целью развенчивать господствующую идеологию. Но незаурядный ум и талант, принадлежность к гуманной профессии врача, пять лет учебы в Европе — все это внесло существенные поправки в его исконно самурайскую закваску.

Историко-идейная и художественная ценность наследия Огай не подлежит сомнению. Без него нельзя воссоздать полноценную картину японской литературы, нельзя составить верного представления о существенных, истинно национальных аспектах японской культуры.

Без знания творчества Огай многое останется непонятным и в современной Японии, где идеологическая традиция (в частности, пережитки "бусидо") играет существенную роль и поныне.

Советскому читателю Огай практически не известен (в русском переводе был напечатан его единственный небольшой рассказ²); В сегодняшней послевоенной Японии критики всех направлений, включая социалистов и коммунистов, рассматривают Огай как одного из самых выдающихся художников нового времени. Учитывая это, наше японоведение не может более проходить мимо его наследия. Не имея нужды идеализировать воззрения Огай, мы обязаны отдать ему должное, показав роль его творчества в социальном континууме и в свете последующего развития японской мысли и литературы.

Из обширного наследия Огай (в издании "Иванами бунко" его полное собрание составляет 53 тома) мы попытаемся здесь раскрыть, для примера, только одну строку. Речь пойдет о стихотворении в традиционном японском жанре "танка", его размер — тридцать один слог. "Танка" гласит: "Футигома-но мукуро-о хата-то нагэутину *оупро*с -нару ками-но матои-ни"³ "Шкуру пятнистой лошади в сердцах швырнул — целясь в богов Олимпа". За этой лаконичной поэтической строкой стоит большой культурно-исторический подтекст. Иностранному читателю она без специального комментария, может быть, и вовсе не понятна.

Прежде всего необходимо пояснить, что "шкура пятнистой лошади" — это напоминание о первом японском письменном памятнике

"Кодзики" ("Записи о делах древности", VIII век); именно на его мифах покоилась доктрина синто о "божественном происхождении".

Один из мифов "Кодзики" повествует о том, как молодой бог Сусаноо-но микото, не желая подчиниться своей старшей сестре — богине Солнца Аматэрасу, буйствует на Равнине высокого неба (Такамагахара). Сусаноо совершает несколько поступков, непростительных с точки зрения морали первобытного общества: вытаптывает посевы риса, разбрасывает нечистоты, обдирает живую пятнистую лошадь (да еще с хвоста!). Конскую шкуру он швыряет в покои Аматэрасу; проломив потолок, она падает на "небесных ткачих", ткавших платье для его божественной сестры.

Обитель богов синтоистского пантеона Такамагахара получает здесь неожиданное соединение с греческим Олимпом.

Включение в "танка" иностранного слова, да еще в европейской транскрипции (*Олимпос*) — вещь прежде небывалая и знаменательная. После незавершенной буржуазной революции 1868 года шел бурный процесс приобщения Японии к современности и к "большому миру", проходил этот процесс под знаком европеизации всех сторон ее жизни и культуры. Вестернизация стала тогда настолько заметным фактором развития японского общества, что мимо этой проблемы не мог пройти ни один мыслящий современник. Кипели споры, поляризовались мнения. "Западники" готовы были на безоговорочное подражание — вплоть до отказа от родного языка и перехода на английский; "японофилы" усматривали в европейском влиянии сплошной вред, возводили в абсолют "национальную красу". Мори Огай принадлежал к числу тех наиболее дальновидных умов, которые уже в прошлом веке пришли к убеждению: культурная интеграция Востока и Запада становится для Японии потребностью объективной и неотвратимой.

Удивительно экономно и не без изысканности связывает Огай в своей "танка" Восток и Запад. Себя же, японского поэта, он ощущает при этом хозяином этого единого целого, наследником всей мировой культуры.

Европа органически вошла в творческое мироощущение Огай. Но восхищаясь шедеврами ее литературы, искусства, находя в них союзника по борьбе с национальной ограниченностью, он с самого начала был далек от комплекса неполноценности перед Западом.

Дерзко обращается он с богами – равно отечественными и олимпийскими. Слышится напористый тон юноши эпохи Мэйдзи, когда набиравшее силы буржуазное государство устами своих и заморских учителей призывало: "Мальчики, побольше амбиции!"⁴.

"Танка" – это малая капля, но в руках мастера она становится отражением целого мира ассоциаций и чувств, за ней стоит целое мировоззрение. ,

¹ См. Сб. "Изучение Мори Огай" ("Мори Огай кэнкю"), Токио, Тикума сёбо, 1971 г., 398 стр.

Ара Масахито, "О писателе и его произведениях" ("Сакуся то сакухин-ницуита"), в кн. "Избранные шедевры японской литературы" ("Нихон бунгаку мэйсаку сэн") т.14, Токио, Кайсэйся, 1974, г., 308 стр.

Есида Сэйити, "Послесловие" ("Кайсацу"), в кн. "Полное собрание сочинений Мори Огай" ("Мори Огай дзэнсю"), т.3, Токио, Тикума сёбо, 1974, 460 стр.

² Мори Огай, "Однажды в лодке", перевод с япон. В.Костеревой, "Восточный альманах", вып.4, 1961, стр.343–353.

³ См. Сэнума Сигэки, "Литература новой Японии. Влияние западной литературы" ("Киндай нихон-но бунгаку. Сэйкё бунгаку-но эйкё"), Токио, изд. Сякай сисо кэнкюкай сёпанбү, 1959, стр.19.

⁴ "Boys, be ambitious !" – популярный в свое время лозунг У.Кларка, основателя Саппоровского колледжа (Саппоро ногакко, 1875 г.).

В.А.Лившиц

К ТОЛКОВАНИЮ НЕСКОЛЬКИХ БЕЙТОВ ИЗ КАСЫД 'УНСУРИ

1. Значение касыд Унсური как источников по истории Газневидов отмечалось неоднократно¹. Походы Махмуда подробно описаны арабскими и персидскими историками, однако некоторые сведения об этих походах, в том числе такие существенные, как маршруты, описания вооружения, боевых порядков, военной добычи, сохранились нередко только в касыдах 'Унсური и других газнийских панегиристов. Завоевания Махмуда была посвящена не дошедшая до нас поэма Тали

ал-футуḥ, базировавшаяся, очевидно, на официальной хронике, также не сохранившейся (ее название - Давлат-наме - упоминает Фаррухи). 'Унсuri по меньшей мере дважды ссылается на Тайх ал-футуḥ, причем есть основания полагать, что эта поэма была написана им самим². Точные, хотя и краткие описания военных кампаний, вкрапленные в пышные словословия Газневидам, показывают, что 'Унсuri, помимо официальной хроники, пользовался и сведениями, полученными от непосредственных участников походов. В его диване можно найти и прямые указания на такую информацию, например:

... بدین گواه منست آنکه دید جنگ کت
'Об этом есть у меня свидетельство того, кто (сам) видел сражение при Катаре'³.

Современники 'Унсuri высоко ценили фактическую точность его касид. Так, Бейхаки, рассказывая об одном из эпизодов похода Махмуда на Хорезм, замечает: "Это - рассказ долгий, и он известен; я его пространно не излагаю... У 'Унсuri насчет сего есть блестящая касида, ее надобно прочесть со вниманием, дабы положение представилось ясно..."⁴.

2. Диван 'Унсuri дошел до нас в поздних рукописях и с многочисленными лакунами. Во всех литографированных изданиях дивана многие бейты искажены, причем более всего пострадали имена собственные и названия реалий. Немногим лучше в этом отношении наборные издания Гариба и Сийаги. Конъектуры, предлагавшиеся издателями и исследователями дивана, нередко недостаточно обоснованы. Так, Сийаги вместо чтения پرشاور (вар. برشاور), засвидетельствованного в нескольких рукописях и точно соответствующего ранне-средневековому названию этого города (Пур(у)шавар, ср. точные передачи у 'Утби, Гардизи, Бейхаки, Беруни), выбирает форму پیشاور (б. 1309), невозможную для XI в. Вместо чтения بجرا предлагаемого Сийаги (бб. 1334, 2965), следует, конечно, читать بجرا (Баджй Рā(й)) - имя и титул правителя области Бхāтия, лежавшей на пути в Мульта́н (упомянут 'Унсuri в описании похода 1004 г.)⁵.

Особенно не повезло топонимам, весьма важным для интерпретации касид 'Унсuri как исторических источников - около половины топонимических названий, засвидетельствованных у 'Унсuri, искажены переписчиками и не поняты издателями. Между тем, если учитывать реальную географию походов Газневидов и данные средневеко-

вых историков и географов, можно достаточно уверенно восстановить чтения соответствующих названий.

3. Несколько примеров таких восстановлений.

В касиде

توانگری و بزرگی و کام دل بجهان
نکرد حاصل کس جز بخدمت سلطان

‘Унсурі, рассказывая о печальной судьбе правителей Хорезма, пытавшихся оказать сопротивление Махмуду (события 1017 г.), заключает:

کنون بدست یکی بنده خداوندست
مه ولایت او از بحیره تا فرغان

‘Теперь в руках одного из слуг государя [=слуг Махмуда] вся область его [=хорезмшаха] от ... до ...’

Чтения *بحیره* и *فرغان* находим в нескольких рукописях, в литографиях и в изданиях Гариба (с.105) и Сийаги (б. 1927).

Е.Э.Бертельс также остановился на чтении *فرغان*, рассматривая это написание как вариантное к *فرغانه* ‘Фергана’; вместо *بحیره* он предпочел *بخیره*, отметив, что “бейт безнадежно испорчен”⁶. Разночтения по рукописям – *سرغان*, *زرغان* в.

فرغان и *اورا بخیره* в. не проясняют картины. Поскольку ‘Унсурі говорит о бывших владениях хорезмшахов, а Фергана не входила в их состав, от чтения *فرغان* приходится отказаться. Зато по источникам хорошо известен *درغان* (*Дарган*) – город, расположенный на крайнем юге Хорезма, на левом берегу Амударьи (позднее упоминается под названием *Даруган*, в XIX в. – городище Дарган=Ата)⁷. Для *بحیره*, если придерживаться этого чтения, точное отождествление найти труднее. Исходя из конструкции ‘от ... до’, можно предполагать, что речь идет о каком-то пункте на крайнем севере Хорезма. Араб. *بحیره*. ‘озеро’ могло бы здесь обозначать Аральское море, ср. распространенное в географической литературе с XI в. выражение “от Даргана до моря” как обозначение всего Хорезма⁸; для *بحیره* как возможного названия селения ср. “Берег озера” – селение на крайнем севере средневекового Хорезма⁹.

В касиде

ایا شنیده هنرهای خسروان بخیر
بیا ز خسرو مشرق عیان به بین تو هنر

в описании одного из походов Махмуда на Мультап читаем (изд. Сийаги, б.1340; у Гариба этого бейта нет):

ز جندراہ و تنجہ وز شاہ تبت
برون گزشت نہ کشتیش بود و نہ نگر

‘Через Джандраха и Танджа (?) и через (владения) царя Тибета [Махмуд] перешел, а не было у него ни судна, ни якоря’.

Джандраха здесь – название реки; что такое тенге, совершенно неясно, очень странно и упоминание “(владений) царя Тибета” при изложении пути в Мультиан; путь этот, как известно, проходил через Пенджаб. В некоторых рукописях, как отмечает Сийаги, вместо тенге находим джиюн или сийюн, однако и эти чтения в данном контексте смысла не дают. Е.Э.Бертельс начало бейта читает: ... Бенджарахе з джиюн. ‘Несколько раз (Махмуд переходил) через Джейхун..., отказываясь от дальнейших восстановлений’¹⁰.

Написание джандрахе достаточно точно передает инд. Чандраха – одна из главных пяти рек Пенджаба (Sandgrāha или Sandgrabhāgā, совр. Ченаб), а потому следует попытаться найти названия рек и в тенге и тбет. Первое из них распознается как искаженное бияхе (или бияхе), Бияха (совр. Биас), также одна из основных рек Пенджаба, протекающая к востоку от Лахора. В тбет можно узнать деформированное переписчиками бият – Бьятта (совр. Джелам; в формах бият, бият), передается это название в “Индии” Беруни¹¹, еще одна главная пенджабская река. Вместо аз шаа следует, конечно, читать аз шах ‘через приток’ (‘через приток(и) Бьятты’).

Упоминание рек Чандраха, Бияха и Бьятта позволяет точно датировать описываемый поход – речь идет о весенней кампании 1006 г., когда Махмуд, направляясь в Мультиан, переправился через несколько рек Пенджаба.

¹ См., например, M.Nāzīm, The Life and Times of Sultān Maḥmūd of Ghazna. Cambridge, 1931, pp.7,36,197–198; Е.Э.Бертельс, Избранные труды [1]. История персидско-таджикской литературы. М., 1969 (далее в сокращении – ИПТЛ), с.323 и сл.

² Неточно об этом в ИПТЛ, с.326, прим.63.

³ Диван, изд. Гариба (Тегеран, 1323/1944), с.83; изд. Сийаги (Тегеран, 1341/1962), бейт 1354. Гариб вместо кзр – чтения, засвидетельствованного в нескольких рукописях и в бомбейской литографии (1320/1902, с.70), – предлагает кбр, однако речь идет об известной битве 4 января 1008 г. на равнине Катара

(4 фарсаха от Балха), в которой Махмуд нанес поражение караханидским войскам.

⁴ Абӯ-л-Фазл Бейхаки, История Мас'уда (1030-1041), пер. с персидского... А.К.Арендса, изд. 2-е, М., 1969, с.820; ср. также с.481, где говорится о касидах 'Унсурн, приведенных в начальных (несохранившихся) томах "Истории" Бейхаки.

⁵ Е.Э.Бертельс (в монографии "Хаким 'Унсурн из Балха", публикуемой в У томе "Избранных трудов") и Гариб (с.81) вместо Бхатийа (برهائيه) предпочитают ضيا طله "страна эфталитов", но такое чтение не дает здесь смысла.

⁶ ИПТЛ, сс.319 (б.65), 322, прим.55 (то же в монографии "Хаким 'Унсурн из Балха"). Отметим попутно, что, вопреки мнению подготовителей I тома "Избранных трудов" Е.Э.Бертельса, ميررضي в рассматриваемой касиде (ИПТЛ, с.319, б.47) не "покойный эмир" (с.321, перевод б.47: 'Но когда потом покойный эмир пожалел о своем решении'), а хорошо известное арабское прозвание саманидского правителя Нуха II (Абу-л-Касим Нух б. Мансур, именуемый также ал-'Амйр ар-Рида, 976-997; в русском переводе "Истории" Бейхаки неточно 'эмир Рази').

⁷ О Даргәне см. В.В.Бартольд, Сочинения, I, сс.197-198.

⁸ В.В.Бартольд, Сочинения, III, с.163.

⁹ В.В.Бартольд, Сочинения, I, с.206. Возможное по метру восстановление (вместо از طامريه و درغان (از بحيره تا درغان) - 'от Тәхирийн и Даргана' - подходило бы по смыслу (Тәхирийа, иначе Рабат=и Тәхир - город на юге Хорезма, в двух днях пути от Даргана), но кажется маловероятным по графике.

¹⁰ ИПТЛ, с.326 (то же в монографии "Хаким 'Унсурн...").

¹¹ Бируни, Избранные произведения. II. Индия, пер. А.Б.Халидова и Ю.Н.Завадовского, комментарии В.Г.Эрмана и А.Б.Халидова, Ташкент, 1963, сс.202, 241, 606 (прим.40), 622 (прим.4).

С.Л.Невелева

РЕАЛИЗАЦИЯ ЭПИЧЕСКОГО СРАВНЕНИЯ (на материале "Махабхараты")

I. Модель сравнения, как любой поэтической фигуры, которая

характеризуется наличием, в широком смысле, определяемого и определяющего, отличается исходной бинарностью структуры с двумя организующими звеньями: субъектом сравнения (то, что сравнивается, по санскритской терминологии – *уравнеуа*) и объектом сравнения (то, с чем сравнивается, *уравāна*)¹, например:

yuddham (s) vrtravā-	"битва (s), как между Вритрой и
savayor(o) iva (13.96)²	Васавой (Индрой) (o);
vibhrājase hy atimātram (s)	"ты блистаешь необычайно (s),
yathā ̣rīh(o) (184.18)	точно Шри (Лакшми) (o)

(обозначения : - субъект, o - объект сравнения).

В пределах конкретного случая реализации модели число составляющих субъекта сравнения чаще всего равно единице (см. примеры выше). Увеличение числа составляющих субъекта (соединенный субъект) означает уравнивание их в определенном признаке (или ряде признаков):

yamau... samrddharūpāv	"близнецы, совершенные обликом,
amarau divīva	точно боги на небесах" (o Накуле
(225.14)	и Сахадеве).

Разрастание ряда составляющих объекта за пределы единицы (с целью ли уточнения признака, усиления эмоционального акцента или в силу метрической необходимости) дает комплексный объект сравнения, составляющие которого подобны (но не всегда едины) в некоем признаке:

manī sūtra iva proto	человек "следует воле Творца, слов-
nasuota iva govrasāh	но бусина, которую нанизали на
dhātur ādeṣam anveti	нить, точно бык с продернутой в
(31.25)	носу /веревкой/"

(комплексный объект сравнения выражает идею зависимости человека от воли Творца).

Среди составляющих объекта сравнения, объединенных общим признаком, могут быть и такие, которые вносят определенный дополнительный оттенок в характеристику:

bāhavaḥ parighoramāh...	"руки, подобные железным брусам,
pancaśīrṣā ivoragāh (54.6)	словно пятиглавые змеи"

(общая идея мощи формы дополняется во втором случае уподоблением по числу: пятипалая рука – пятиглавый змей).

2. В основе компаративного сопоставления образов лежит общий для них признак (или комплекс признаков). В зависимости

от того, к какой логической категории принадлежат (или определяют ее) уподобляемые признаки³, можно выделить четыре первичных типа уподобления:

- 1) уподобление предметов (лиц, явлений), или субстантивное уподобление -
nāgā ... saṃhatāḥ ca "наги (демоны-змеи), подобные
yathopalāḥ (43.6) грудам драгоценных камней";
- 2) уподобление признаков предметов (лиц, явлений), или атрибутивное уподобление -
satkāram agryaṃ "высочайшее гостеприимство, слов-
surarājatulyaṃ (161.24) но царю богов (Индре)";
- 3) уподобление действий, или предикативное уподобление -
vyanadat sāgaro yathā (216.7) "зарокотал, как океан";
- 4) уподобление признаков действий, или адвербиальное уподобление -
abhidudrāva ... "бросился стремительно,
tūrṇam garutmān iva словно Гаруда на змея"⁴.
pāṇnagam (157.66)

Исходным должно быть, по-видимому, разделение сравниваемых признаков на две широко понимаемые категории: атрибутивную и адвербиальную, поскольку при субстантивном уподоблении, как и при предикативном речь идет, хотя и о не названном прямо, но подразумеваемом признаке предмета (лица, явления) или действия. Дифференциация признаков уподобления на четыре категории строится, таким образом, на противопоставление "выраженность-невыраженность" признака, и если признать в указанном смысле оппозиционным соотношение атрибутивного и адвербиального уподобления, с одной стороны, а субстантивного и предикативного - с другой, то общая схема типов уподобления в зависимости от выраженности признака выглядит так:

Тип уподобления	Субстан- тивное	Атрибу- тивное	Предикатив- ное	Адверби- альное
Выраженность признака	-	+	-	+

3. Сравнения, основанные на подобии признаков одной категории, можно определить как **простые** (см. выше) в противопоставлении **сложным**, комплексным сравнениям, построенным на уподоблении признаков разных категорий, например:

krīdate bhagavān

bhūtair bālah

krīdanakair iva (31.36)

"Создатель играет живущими, словно дитя - игрушками"

(субстантивное и предикативное уподобление);

pracchādyamānaḥ raksobhiḥ

pāṇḍavaḥ priyadarśanaḥ da-

dr̥ṣṭuḥ sarva bhūtāni sūryaḥ

abhraganair iva (157.47).

"все существа взирали на прекрасного обликом пандаву, окруженного ракшасами, как на солнце в скопищах туч"

(субстантивное и атрибутивное уподобление).

Особо следует отметить немногочисленные в тексте "Араньякапарвы" случаи употребления так называемых **синтетических сравнений**⁵, когда последовательное уподобление отдельных частных признаков соответствует целостному уподоблению субъекта и объекта сравнения. Приведем подстрочный перевод шлок 9, II, 12 из 84 главы: "Он (Карна)... - /словно огонь/, языки которого - стрелы, треск - удары тетивы о ладонь, дым - **пыль** /над полем битвы/, жар - /удары/ оружия; сын Дхритараштры (Дурьодхана) раздувает /этот огонь/, точно ветер... /Арджуна/ - это гонимая Кришной, словно ветром, огромная туча /изливающая, как дождь/ небесное оружие; его белые кони - стая журавлей, а (лук) Гандива блистает, как оружие Индры (радуга). В бою непрестанно туча-Арджуна ливнями стрел умиряет с вышины пылающий огонь-Карну". Цитируемый текст позволяет выявить два пучка сопоставлений с одним повторяющимся членом: 1) Карна - огонь, Дурьодхана - ветер; 2) Карна - огонь, Кришна - ветер, Арджуна - туча. К синтетическим сравнениям следует отнести уподобление Карны огню в первом пучке сопоставлений (объект сравнения здесь прямо не назван, но точно реконструируется на основе частных уподоблений и благодаря упоминанию в последнем стихе), а также Арджуны туче - во втором. Однако весь этот текст в целом можно рассматривать как синтетическое сравнение, в котором соотношение героев в битве уподобляется соотношению стихий, и, на конечном уровне, эпическая битва уподобляется грозовому дождю. Таким образом, в синтетическом сравнении ощутимы этапы восхождения от

частных уподоблений к общему подобию.

¹ В исследовательской литературе вместо термина "субъект сравнения" употребляется иногда термин "тема", тогда как объект сравнения определяется термином "образ" - см., напр., И.В.Шенько, Синтаксис и семантика образного сравнения (на материале английского языка). Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. филол. наук., Л., 1972.

² Цитируется III книга "Махабхараты" ("Араньякапарва") - *The Mahābhārata, crit. ed., vols. 3-4, Poona, 1942* (текст на санскрите), цифры означают: первая - номер главы, после точки - номер шлоки.

³ Уподобляемые признаки субъекта и объекта сравнения в каждом отдельном случае, естественно, принадлежат к одной и той же логической категории.

⁴ Самоочевидно, что синтаксис сравнения не коррелируется с логической принадлежностью сравниваемого признака.

⁵ О развитых синтетических сравнениях как особенности стиля "Рамаяны" см. П.А.Гринцер, Древнеиндийский эпос. Генезис и типология, М., 1974, с.132-135.

М.И.Никитина

ЗАМЕТКИ О ЗРИТЕЛЬНОМ ЗНАКЕ В КОРЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Графическое слово 鷄林

I.

Настоящие заметки являются по-существу продолжением статьи "К вопросу о роли зрительного знака"¹. Суть изложенной в ней проблемы состоит в следующем: корейская культура с древних времен пользовалась китайской иероглифической письменностью, в том числе - для графической передачи слов корейского языка (способ "иду"). Корейскому фонетическому слову соответствовала иероглифическая запись (графическое слово), которая могла делаться с учетом семантики корейского фонетического слова (запись "по комментарию") или с учетом его фонетики (запись "по звуку"); существовали также различные комбинированные варианты. Одному и тому же корейскому фонетическому слову могло соответствовать несколько графических слов.

Графическое слово в текстах могло читаться в соответствии с чтением составляющих его иероглифов и осмысливаться по их

семантике. С течением времени графическое слово (зрительный знак) с его значением обрело самостоятельность и вытесняло корейское фонетическое слово (акустический знак) с соответствующим значением, что свидетельствует о повышенной роли зрительного знака в корейской культуре по сравнению с культурами, пользующимися фонетической письменностью. Этот процесс активизации зрительного знака был прослежен нами на материале этимологии корейских имен, географических названий, терминов в исторических сочинениях XI–XIII вв., написанных на ханмуне (корейизированный стиль китайского литературного языка).

В настоящих заметках мы остановимся на зрительном знаке в поэтическом тексте. Будут рассмотрены два графических слова

鷄林 и **山有花**, встречающихся в стихотворениях разных эпох.

鷄林 – графическое слово, которому в древне-корейском языке соответствовало корейское фонетическое слово "сайнай/санай" со значением: восточная земля, родная сторона; новая страна – использовавшееся в качестве названия государства, известного впоследствии в истории как Силла². Это графическое слово могло также читаться "керим" в соответствии с чтением составляющих его иероглифов и пониматься как "петушиный лес"³.

鷄林 встречается в поэтических текстах IX в. Так, в письме известного поэта и государственного деятеля Чхве Чхивона (857–?) к Ван Гонгу – основателю династии Корё (918–1392) о неизбежности падения династии Силла и воцарении Ван Гона говорилось следующее:

鷄林黃葉
鵠嶺青松

В Петушином лесу – желтые листья.

На Лебедином перевале – зеленая сосна⁴.

Здесь "Петушиный лес" (государство Силла) соотносен с "Лебединым перевалом" (родными местами Ван Гона). Эта параллель показывает, что в **鷄林** значимы оба элемента – "петух" (птица) и "лес" (дерево): "петух" соотносится с "лебедем", "лес" (дерево) – с "перевалом" (горой).

Если первые элементы названий являются "мотивировкой" для их сближения как поэтических образов, то вторые – задают их пространственно-временную оппозицию. "Лес" (дерево) – то, что раз-

вивается во времени, вырастая и погибая (временное), "перевал" (гора) – то, что неизменно во времени (вечное). Временная характеристика каждого образа-географического названия разбивается далее за счет соотносительности с цветовыми образами: "желтые листья" – "зеленая сосна". "Листья" – "сосна" сами по себе содержат временное противопоставление: "листья" знак осени, знак увядания, "сосна" – знак неизменного. Цвет в обоих случаях призван подчеркнуть временную сущность этих образов, противопоставленных друг другу.

Таким образом в этих стихотворных строках "Петушинный лес" в целом выступает как временной образ, связанный с представлением об осени как о времени увядания природы и времени, символизирующем угасание биологических и социальных процессов, т.е. – как образ, несущий идею временного. Ему противопоставлен "Лебединый перевал", соотносительный с вечным, неизменным.

Помимо этого, здесь содержится также и пространственное противопоставление: сосна на перевале (горе) представляет "верх", лес в данном случае – "низ".

Как показывает этот пример, "Петушинный лес" реализуется в поэтическом тексте как полноценный поэтический образ, включенный в систему цветовых, временных и пространственных противопоставлений, характерных для поэтического текста в дальневосточной культурной традиции.

Тот же "Петушинный лес" встречается в стихотворении китайского поэта Гу Юня (? – 894), посвященном его корейскому другу Чхве Чхивону:

傍邊一點鷄林碧

На самом краю побережья пятном
зеленеет Петушинный лес⁵.

Здесь "Петушинный лес" соотносится с зеленым цветом. Если учесть, что стихотворение написано китайцем, то цвет в данном случае выражает пространственные отношения – ориентацию по сторонам света относительно центра – Китая: государство Силла по отношению к Китаю располагалось на востоке; восток же в этой культурной традиции соотносится с зеленым/синим цветом, т.е. и в этом тексте "Петушинный лес" ведет себя как полноценный поэтический образ, у которого подчеркнута пространственная характеристика.

В обоих случаях "Керим" реализуется прежде всего как растительный образ.

Сравним такую реализацию зрительного знака с его этимологией в исторических сочинениях, где главным значимым элементом является "петух". Вот одна из его этимологий:

"На втором году правления весной в третью луну государь услышал, как к западу от Кымсона средь /леса/ Сирим (始 林) раздалось пение петуха. На рассвете /государь/ послал Хогона посмотреть, что там. /Там/ оказался маленький сундук желтого цвета, висевший на ветке. Белый петух пел под ним. Хогон вернулся и рассказал /о том, что видел/. Государь приказал приближенным взять сундук и открыть его. Внутри оказался маленький мальчик необыкновенной наружности. Государь обрадовался и обратился к приближенным со словами: "Разве Небо не даровало мне наследника?" - и взял его на воспитание... Переименовали /лес/ Сирим, назвав его Керим (鷄 林) "Петушинный лес". Поэтому так и называют государство"⁶.

Этот эпизод соотнесен в "Исторических записях" с появлением на свет Альчи, основателя рода Ким, один из потомков которого стал государем. Отсюда - большая значимость в данном эпизоде "петуха" как временного образа, как символа начала - точки отсчета социального процесса. Не случайна и соотнесенность петуха с белым цветом: белые птицы в корейской культуре связаны с представлением о вечности, о бессмертии⁷. Белый петух в данном случае, видимо, предрекал бессмертие роду Ким, который должен был начаться с Альчи.

Далее, в данном эпизоде "петух" соотнесен с действием (он поет), и он включен в ситуацию, где сосредоточены несколько значимых элементов, связанных с последовательно совершаемыми действиями или с "преддинамическими" состояниями: петух поет, сундук висит, государь приказывает, люди открывают сундук, в сундуке находится мальчик, государь радуется, обращается к приближенным, дает оценку факту, берет мальчика на воспитание. "Петух" включен в потенциально сюжетную ситуацию, которая при благоприятных обстоятельствах могла быть развернута в сюжетное повествование.

Таким образом пример графического слова 鷄 林 показывает, что семантическое наполнение зрительного знака зависит

от характера текста, в который данный знак включается, и от позиции зрительного знака в этом тексте.

Заметки о зрительном знаке в корейской культуре (II)

Графическое слово 山 有 花

山 有 花 - графическое слово, которому, согласно одной точке зрения, соответствует упоминавшееся выше корейское фонетическое слово "сайнай/санай"⁸ с его значением, согласно другой - **корейское** фонетическое слово "менари"⁹, существующее сейчас в диалектах и имеющее значение: невестка (жена сына); растение семейства зонтичных; название крестьянской песни. Это графическое слово могло также читаться в соответствии с чтением образующих его иероглифов как "сан ю хва" и соответственно осмысливаться как "в горах - цветы".

Графическое слово 山 有 花 употреблялось в качестве названий поэтических произведений на ханмуне и на корейском языке, созданных в самое различное время. Наиболее раннее произведение с таким названием - не сохранившаяся песня времен Пэкче (IV-V вв.), о которой известно, что это - песня о любви с печальной мелодией¹⁰.

Под этим названием известна существующая поныне песня пров. Кёнсан. Согласно легенде, она была **сочинена** молодой женщиной, которая, не вытерпев обид, нанесенных ей мужем, утопилась в реке Нактонган.

По мотивам этой песни и связанной с ней легенды один из авторов ХУП в. Чо Гусан (? Чо Гусок, 1615-1665) сочинил стихи на ханмуне, дав им название 山 有 花:

Как высоко и далеко Небо!
Как широка и бескрайня Земля!
Небо и Земля огромны,
Но мне нет /в этом мире/ опоры.
Лучше погибнуть в этой пучине
И найти могилу во чреве рыб!

Как можно заметить, в этом стихотворении название 山 有 花 не семантизируется как "в горах - цветы". Оно соотносится с корейским фонетическим словом "менари" как названием народной песни и, возможно, с этим же словом в значении "невестка".

Это же графическое слово как название песни встречается в тексте стихотворения другого автора XVII в. Ли Самёна (1647-1689):

... 生前富貴露晞草
身後悲歌山有花
山花落盡子規啼
..... 千古思歸路已迷
.....

Прежней жизни знатность и богатство

росою высыхает на траве.

После смерти песня, полная печали, -

/это/ "Сан ю хва".

В горах цветы совсем уже опали,

/слышно/ кукование кукушки.

К древности я мыслью возвращаюсь,

/но туда/ потеряна дорога.

...

В этом стихотворении **山有花** присутствует как название печальной песни, при этом каждый из трех составляющих его иероглифов может быть воспринят как самостоятельно значимый. Такое осмысление определяется параллельным построением первой и второй из процитированных строк, в котором **山** - "гора" оказывается соотнесенной с **露** - "росой" (знак вечного - со знаком преходящего), **有** - "быть в наличии, иметься" - с **晞** - "высыхать" (т.е. быть - исчезать), **花** - "цветы" - с **草** - "травой" (оба могут быть поняты либо как знаки краткости жизни, либо как знаки ежегодно умирающего и воскресающего). Таким образом вторая строка может быть понята как

После смерти песня, полная печали,

в горах остается цветами.

Это предположение подтверждается в третьей строке, развивающей далее **山有花** как динамический образ:

В горах цветы совсем уже опали...

Таким образом название песни **山有花**, воспринимавшееся, очевидно, само по себе как символ печали, в текстах XVII в.

могло быть прочитано по-разному и соответственно осмыслено.

Графическое слово 山有花 является также названием одного из стихотворений поэта XX в. Ким Джонсика (Соволь) (1903-1935):

"В горах - цветы"

В горах цветы цветут,
Цветы цветут.
Осень, лето ли, весна - все равно
Цветы цветут.

В горах,
В горах
Зацветшие цветы
Вот так одиноко и цветут.

В горах поющие птички-пичужки!
Цветы вам по-нраву.
В горах
Живите!

В горах цветы опадают,
Цветы опадают.
Осень, лето ли, весна - все равно
Цветы опадают.

"Сан ю хва"

сан-е-нын ккочх-и пхине
ккочх-и пхине
каль пом ёрым опси
ккочх-и пхине

сан-е
сан-е
пхиннын ккочх-ын
чо манчхи хонджасо пхийоинне

сан-есо уннын чагын сэ-йо
ккочх-и чоха
сан-есо
саноране

сан-е-нын ккочх-и чине
ккочх-и чине
каль пом ёрым опси
ккочх-и чине¹²

Текст стихотворения Соволя представляет, в сущности, расширенное толкование графического слова 山有花 современными поэтическими средствами - толкование на уровне образов, метрическом и звуковом, данное под углом зрения корейских традиционных воззрений.

Стихотворение Соволя - о драматизме человеческого существования, о неизбежной краткости жизни. Это находит отражение в наборе образов: "ккот" - "цветы", "сан" - "горы", "сэ" - "птицы".

"Цветок" в корейской культуре с древних времен ассоциируется с жизнью человека. Его расцвет и увядание соотносится с началом и концом жизни человека; тем самым как бы фиксируются ее крайние точки при том, что временное расстояние между ними очень коротко. Эти представления зафиксированы в росписях гробниц Когурё (IV-VII вв.) (ср. изображение распускающихся и осыпающихся лотосов в гробнице Саллёнхвачхон)¹³, в песенном фольклоре (ср. песню "Цветы терновника":

....

Если расцветут цветы терновника,

Знай, что жив/а/я.

Если умрут цветы терновника,

Знай, что умер/ла/ я.¹⁴

они достаточно широко представлены в древней и средневековой поэзии и прозе.

"Гора" в корейской культуре связана с представлением о неизменном, вечном. Таким образом "цветок" на фоне "горы" — жизнь как частное бытие в ее отношении к бытию вечному. Такое сближение "цветка" и "горы" зафиксировано в ритуале (ср. сближение "горы" и "дотоса" в театрализованном действии "Хакму" — "Танце журавлей")¹⁵.

"Птица" в корейской культуре связана с бессмертием¹⁶.

Такова семантика образов стихотворения, имеющих весьма древнее происхождение.

Проследим, как реализуется на метрическом и звуковом уровнях тема "гор" — тема вечности бытия. Слово "сан" — "гора" всюду вынесено в начало строк, и все четыре строфы стихотворения начинаются с него. Тем самым тема "гор" дается как значимая, как сквозная тема стихотворения. Для того, чтобы метрически выделить эту тему, поэт разрывает традиционное двустопное полустипение и выделяет стопы и части стоп в самостоятельные строки. Так, размещенный в отдельных строках второй строфы повтор "сан-е", "сан-е" в традиционной корейской поэзии (сиджо, каса, народная песня) мыслится только как единый блок в пределах полустипения:

сан-е сан-е пхынн ккочх-ын (4-4).

(ср. повтор в сиджо:

тар-а тар-а палгын тар-а (4-4)

Луна, луна, ясная луна).

Соволь же в своем стихотворении разрывает полустипение и делит надвое четырехсложную стопу (сан-е сан-е).

Особенный эффект такой прием дает в третьей строфе, где в результате разрыва традиционного полустипения "сан-есо саноране" (3-4) и размещения его стоп в самостоятельных строках тема "гор" — "сан" оказывается сближенной с темой "жизни как противоположности смерти". (Глагол "сальта" — "жить", взятый здесь в повелительной форме, в корейском языке противостоит глаголу "чукта" —

"умирать").

Значимость этой темы также поддерживается на звуковом уровне за счет сближения "сан" ("горы") и "саноране" ("живите") с "сэ" ("птицей"), словом, имеющим общий с этими словами начальный согласный. В результате всего – тема вечного как бы концентрируется в середине стихотворения (вторая и третья строфы).

Теме вечной жизни в стихотворении противопоставляется тема жизни, имеющей начало и конец. Проследим, как она реализуется на звуковом и метрическом уровнях. Слово "ккот" – "цветы" в первой и последней строфах вынесено в начало второй и четвертой строк, т.е. акцентируется метрически. Третьи строки в этих строфах начинаются словом "каль" ("осень"). Таким образом "осень" занимает метрически то же место, что и слово "цветы" – "ккот". Создается звуковой блок кк-к-кк, объединяющий начала второй, третьей и четвертой строк в начальной и конечной строфах стихотворения, который, содействуя звуковой организации текста стихотворения, в то же время содержательно связан с темой "нестабильности цветущего", так как осень ассоциируется с увяданием, умиранием цветущего.

Кроме того, здесь, видимо, учитывается следующее "внетекстовое" обстоятельство. "Осень" ("каль") может на звуковом уровне ассоциироваться с глаголом "када" ("уходить"), имеющим также значение "умирать" и противостоящим в этом случае глаголу "сальта" ("жить"), который выделен в третьей строфе стихотворения как подчеркнуто значимый (саноране – живите) и соотнесен с "горами" и "птицами", несущими тему вечной жизни.

Таким образом тема человеческой жизни – частного бытия, имеющего начало и конец, концентрируется в начальных и конечных строфах стихотворения.

Если мы обратимся к глаголам в этом стихотворении, то мы обнаружим, что наиболее значимые из них – это "пхида" – "расцветать" (первая и вторая строфа), – "сальта" – "жить" (третья строфа), "чида" – "опадать" (последняя строфа). В отношении к человеку это: родиться – жить – умирать.

Стихотворение Соволя дает модель частного бытия на фоне бытия общего на всех уровнях: на смысловом, звуковом и метрическом.

Рассмотренные здесь примеры реализации зрительного знака в корейских стихотворных текстах различного времени (от IX до XX вв.)

подтверждают наши предположения о его высокой активности в корейской культуре по сравнению с культурами, пользующимися фонетической письменностью. Мы можем также сказать, что в сфере поэтического текста он реализовался как полноценный поэтический образ независимо от того, на каком языке написано стихотворение.

1 "Народы Азии и Африки", 1973, № 5. (далее - Никитина).

2 Запись сделана "по комментарию".

3 Об этимологиях этого графического слова в исторических сочинениях, а также - других графических словах, соответствующих фонетическому слову "сайнай/санай" см. Никитина, с.123-124.

4 金富軾, 三國史記 (Ким Бусик, Исторические записи трех государств), Пхеньян, 1958, т.2, с.414. (далее - Исторические записи).

5 Исторические записи, т.2, с.412.

6 Исторические записи, т.1, с.17.

7 См. разделы "Птицы" и "Заключение" в кн. М.И.Никитина, Сиджо, семантическая структура жанра. Образ. Пространство. Время. (рук.).

8 梁柱東 朝鮮古歌研究 (Ян Джудон, Исследование старых корейских песен), Сеул, 1942, с.46-47 (далее - Ян Джудон).

9 大百科事典, Сеул, 1958, т.3, с.789.

10 Сведения об этой песне, о песне провинции Кёнсан, ее текст и текст стихотворения Чо Гусана см. там же.

11 Цит. по Ян Джудон, с.47.

12 현대 조선 문학선집 (Собрание современной корейской литературы), т.2, Пхеньян, 1957, с.70.

13 М.В.Воробьев, Древняя Корея, М., 1961, с.85.

14 조선고전 민요선집 (Собрание старых корейских народных песен), Пхеньян, 1954, с.88.

15 樂學軌範 (Правила музыки), квон 5, с.11б.; квон 8, с.13-14.

16 О "птице" в мифологическом слое корейской культуры, а также о "цветке" и "горе" см. соответствующие разделы в кн. М.И.Никитина, Сиджо. Семантическая структура жанра, Образ. Пространство. Время. (рук.). Там же см. толкование ритуального действия "Хакму" - "Танец журавлей".

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ТВОРЧЕСТВА ТИБЕТСКОГО ПОЭТА
ЦАНЬЯН ДЖАМЦО (1683-1706)

1. Современное тибетоведение не может назвать сегодня другого памятника светской тибетской литературы, кроме собрания стихотворений, приписываемых Цаньян Джамцо.

Наличие этого сборника любовной и застольной лирики в поистине необъятном море религиозно-дидактической по своему характеру литературы – факт, бесспорно, исключительный по своему значению.

Однако, до сих пор интерес ученых к этой лирике был минимальным и удовлетворялся исключительно тем, что писал о самом Цаньян Джамцо и его стихах еще в 1930 г. Юй Дао-цзань¹. Как эта работа, так и последующие статьи, в какой-то мере (чаще – мимоходом) касающиеся жизни и творчества Цаньян Джамцо, в лучшем случае содержат постановки частных вопросов.

2. Буржуазные исследователи, как и буддийские историки Тибета, описывают тибетскую культуру как специфически религиозно-мистическую.

Тем самым, предполагается, что история народа и культуры Тибета неподвластны общеисторическим закономерностям.

И хотя наличие народного искусства, в том числе и словесного, не отрицается, тем не менее вся область интеллектуально-индивидуального творчества толкуется в религиозно-мистическом плане.

3. Естественно, в связи с изложенным выше, что наличие сборника любовно-застольных стихотворений Цаньян Джамцо ломает традиционные, давно устоявшиеся представления о тибетской литературе, о чем мы уже писали ранее². Этот сборник, таким образом, противоречит привычным мнениям и поэтому не может не привлекать внимания исследователей, руководствующихся в своей работе марксистско-ленинским мировоззрением.

4. Буржуазные исследователи, равно как и тибетские ученые – представители ламаистской традиции, не могли не заметить указанного выше противоречия и, разумеется, постарались истолковать жизнерадостную лирику Цаньян Джамцо всего лишь в мисти-

чески-символическом смысле (см., например, № 3).

Подлинно научным ответом на подобного рода толкования может быть только объективное и строго доказательное исследование, устанавливающее прямую и непосредственную связь лирики Цаньян Дзампо с жизнеутверждающей традицией народного творчества Тибета.

Несомненно, такое исследование при современном уровне развития тибетанистики — дело нелегкое, но, в то же время, единственно плодотворное. Принимая во внимание все сложности, связанные со скудостью уже известных источников, мы, тем не менее, считаем такую работу не только весьма важной и нужной, но и выполнимой.

¹ Yu Dawchuan, *Love songs of the sixth Dalailama*, Peiping, 1930.

² Л.С.Савицкий, Тибетская литература XVIII в., сб. "Центральная Азия и Тибет" (материалы к конференции), Новосибирск, 1972, с.172-175; его же, Тибетская литература XVIII в., сб. "Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока", М., 1974, с.145-154.

³ Th.J.Norbu and C.M.Turnbull, *Tibet*, London, 1969.

И.С.Гуревич

О СООТНОШЕНИИ ПИСЬМЕННОГО И РАЗГОВОРНОГО ЯЗЫКА
В ТАНСКИХ *йилу* (НА МАТЕРИАЛЕ *ЛИНЬ-ЦЗИ ЛУ*)

В настоящее время вряд ли кто-нибудь усомнится в том, что различные жанры прозы эпохи Тан (618-907) сильно разнятся в языковом отношении¹. С.Е.Яхонтов с помощью статистических данных убедительно показал, что язык гувэнь и танской новеллы использует почти исключительно древнекитайские служебные слова, а язык дуньхуанских бьяньвэнь представляет собой смесь древнекитайских и новокитайских служебных слов, и высказал предположение, что эпоха Тан не оставила нам памятников, написанных целиком на разговорном языке².

Однако в статье С.Е.Яхонтова (что оговаривает сам автор) не рассматриваются танские *йилу* — записи речей буддийских монахов, которые, как нам представляется, должны стать объектом всестороннего лингвистического исследования, как памятники разговорного языка эпохи Тан³. О том, что тексты буддийских *йилу* дают наилучшие образцы разговорного языка, писал еще А.Масперо⁴. Однако язык этих текстов изучен пока недостаточно⁵.

В предлагаемых заметках мы обратились к языку одного из произведений жанра *йилу* — "*Линь-цзи лу*" (в выборе источника несомненно сыграл роль и тот факт, что указанный памятник в какой-то мере филологически обработан)⁶.

Наблюдения над текстом "*Линь-цзи лу*" носят пока предварительный характер: сплошь обследованы лишь отдельные отрывки, взятые произвольно из разных частей текста; использован также указатель (к сожалению, он составлен выборочно и поэтому не является полным индексом). Тем не менее и такое знакомство с текстом памятника дает достаточные основания, чтобы судить о соотношении древне- и новокитайских служебных слов в языке "*Линь-цзи лу*".

Для языка памятника в целом характерен "богатый" набор новокитайских служебных элементов: суффиксы существительных 子 (встречается часто)⁷, 兒 (отдельные примеры), 家, 頭, 漢 (последний значит "человек", он близок древнекитайскому 人, которое входило в название людей по их занятиям); префикс существительного 老; личные местоимения (2-го л. 你 "ты" и 3-го л. 他 "он"; встречаются также 渠 и 伊 "он"); указательные местоимения 這 "этот" и 那 "тот" (как отдельно, так и с классификатором 箇; последний также встречается очень часто); вопросительные (они же иногда относительные) местоимения и местопредикативы: 甚 или 什麼 "какой" (в последнем написании отмечено около 30 раз), 為什麼 "почему?", 與麼, 作什麼, 作麼生 (более 20 раз), 祇麼 "как"⁸. Обычны для "Линь-цзи лу" глагольные суффиксы 了, 得 (около 20 раз), 着 (более 10 раз); послелог 裏 "внутри", сменивший старый 內 (более 15 раз), новый предлог 向 "в", "на", "по направлению к..." (около 40 раз), 在 "на", "в" (более 4); очень часто встречается новое наречие 祇 "только" (более 25 раз), 還是 "еще", "все-таки" (около 10), чрезвычайно часто 便 "тогда". Определение регулярно оформляется с помощью 底 (около 30 раз) и 地 (очень часто!). Отмечено вопросительное предложение, образованное с помощью 莫 ... 麼 (вообще в конце вопросительного предложения очень часто конечное модальное 麼). Встречается конечная модальная частица 在 (более 10 раз). Из других явлений синтаксиса отмечено придаточное временное предложение, оформленное на 次 (более 10 раз) и на 度 (около 10 раз). Последние два явления, хотя и не характерны для современного языка, но были обычны в среднекитайском. Мы ограничим наш список, который можно было бы продолжать, лишь наиболее важными грамматическими явлениями. Отметим, что почти все служебные слова, фигурирующие в нашем наборе, совпадают со списком таковых в статье С.Е.Яхонтова⁹.

Ниже приводим данные, полученные нами при обследовании среднего по насыщенности новокитайскими элементами отрывка текста: § 91 содержит 132 знака. В нем на 3 старых (но не эпохи Чжоу!) служебных слова приходится 14 новых (некоторые из новых служебных слов насчитывают от 2 до 5 словоупотреблений): суффикс 頭

(飯頭 "повар"), префикс 老 (老漢 "старец"), глагольный суффикс 了 (道了 "кончив говорить"); вопросительные местоимения и местопредикативы 什麼, 作什麼, указательное 這, послелог 裏, наречия 便 "тогда", 更 "еще", 太 "слишком", союз 次 "когда", 纔 "только тогда", конечная частица 在, вопросительная конструкция 莫...麼. Из старых служебных слов отмечены 何 "почему?", 為 "для", показатель множественности 衆.

Следующие данные были получены при сплошном обследовании последних 25 отрывков текста (§§ 130-155); лишь заключительные два (§§ 154-155) содержат в основном старые служебные слова, совпадающие с теми, что фигурируют в соответствующем списке в статье С.Б.Яхонтова¹⁰: это личные местоимения 之 и 其, указательное 此; морфема 之, оформляющая определение к существительному, и 而 - к глаголу; предлоги 以 (орудие), 於 (место и адресат действия), отрицательный глагол "не иметь" 無 и др. Несомненно, что в §§ 154-155 мы имеем дело со стилизацией, т.е. с сознательной заменой новых служебных слов их старыми эквивалентами¹¹. Что касается остальных 23 отрывков, то в них старые служебные слова единичны (при этом чаще других встречаются 何, 此, 如何 "как", 如是 "так", 無 "не иметь"). Из просмотренных отрывков (§§ 130-153) вовсе не содержат старых служебных слов §§ 130-132, 144, 146-148, 151. Таким образом, можно сказать, что удельный вес старых служебных слов в тексте "Линь-цзи лу" незначителен. С другой стороны, выглядят особенно "разговорными" §§ 130-133, 135, 146. В этих отрывках особенно часто встречаются суффикс существительного 頭, префикс 老, суффикс глагола 了, форма невозможности совершения действия 不得, новокитайские указательные и вопросительные местоимения, классификатор 箇, новые предлоги, послелог, конечные модальные частицы, а также целые выражения типа 這箇老漢作什麼 (§ 130) "Что делает этот старик?".

Различия в удельном весе новых и старых служебных слов в бянъвэнь и вйлу (по "Линь-цзи лу") не вызывает сомнений: в текстах вйлу преобладают новые служебные элементы, а в бянъвэнь - картина обратная. Некоторые новые служебные слова, примеры которых в бянъвэнь единичны, регулярно прослеживаются в вйлу (например, вопросительное предложение с конечной частицей 麼

в двухтомнике бянъвэнь отмечено всего 4 раза¹², а в "Линь-цзи лу" такие предложения вполне обычны).

Изложенное выше позволяет, как нам кажется, сделать вывод, что тексты вйлу в значительно большей степени, чем бянъвэнь, дают представление о разговорном языке эпохи Тан. Это означает, что и эпоха Тан оставила нам памятники, написанные целиком на разговорном языке¹³ (вйлу), наряду с памятниками, написанными на смешанном языке (бяньвэнь).

Тщательное исследование языка этих текстов (хотя исследователи идут здесь весьма серьезные трудности, связанные с пониманием текста) расширит и углубит наши представления о китайском языке эпохи Тан — периода чрезвычайно важного для истории китайской культуры.

¹ Говоря о языке памятника, мы имеем в виду главным образом систему служебных слов (куда включаются и местоимения), ибо известно, что именно ими определяются особенности грамматического строя языка того или иного периода. Основные же грамматические конструкции в общем одинаковы на протяжении всей истории китайского языка, менялись только их показатели.

² Предложенные заметки касаются проблемы, поднятой в статье С.Е.Яхонтова "Письменный и разговорный китайский язык в VII—VIII вв. н.э.", — сб. "Танры и стили литератур Китая и Кореи", — М., 1969, с.74—86.

³ Язык вйлу описан в двух работах: H. Maspero, *Sur quelques textes anciens de chinois parlé*, — BEPEO, Paris, 1914, t. XIV, № 4, p. I—36; 高名凱, *唐代禪家語錄所見的語法成分*, — 燕京學報, 1948, № 34, с. 49—84.

⁴ H. Maspero, *op.cit.*, p. 28.

⁵ Такое мнение высказывает И.П.Демьевский в предисловии к выполненному им комментированному переводу "Линь-цзи лу" (《臨濟錄》). Демьевский обращает внимание на тот факт, немаловажный для истории литературы и языка, что записи бесед и речей наставников школы чань должны были быть по возможности дословными. Поскольку школа чань отрицала мертвую фразу, ратуя за живое слово, она выдвигала требование писать на простонародном языке; последний же отличался от письменного языка настолько, насколько отличались романские языки от средневековой латини,

или живые языки Индии - от санскрита. См. *Entretiens de Lin-Tai, Traduits du chinois et commentés par Paul Demiéville, Documents Spirituels*, 6, Paris, 1972, p.10.

⁶ Использовано издание: *臣家藏錄*, 柳田聖山訓註, 京都, 1961, любезно предоставленное в наше распоряжение Л.Н.Меньшиковым.

⁷ Такая оценка количественной стороны явлений, несмотря на некоторый субъективизм, небесполезна, особенно в связи с тем, что из-за малого объема статьи мы не можем приводить примеров.

⁸ Точное значение последнего сочетания не совсем ясно.

⁹ С.Е.Яхонтов, ук.соч., с.80.

¹⁰ Там же, с.79.

¹¹ Там же, с.84.

¹² См. И.Т.Зюграф, Бяньвэнь о воздаянии за милости, ч.2.

Грамматический очерк и словарь, М., 1972, с.29.

¹³ Мы употребляем этот термин в том же смысле, в каком его употребляют, когда, например, говорят, что сунские рассказы написаны на языке эпохи Сун, учитывая при этом, что "... древне-китайские служебные слова изредка встречаются и в современном разговорном языке" (С.Е.Яхонтов, ук.соч., с.82, сноска 12).

А.И.Еланская

"КВАЛИТАТИВ ВТОРОЙ" В КОПТСКОМ ЯЗЫКЕ

Как известно, глагол в коптском языке располагает двумя основными формами, на базе которых строится спряжение, - инфинитивом и квалитативом. Спрягавшийся в древнеегипетском, последний сохранился в коптском языке в двух неизменяемых разновидностях - так называемых "квалитативе I" (q I) и "квалитативе II" (q II), которые восходят соответственно к 3 лицу единственного числа мужского и женского рода древней парадигмы. q I наблюдается у подавляющего большинства глаголов, но определить специфику употребления q I до сих пор не удавалось. Например, в одной из новейших коптских грамматик отмечается наличие q I у некоторых из трехрадикальных, у ряда четырехрадикальных и 5-каузативных глаголов (5-causative)¹. На первый взгляд здесь

действительно парит произвол. Однако даже такой краткий перечень, если прибавить еще тот факт, что Q_{II} встречается и у пятирадикальных глаголов, позволяет отметить две особенности: наличие Q_{II} у *t-causativa* и у полирадикальных глаголов. В самом деле, анализ материала показывает, что у остальных глаголов Q_{II} встречается лишь в отдельных случаях, но у *t-causativa* и полирадикальных глаголов наличие Q_{II} является закономерным. Другой вопрос — почему именно закономерным; на этот вопрос нам совершенно неожиданно помогает ответить существование особой группы квалитативов, не имеющих, как считается, никакого отношения к квалитативам I и II, восходящим к древнеегипетским прообразам. Мы имеем в виду квалитатив глаголов *t-causativa*; этимология его не только не была выяснена до сих пор, но от ее поисков вообще отказались, объявив этот квалитатив вторичным, искусственным образованием, поскольку единственная древнеегипетская форма, к которой, казалось бы, может восходить этот квалитатив и к которой возводил его еще почти 100 лет назад Л. Штерн², не давала сама по себе соответствующего значения³. Однако на основе этой формы, как оказалось, было вполне возможным построить для *t-causativa* конструкцию, соответствующую по значению квалитативу (мы будем именовать ее "ложным" квалитативом); в специальной работе о *t-causativa* нами уже был разобран этот вопрос⁴, и касаться его здесь мы не имеем возможности. Сейчас для нас важен другой факт, также выяснившийся в результате исследования *t-causativa*. "Инфинитивы" этих глаголов, как известно, не являются простыми, как у обычных глаголов, а представляют собой сложную каузативную конструкцию типа "дать, чтобы он сделал то-то". Структура таких инфинитивов не допускает построения квалитатива. Возможна лишь фабрикация эрзаца, более или менее близкого приближения к квалитативу. И то, что язык этот эрзац создал, чрезвычайно замечательно. Это обстоятельство доказывает наличие ощущения парности, внутренней взаимосвязи инфинитива и квалитатива, сформировавшегося к тому времени, как древнеегипетское спряжение стало аналитическим, основанным на двух неизменяемых основных формах — инфинитиве и квалитативе. И *t-каузативная* конструкция тогда стала восприниматься уже просто как инфинитив, и, соответственно, появилась необходимость в создании и для этого инфинитива его коррелята — квалитатива, который и был сконстру-

рован, подобно инфинитиву, на базе древнеегипетской формы, а именно, $\acute{s}dm.tw.f$ (в основе инфинитива t -causativa лежит форма $\acute{s}dm.f$). В коптском этот "ложный" квалитатив имел окончание Т (о предшествующих гласных и вариантах здесь нет возможности говорить).

Поскольку t -causativa составляли подавляющее большинство каузативных глаголов, основной признак их квалитатива - окончание Т - стал восприниматься как вообще характерная черта квалитатива каузативных глаголов, и именно поэтому за $\acute{s}$ -causativa закрепилась не мужская, а женская форма квалитатива - Q II, оканчивающийся в коптском на Т, например: $c\bar{z} \Delta N \bar{T}$ (A), $c\rho o\bar{c} \bar{T}$ (s), $c m o n \bar{T}$ (s), $c\bar{z} o y o r \bar{T}$ (s), $c a n \Delta y \bar{T}$ (s); $y \Delta n o y \bar{y} \bar{T}$ (B): $c a n \Delta z \bar{T}$ (A), $c m \Delta (m \Delta) \Delta T$ (Δ_2): $c m \Delta m \Delta T$ / $c m \Delta y \Delta T$ (B): $c m \Delta m \Delta T$ (A), $c b \Delta z \bar{T}$ / (C) $y b \Delta z \bar{T}$ (s): $c b \Delta z \bar{T}$ (Δ_2). Мало этого: $\acute{s}$ -causativa могли даже прямо заимствовать "ложный" квалитатив t -causativa, например: $c m \Delta p \omega o y T$ (B, наряду с Q II $c m \Delta m \Delta T$ / $c m \Delta y \Delta T$), $c \bar{e} z n n o y T$ (B): $c \bar{z} n n y T$ (наряду с $c \bar{z} \Delta N \bar{T}$) (A), $c \Delta z \Delta i T$ (Δ_2): $c \Delta z n y (T)$ (s): $c \Delta z n o y T$ (Bf).

До сих пор эту особенность $\acute{s}$ -causativa не выделяли как характерное их свойство, существенное для оценки их роли в системе коптского глагола, между тем как оно налицо. Из четырех групп $\acute{s}$ -causativa только в одной, в коптском уже не воспринимаемой как каузатив, квалитативы мужские, в трех остальных, за единичными исключениями, либо женские, либо "ложные".

В свою очередь, $\acute{s}$ -causativa повлияли в области формирования квалитатива на другие глаголы. Многие глаголы с начальным $\acute{s}$, т.е. с, ш, б, х, поскольку именно такое начало могли иметь в коптском $\acute{s}$ -causativa (в последних трех случаях - ассимиляция $\acute{s}$ с последующими переднеязычными спирантами и аффрикатами), по аналогии с последними также либо сохранили Q II, либо заимствовали "ложный" квалитатив у t -causativa, например: $c o y \Delta N \bar{T}$ (Δ_2), $c \bar{z} n y T$ (s): $c \bar{z} n o y T$ (B), $y m \Delta \Delta T$ (Δ_2) (ср. Q II одного из $\acute{s}$ -causativa $c m \Delta \Delta T$ (наряду с Q I $y o o m \epsilon$ (s): $y o m$ (B)), $y n e y \bar{T}$ (наряду с Q I $y \Delta n \bar{y}$) (Δ_2), $y \theta \Delta m n o y T$ (наряду с Q I $y \theta \Delta m$) (B), $y \phi i T$ (B): $y \phi i T$ (B), $x \rho \Delta r \Delta T$ (Δ_2) (наряду с Q I $x o o r \epsilon$ (s): $x \Delta \Delta r \epsilon$ (A)), $b \Delta n n y (T)$ (s): $b \Delta n n o y T$ / $x \Delta n n o y T$ (B): $b \Delta n i T$ (A): $b \epsilon n i T$ (Δ_2), $b \Delta n n y (T)$ / $k \epsilon l o i T$ (s):

БАЛНОУТ / ХАЛНОУТ (В): БЕЛИТ (А₂).

В целом группа *causativa* (и *ś-*, и *t-*) оказала влияние на образование *q II* у других глаголов по линии полирадикальности. Для египетского нормой является трехрадикальность корней. Четырехрадикальные гораздо более редки, а пятирадикальные — только редуцированные трехрадикальные корни. В каузативных же глаголах, ввиду наращения *ś-* и *t-*, трехрадикальные корни становятся четырехконсонантными. Таким образом, для каузативных глаголов нормой является уже четырехконсонантность⁵, и это одна из характернейших особенностей, выделяющих каузативные глаголы среди прочих в египетском. По аналогии с ними и некаузативные полирадикальные глаголы, особенно с редуцированными корнями, могут иметь *q II*, например: *ḡmest* (наряду с *q I ḡmes*) (AA₂), *ḡwout* (В) (наряду с *q I ḡnu* (S)), *tntont* (S): *tenəwn̄t* (В): *tntant̄* (А₂) (наряду с *tntwn*: *tenəwn*: *tntwn*), *trəšrəw̄t* (А): *tləšlāw̄t* (F) (наряду с *trəšrəw̄*/ *trəšrəw̄* (S)), *oṛoṛart̄* (А₂), *(ḡ)w̄rw̄ort̄* (наряду с *q I (ḡ)w̄rw̄r* (S)).

Влияние *t-causativa* на другие глаголы в области формирования *квалитатива* сказалось в том, что, поскольку их инфинитив оканчивается на ударное *o*, некаузативные глаголы с подобным окончанием (если к тому же учесть, что начальное *t* у *t-causativa* иногда опускалось) могли заимствовать форму *квалитатива* у *t-causativa* (особенно, конечно, если при этом глагол начинается аналогично *ś-causativa*: тогда уже действуют два фактора), например: инфинитив *ṛəoṛw̄* (В) — *q ṛəoṛnoūt*, *oṛw̄* (В) — *q oṛnoūt*, *ḡko* (SAA₂) — *q ḡkaeit* / *ḡkoeit* (наряду с *q I ḡok̄r*) (S), *ḡro* / *bro* (SBA₂) — *q ḡroeit* / *ḡrnūt* (S): *brāit* (А): *ḡraeit* / *braeit* / *t̄braeit* (А₂), *bo* (В) — *q b̄noūt*, *bēno* (В) — *q bēnnoūt*. Некоторые из таких глаголов, наряду с заимствованием "ложного" *квалитатива*, заимствовали и *q II* — опять-таки вследствие их близости и сопоставимости в сфере употребления, например, глагол *ḡko* располагает *q II ḡkeet* (AA₂), *bo* (S): *boṛ* (AA₂) — *bēet* (SAA₂): *b̄nnt* (SF)⁶. Примыкает к подобным глаголам и *w̄(w̄) / oṛ* (S):

oṛ(oṛ) (А): *w̄ / oṛ* (А₂): *w̄* (F) с *q II* (*ēet*) (S): *bēet* (AA₂): *n̄nt* (F), но в данном случае причина, вызвавшая появление здесь *q II*, совершенно особая: глагол этот означает

"зачинать", "беременеть" и, разумеется, в силу своего значения мог сохранить только женский квалитатив.

Таким образом, q II, как и "ложный" квалитатив (аналогичный квалитативу t-causativa), появляется вовсе не произвольно у глаголов любого типа, а у вполне определенных видов глаголов, при вполне определенных условиях и по вполне определенным причинам.

Итак, иметь q II (помимо упомянутого только что глагола ω(ω)) или заимствовать "ложный" квалитатив могут следующие группы глаголов:

1. á-causativa - q II или "ложный" квалитатив,
2. глаголы с началом, аналогичным á-causativa - q II или "ложный" квалитатив,
3. полирадикальные глаголы - q II или "ложный" квалитатив,
4. глаголы, с окончанием, аналогичным t-causativa - "ложный" квалитатив, иногда - q II.

¹ W.C.Till, Koptische Grammatik (saïdischer Dialekt),

4. Auflage, Leipzig, 1970, § 267-275.

² L.Stern, koptische Grammatik, Leipzig, 1880, § 350.

³ A.Erman, Spuren eines alten Subjunctivus im Koptischen, "Zeitschrift für ägyptische Sprache", 22, Leipzig, 1884, S.28-37.

⁴ Статья будет напечатана в "Палестинском сборнике".

⁵ Если же á-causativa образуются от четырехрадикальных корней, они могут быть, подобно некаузативным пятирадикальным глаголам, только редуцированными. А t-causativa, ввиду особенности конструкции, лежащей в их основе, которая не позволяет им стать пятиконсонантными, отбрасывают последний радикал у четырехрадикального корня, чтобы сохранить четырехконсонантность.

⁶ В дайомском диалекте q повлиял уже на инфинитив: 6ωωт.

ИЗ ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ГРАММАТИЧЕСКОЙ НАУКИ В XI в.

(О двух направлениях в изучении древнееврейского языка)¹.

В истории еврейского языкознания период с конца X в. до конца XI в. — это время творческого взлета, время появления непревзойденных лингвистических сочинений Йехуды бен Давида Хаййуджа, Абү-л-Валида Мервāна ибн Джанāха, Самуила Нагиды и Йсаака ибн Баруна.

Йехуда Хаййудж перенес грамматические категории арабской лингвистики на материал древнееврейского языка. Попытки сравнения этих двух языков делались и раньше, в начале X в. Здесь можно назвать имена Са'адия Га'бона и Ибн Курайша. Но предшественники Хаййуджа сравнивали древнееврейский с арабским, главным образом, в области этимологии отдельных слов, в то время как Хаййудж проводил сравнения в области фонетики и морфологии. Он открыл трехсогласный корень в древнееврейском и сумел установить закономерность фонетических изменений в образовании различных форм т.н. недостаточных, пустых и удвоенных глаголов². Положения Хаййуджа создали твердую основу для понимания структуры языка в целом. Именно поэтому академик П.К.Коковцов, говоря о вкладе Йехуды Хаййуджа в еврейскую филологию, писал, что за тысячелетия, прошедшие со времени первых начинаний в области изучения грамматики древнееврейского языка, и до новейшего времени не было создано ничего более значительного³. Дальнейшее развитие грамматической науки протекало не без борьбы. Первая половина XI в. ознаменовалась острейшей научной полемикой между Самуилом Нагидом и Ибн Джанāхом, двумя высокоодаренными, талантливыми деятелями еврейской культуры мусульманской Испании. Полемика велась по вопросам структуры древнееврейского корня и характеристики отдельных грамматических категорий. Предмет этой полемики был исследован П.К.Коковцовым; мы приведем здесь несколько примеров из его работы. Самуил Нагид полагал, что формы *ittan* и *lukkan* — это формы *passiv'a* основной породы *qal*. Ибн Джанāх, ссылаясь на наличие знака удвоения (*dages*) во второй согласной, считал, что эти формы относятся к тяжелой породе, а не к основной⁴. Предметом спора была и категория *ininitiv'a*. Следуя, по-видимому, арабским грамматистам басрий-

ской школы, Ибн Джанāх полагал, что *infinitiv* (= *masdar*) есть основа глагола. Самуил Нагид, не соглашаясь с этим положением, доказывал, что *infinitiv* в древнееврейском языке коренным образом отличается от арабского *infinitiv*'а⁵. Разногласия вызвали также и глаголы со вторым коренным согласным *ц* и *д*. Самуил Нагид причислял корни этих глаголов к двухсогласным, с чем Ибн Джанāх не мог согласиться⁶. Дискуссия получила свое выражение в полемических трактатах, полных сарказма и ядовитой иронии у Ибн Джанāха и отмеченных чувством собственного достоинства и сдержанным негодованием у Самуила Нагида. Каждый имел своих сторонников и противников. Известно, например, что по вопросу о *passiv*'е породы *qal* на стороне Самуила Нагида был Исаак ибн Бару̇н⁷, а по вопросу о корневом составе глаголов со вторым согласным *ц* и *д* на его сторону склонялся Авраам ибн Эзра⁸. Кроме полемических трактатов дискуссия, в известном смысле, содействовала появлению на свет основополагающих сводных трудов Ибн Джанāха по грамматике и этимологии и исчерпывающего труда Самуила Нагида по лексикографии.

Упомянутая полемика двух враждующих сторон не являлась, однако, противоборством двух разных направлений в грамматике древнееврейского языка. По существу борьба шла между последователями одного и того же учения, созданного Хаййūdжа. Ибн Джанāх, который первый выступил с исправлениями и дополнениями к трудам своего предшественника, неоднократно подчеркивал, что началом начал в его воззрениях являются труды Хаййūdжа. Последнего он многократно называет своим учителем⁹. А Самуил Нагид, выступивший против этих исправлений и дополнений, защищал, как он полагал, лишь честь Хаййūdжа¹⁰. Самуил Нагид также признавал Хаййūdжа своим учителем. Таким образом полемика, которая велась между двумя последователями одной и той же теории трехсогласного корня, сводилась, по существу, к спорам о той или иной тонкости применения этой теории. Так оценивали данную филологическую дискуссию В.Бахер, П.Коковцов и другие ученые.

Тем не менее, у нас есть основания не соглашаться с автором статьи по истории еврейского языкознания, опубликованной в новейшем издании *Encyclopedia Judaica* (1971-1973), полагавшим, что изучение и развитие еврейской лингвистики в средние века шло в русле одной научной школы, одного направления¹¹. Вернее было бы говорить о двух направлениях, о двух школах в изучении

древнееврейского языка, в частности, в XI в. Причем представителей второго направления надо искать не в пределах Испании, а в Иерусалиме. Следует принять во внимание, что различия в области основных грамматических идей здесь переплетались с различиями в области религиозных верований. Все упомянутые выше филологи мусульманской Испании (Иехуда Хаййудж, Ибн Джанāх, Самуил Нагид и Ибн Барўн) были раббанитами, в то время как языковеды второго направления были караимами. До настоящего времени изучено лишь одно караимское грамматическое сочинение XI в. — "מִשְׁכָּן 'ayin", а остальные три ("Китаб ал-Муштамил", "Китаб ал-кафй" и сочинение Второго иерусалимского грамматиста) известны лишь по отдельным фрагментам и заметкам¹². Но нам уже известны некоторые принципиальные идеи караимских сочинений. Караимские грамматисты не признавали закона о трехсогласном глагольном корне в древнееврейском. Они полагали, что корень может состоять из одного, двух, трех и более согласных. Караимские языковеды XI в. не знали системы глагольных пород, хотя их современникам-раббанитам эта особенность строя языка была уже известна. Истины ради необходимо, однако, отметить, что ведущий караимский филолог этого периода Абў-л-Фарадж Харўн, также не знавший категории пород, следуя в данном случае Сибавейхи (VIII в.), дал в сочинении "Китаб ал-кафй" описание глагольной формы с удвоенной второй корневой согласной. По мнению Абў-л-Фараджа Харўна, указанная форма выражает повторность и многократность действия. По существу, этот караимский грамматист первой половины XI в. дал описание второй породы глагола¹³. Караимы построили оригинальную систему глагольной парадигматики, взяв за основу систему мнемотехнических знаков масоретов. Кроме того, Абў-л-Фарадж, стремясь дать полное описание языка Ветхого Завета, первый в истории изучения древнееврейского языка использовал арабскую синтаксическую систему для описания структур словосочетаний и предложений в древнееврейском¹⁴. Указанные особенности свидетельствуют о том, что схема описания грамматического строя древнееврейского языка у караимских языковедов существенно отличалась от схемы описания языка у раббанитов. Необходимо также отметить, что у караимских языковедов этого периода наблюдается четкая преемственность основных лингвистических идей¹⁵.

СРЕДНЕКИТАЙСКИЙ ЯЗЫК

(к вопросу о периодизации истории китайского языка)

В настоящее время не существует общепринятого понимания термина "среднекитайский язык", как не существует и общепринятой периодизации истории китайского языка.

Б.Карлгрен, в частности, называет среднекитайским язык эпох Тан и Сун; язык эпохи Дань относится им к "старому мандаринскому"¹. У А.Масперо среднекитайский период охватывает язык от эпохи Лючао по эпоху Сун, с делением на два подпериода; к более позднему подпериоду он относит язык конца династии Тан и династии Сун². Для Ван Ли среднекитайский язык начинается с IV в. и кончается в XII веке; XII-XIII вв. он считает переходным периодом от среднекитайского языка к новокитайскому³.

Основываясь на грамматических критериях, мы принимаем в качестве среднекитайского язык эпох Сун (точнее, Южная Сун) и Дань, то есть иначе говоря, язык XII-XIV вв. По времени это почти соответствует первому подпериоду "современного китайского языка" у А.Масперо, куда он относит язык династий Цзинь, Дань и начала Мин⁴.

Сунская и даньская группы текстов⁵ демонстрируют один и тот же тип языка, определяемый нами как среднекитайский в собственном смысле. Относимые к ним тексты связываются сходством наиболее существенных грамматических черт. Как характерный набор служебных слов, так и основные их функции не претерпели в период Сун-Дань сколько-нибудь заметных изменений. Имеющиеся расхождения между памятниками объяснимы как диалектные, жанровые или просто индивидуальные особенности отдельных текстов, но не как хронологические.

Какие же положительные и отрицательные признаки существенны для этого периода? Что отличает этот этап в истории китайского языка от более раннего этапа, зафиксированного в танских текстах (в частности, в дуньхуанских бьяньвэнях), и более позднего, зафиксированного в таких, например, романах, как "Си в цзи" (XVI в.) и особенно "Жулинь вайши" (начало XVII в.) и "Хун лоу мэн" (середина XVII в.)?

Прежде всего и в сунских, и в даньских текстах употребляются личные местоимения 我, 你, 他, 她; в

значении множественного числа они оформляются суффиксом множественности 們 мэнь; в притяжательном значении они принимают показатель определения 的 ди.

Самым распространенным вопросительным словом, применимым к лицам, и для сунских, и для ваньских текстов является 誰 шуй; наряду с ним, но значительно реже, можно встретить 甚麼人 шэмажэнь, 甚人 шэньжэнь, 誰人 шуйжэнь, 誰家 шуйцзя и др.; неодушевленным предметам чаще всего соответствует местоимение 甚麼 шэма, реже - 甚 шэнь.

Не произошло за это время никаких серьезных изменений в употреблении указательных местоимений 這 чжэ и 那 на; для указания места и в тех, и в других текстах обычно встречаются 這裏 чжэли и 那裏 нали, но нет современных 這兒 чжэр и 那兒 нар.

В значении "сам" и в сунских, и в ваньских текстах одинаково употребляются местоимения 自己 цзыцзи и 自家 цзыцзя и наречие с местоименным значением 自 цзи; в качестве антонима используется в основном 別人 бе жэнь (редко - 他人 та жэнь), но не современное 人家 жэньцзя.

Для текстов этого времени характерны в общем одни и те же невопросительные местопредикативы - 怎 (地, 的) жэнь (ди, ды), 怎般 жэньбань, 這等 чжэдэн, 這般 чжэбань. Во всех текстах наблюдается вопросительный местопредикатив 怎, цзэнь и его различные формы.

И сунские, и ваньские тексты дают одну и ту же картину употребления отрицаний, чрезвычайно разнообразных в этот период: отрицание 不 бу не связано со временем действия глагола; из двух отрицаний - 不曾 буцэн и 未曾 вэйцэн - и в тех, и в других текстах обычно употребляется буцэн; запретительным отрицанием является 休 сю (а также 莫 мо), но не современное 別 бе; слово 沒 мэй используется как отрицательный глагол, выполняющий функции сказуемого и могущий иметь дополнение ("не иметь", "отсутствовать").

В текстах этого времени отмечена целая группа глаголов, предложения с которыми соответствуют страдательной конструкции в современном языке, - 被 бай, 吃 чи, 得 дэ, 蒙 мэн и 遭 цао. Они ведут себя как настоящие глаголы и могут управлять предложением. Употребляются они и в начале целого предложения, когда перед ними нет подлежащего, то есть в кон-

струкции, отсутствующей в современном языке.

В сунских и даньских текстах как показатель каузативной конструкции используется не только 教 цзяо, но и 着 чжао, отсутствующий в современном языке. В этих текстах возможны три различных варианта каузативной конструкции: 1) обычная каузативная конструкция, соответствующая современной (в полной и неполной формах), 2) конструкция, объект которой стоит на месте субъекта, 3) конструкция, где объект действия находится на месте субъекта.

Предлогом, соответствующим современному 给 гэй, и в сунских, и в даньских текстах является 與 дй.

И в тех, и в других текстах с прямым дополнением, стоящим перед сказуемым, используются служебные слова 把 ба и 解 цзян (последнее не сохраняется в современном языке); они же могут вводить и инструментальное дополнение. Морфема цзян в составе сложного глагола широко представлена во всех текстах.

Во всех текстах употребляется наречие 別 бе (в современном языке ему соответствует 另 лин); оно чаще относится к дополнению, стоящему после сказуемого (переводится "другой"), но может относиться и к самому сказуемому (переводится "иначе", "кроме того", "еще" и т.д.), и т.д.

Грамматические явления, возникшие в более поздний период, не наблюдаются ни в сунских, ни в даньских текстах. Назовем некоторые из них: предлог 给 гэй, вводящий косвенное дополнение, и наречие 很 хэнь "очень" появляются в "Жулинь вайши"; с этого же времени становится обычным местопредикатив 這 жэ жэнь чжэнь; условное предложение с 要 (要是) яо (яоши), запретительное отрицание 别 бе, 兒 эр как суффикс наречий времени, модальная частица 呢 ни, отрицание 没有 мэйю перед глаголом, повторный вопрос без частицы 也 е между частями повтора появляются в "Хун лоу мэн".

Язык эпохи Тан, который безусловно ближе к среднекитайскому, нежели к древнекитайскому, может рассматриваться либо как переходный от древнекитайского к среднекитайскому, либо как раннее состояние среднекитайского, но во всяком случае он достаточно отличается от языка эпох Сун и Юань. Поэтому нами он не включается в среднекитайский в собственном смысле.

Особенно показательны в этом плане следующие из выделенных нами положительных и отрицательных характеристик. В танских тек-

стах отсутствуют (или не стали обычными) суффикс множественности мэнь, служебное слово ли (в графическом варианте - 的), местопредикативы хэнь (ли, ды), хэньбань, чэцзэн и чэцэбань, вопросительный местопредикатив цзэнь и его формы, показатель каузативной конструкции чэао, сочетание мэй и, предлог совместности хэ и т.д. С другой стороны, после Тан исчезает префикс 阿, сокращается до случайных примеров употребление местоимения 伊 и "он", падает употребительность предлога 共 гун, слово 他 та не встречается как антоним возвратного местоимения, сокращается до случайных примеров отрицание вэйпэн, дополнение после предлога уи, обозначающее лицо, для которого совершается действие, не может опускаться и т.д.

¹ В. Karlgren, *Etudes sur la Phonologie Chinoise*, - "Archives d'Etudes Orientales", vol. 15:1, 1915, p. 32.

² Н. Maspero, *Le dialecte de Tch'ang - ngan sous les T'ang*, - *HEFEO*, Hanoi, 1920, p. 10-11.

³ 王力, *漢語史稿*, 上冊, 科學出版社, 北京 1958, с. 32-35 (Ван Ли, Опыт истории китайского языка).

⁴ Н. Maspero, *op. cit.*

⁵ Из сунских текстов нами использованы сборник рассказов "Цзинь бэнь тунсу сяошо" и тексты Чжу Си; из даньских - песни цзацзюй и роман "Шуй ху чуань".

Г. А. Зограф

"ВТОРИЧНАЯ ГЛАГОЛЬНАЯ ФЛЕКСИЯ" В НОВЫХ ИНДОАРИЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Характерной чертой развития морфологического строя индоарийских языков от древнеиндийского к современному состоянию является отмирание старых флексивных форм и замена их аналитическими, подвергающимися с течением времени стяжению, на почве чего возникают синтетические новообразования, определенные в свое время А. П. Баранниковым как "новая флексия"¹. Не останавливаясь на вопросе о границах применимости самого этого определения (в частности, многие новообразования подобного типа в большинстве новых индоарийских языков соответствуют скорее понятию агглютинативных), рассмотрим "новые флексивные" глагольные

форм с точки зрения их места в современной системе новоиндоарийского (НИА) глагольного словоизменения.

Парадигматически НИА личные формы глагола по их структуре делятся на три группы:

(1) Первичные синтетические, т.е. присоединяющие личное окончание непосредственно к основе глагола. Они представляют собой результат прямого развития ДИА и СИА флексивных форм. Их роль в современной НИА системе спряжения невелика – как правило ими замещается всего одна-две из 10-20 частных видо-временных парадигм.

(2) Вторичные синтетические, т.е. присоединяющие окончания "опосредованно" – к основе глагола, осложненной видовым или временным аффиксом. Из возможных здесь случаев нас интересует тот, когда окончания присоединяются к основе, оформленной аффиксом причастной этимологии: совершенного вида (-y-/ø или -l-) и несовершенного вида (-t-). Формы этого типа играют заметную роль в современной системе спряжения. По словоизменительным характеристикам окончаний их можно классифицировать далее как: а) чисто глагольные (изменяются в лице и числе или субординации), б) чисто именные (изменяются в роде и числе) и в) глагольно-именные (изменяются в роде, числе и лице).

(3) Аналитические, сочетающие в себе значимый компонент в форме, соответствующей причастию или деепричастию (редко – какой-либо иной), и вспомогательный глагол связочного типа. Первый изменяется (хотя и не везде) как правило по именной парадигме, второй – по глагольной. Аналитическими формами замещена преобладающая часть обычной НИА видо-временной парадигмы глагола.

В плане поставленной задачи нам интересна в первую очередь третья разновидность вторичных синтетических форм (2в). В упомянутой статье А.П.Баранникова подобные формы языка маратхи (наст. вр. *caĩtõ* 'я двигаюсь' и т.д. и прош. вр. *caĩlõ* 'я двинулся', построенные, соответственно, на основе причастий несовершенного и совершенного вида) вместе со стяженными "разговорно-бенгальскими", или "чолит бхаша" (наст.вр. *karchi* 'я делаю' и т.д.; ср. "старый" литературный стандарт – "шаду бхаша" *karitechi karite + āchi*) и цыганскими формами прошедшего времени (мѐ ли-лем 'я взял' и т.д. – генетически возводимы к причастию прошедшего времени / совершенного вида) приводятся в качестве примеров новой глагольной флексии, возникшей из аналитических форм.

Обращает на себя внимание несоизмеримость приведенных форм бенгальского и двух других языков по их месту в системе.

Бенгальские стяжения являют собой принадлежность функционального стиля языка. Можно выстроить два параллельных ряда идентичных по значению форм — полных ("шаду бхаша") и стяженных ("чолит бхаша"):

	настоящее время		прошедшее время	
	несов.вид	сов. вид	несов.вид	сов.вид
(шаду)	karitechī	kariyāchī	karitechilām	kariyāchilām
(чолит)	karchī	karēchī	karchilām	karēchilām,

причем в обоих временах названные формы имеют еще и третий коррелят — синтетическую форму "общего вида" (kari 'я делаю', karilām 'я сделал'). В диалектах и говорах стяжение может заходить настолько далеко, что в отдельных случаях сегментация значимого и вспомогательного компонентов на основании чисто синхронного анализа оказывается затруднительной. Здесь налицо динамический современный процесс перехода от аналитических форм к новейшим синтетическим, пронизывающий всю систему спряжения.

В маратхи формы типа cālītō и cālīō соотнесены с аналитическими в рамках единой системы современного литературного языка. С ними сосуществуют, функционально противостоя им, аналитические формы типа: cālat āhē / cālītō āhē 'я иду /сейчас/' ("наст. продолженное"), cālat astō 'я хожу /постоянно/' ("наст. обычное"), cālīō āhē 'я /уже/ пошел' ("наст. совершенное"), cālīō hotō 'я /раньше/ ходил' ("предпрошедшее") и др. Характерно также, что в аналитических формах совершенного вида участвует, как видно по приведенным примерам, спрягаемый причастный компонент. Учитывая к тому же относительно позднее формирование современной симметричной системы аналитического спряжения, приходится усомниться в том, чтобы названные синтетические формы могли быть результатом современного, т.е. новоиндийского, стяжения. Последнее, как и в бенгальском, имеет место в просторечных и диалектных разновидностях маратхи, но оно не стало здесь всеобъемлющим и дает результаты, отличные от рассматриваемых форм (в частности, распространяется и на третье лицо — ср. ниже).

На то, что это явление более раннее, указывает цыганский язык, оторвавшийся от индоарийских еще в первом тысячелетии н.э. Ему абсолютно несвойственны аналитические глагольные формы новоиндийского типа, и тем не менее он обладает формами прошедшего

времени, в которых усматривается такое стяжение. Сравним парадигмы форм "претерита" в цыганском, маратхи, синдхи (здесь они тоже присоединяют глагольно-именные окончания) и хинди (как один из языков с чисто именными окончаниями соответствующих форм):

	цыганский	маратхи	синдхи	хинди					
	марэ	cālñē	'идти'	halanu	'идти'	calnā	'идти'		
	'бить'	м.р.	ж.р.	ср.р.	м.р.	ж.р.	м.р.	ж.р.	
Ед.1.	мардēm	cālñō	cālñē	<u>cālñē</u>	halyasi	halyasi	}	<u>calā</u>	<u>calī</u>
ч. 2.	мардян	cālñās	cālñīs	cālñēs	halyē	halyā			
3.	<u>мардл</u>	<u>cālñā</u>	<u>cālñī</u>	<u>cālñō</u>	<u>halyo</u>	<u>halī</u>			
Мн.1.	мардям		cālñō		halyāsī	halyūsī	}	<u>cale</u>	<u>calī</u>
ч. 2.	<u>мардэ</u>		cālñā		halyau/	<u>halyū</u>			
3.	<u>мардэ</u>	<u>cālñē</u>	<u>cālñyā</u>	<u>cālñī</u>	<u>halyā</u>	<u>halyū</u>			

Характерно, что глагольно-именные окончания появляются только в первом и, менее регулярно, втором лице, тогда как третье повсеместно сохраняет чисто именные (формы с ними подчеркнуты). Не касаясь существа предлагаемых этимологий конкретных окончаний (они заслуживают специального анализа), заметим, что традиционное возведение их к ДИА и СИА формам глагола-связки², сочетающимся с пассивным причастием совершенного вида (которое втесняет личные глагольные формы прошедшего времени уже в санскрите), хорошо согласуется с дистрибуцией связки при таких причастных формах, отмеченной в пракритах, — появлением ее в первом и втором лицах, но не в третьем³.

Появление глагольно-именных окончаний и у синтетических форм, опирающихся на причастие несовершенного вида ("простое настоящее время изъявительного наклонения" и "общая форма условного наклонения" в маратхи; "простое будущее" в синдхи), можно объяснить последующим "выравниванием" парадигмы по аналогии с описанными выше формами совершенного вида (прошедшего времени). Во всяком случае, дифференциация двух типов глагольно-именных окончаний при причастной основе на -t- в маратхи представляет собой явление позднее⁴. Влияние уподобления по аналогии (но в данном случае первичным флективным формам, с окончаниями которых они в значительной мере совпадают), по-видимому, сыграло определенную роль в формировании системы вторичных чисто глагольных окончаний в восточных НИА языках. Неустойчивость новых синтетических спрягаемых форм, чередующихся с неоформлен-

ными, например, в первом лице, зафиксирована здесь в старых письменных текстах⁵.

Изложенные соображения требуют еще дальнейшей разработки и проверки. Тем не менее сказанное позволяет заключить, что в новых индоарийских языках следует различать по меньшей мере три исторических слоя (не смешивать со структурными типами!) синтетических личных форм глагола:

- 1) первичные, развившиеся из флективных древнеиндоарийских;
- 2) вторичные, образованные на основе стяжения среднеиндоарийских аналитических сочетаний, а также по аналогии с такими новообразованными (и, возможно, первичными) формами;
- 3) третичные, возникающие в результате стяжения /современных/ новоиндоарийских парадигматических аналитических форм.

¹ А.П.Баранников, Флексия и анализ в новоиндийских языках, - "Уч. зап. ЛГУ", № 98, Л., 1949, с.12.

² E.Trumpp, Grammar of the Sindhi language, London-Leipzig, 1872, p.290-291; но ср.: S.K.Chatterji, The origin and development of the Bengali language, Calcutta, 1926, p.973 ff.

³ J.Bloch, Indo-Aryan from the Vedas to the modern times, Paris, 1965, p.271.

⁴ J.Bloch, La formation de la langue marathe, Paris, 1920, p.244.

⁵ S.K.Chatterji, op.cit., p.947 ff.; B.Kakati, Assamese, its formation and development, Gauhati, 1949, p.330 ff.

К.Б.Кеппинг

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ГЛАГОЛОВ И СУБЪЕКТНО-ОБЪЕКТНОЕ СОГЛАСОВАНИЕ В ТАНГУТСКОМ ЯЗЫКЕ

I. Порядок слов в тангутском языке П-Д-С. После сказуемого могут стоять только относящиеся к нему служебные слова.

Считается, что в тангутском языке категория лица в глаголе не получает формального выражения¹. Однако в исследованных нами тангутских текстах² местоимение первого лица 𐌎𐌌 nga

"я" может занимать необычную позицию - стоять после глагола-сказуемого, указывая на то, что субъектом или объектом действия этого глагола является первое лицо единственного числа. Например:
(1) 奴能報復 奴能 я

nga lɔiɔ pɔziɔ nga

У меня есть богатство. (Букв.: Я богатство иметь-я.)

(2) 奴能報復 奴能 奴能 奴能 奴能 奴能 奴能 奴能 ЛК

lɔiɔ tsɪwɛ pɔziɔwɛ ndzɛi viɛ na ɔa nga i

/Цао Цао/ сказал: "Бойсь, что окружающие /меня/ люди убьют меня".

(Букв.: Окружающие люди действие делать бойсь убить-я говорить).

По определению (см. выше), nga после глагола мы считаем служебным словом-омонимом местоимения nga "я", согласующим глагол в лице с субъектом или объектом действия. С чем согласуется глагол - с субъектом или объектом - зависит от глагола.

Служебные слова 奴 na и 能 ni, употребляющиеся в сложном предложении параллельно служебному слову nga в глагольной цепочке и занимающие ту же, что и nga, позицию в ней, являются по своему происхождению местоимениями второго лица 你 na "ты" и 你 ni "вы". В диахроническом плане употребления na и ni в составе сказуемого, вероятно, различало второе лицо соответственно единственного и множественного числа субъекта (и объекта - ?) действия. Однако в языке исследованных текстов присоединение их к глаголу указывает соответственно на единственное и множественное число субъекта действия. По-видимому, поэтому местоимения na и ni в составе сказуемого стали записываться другими иероглифами³.

Таким образом, утверждение, что категория лица тангутского глагола не имеет формального выражения, в исследованных текстах не получает подтверждения. Исторически для указания на лицо субъекта или объекта к глаголу присоединялись служебные слова-омонимы местоимений первого и второго лица. Возможно, что третье лицо в глаголе не получало специального показателя. В языке исследованных текстов это явление сохранилось только для первого лица единственного числа.

II. По своей ориентации на субъект/объект тангутские глаголы могут быть разделены на две группы: I/ глаголы, согласующиеся с субъектом действия - далее "глаголы I"; 2/ глаголы, согласующиеся с объектом (адресатом) или притяжательным определением к объекту действия - далее "глаголы II". Указанные формальные

группы глаголов внутренне неоднородны, в каждую из них входят глаголы с различной семантикой. Приводим списки глаголов обеих групп.

Глаголы I.

глаголы мысли, чувства, речи:

知能	aiwə nga	думать
能知	nwə nga	знать
有能	ndwu nga	знать
知能	kiwa nga	плачу
有能	mbe nga	смеюсь
知能	nīe nəw nga	радуюсь
能知	mio nga	слушаю
有能	lɪn nga	вижу
知能	i nga	говорю
有能	the nga	рассказываю(?)

модальные глаголы:

知能	kai nga	хочу
能知	niwi nga	могу
有能	ngie nga	хочу
知能	miviei nga	не хочу
有能	mī kie nga	не осмеливаюсь

глаголы обладания:

知能	ndzio nga	имею
有能	o nga	имею
知能	wənga	имею
有能	mɪn nga	не имею

глаголы движения:

知能	sia nga	ухожу
能知	nildie nga	прибываю
有能	ldie nga	прихожу
知能	la nga	прихожу

глаголы-связки:

知能	ngu nga	являюсь
有能	we nga	становлюсь

прочие глаголы:

知能	ndsio nga	ею
有能	thi nga	пью
知能	riuo nga	получаю
有能	lhiə nga	беру
知能	vio nga	делаю
有能	khie nga	даю
知能	thu phiŋ nga	устанавливаю

глаголы состояния:

知能	si nga	умираю
有能	si nga	умираю
知能	mie nga	сплю
有能	ndzio nga	нахожусь
知能	we nga	покорюсь

Глаголы II.

глаголы с "плохим" оттенком значения: глаголы с 2-м дополнением:

知能	sa nga	убить меня
有能	thi nga	гнать меня
知能	mi kem vie nga	не уважать меня
有能	ziem ni nga	пренебрегать мною
知能	ldə nga	закопать меня
有能	pham nga	напасть на меня
知能	lhwī vie nga	захватить мою /го- рода/
有能	nga	захватить мою /выгоду/
知能	zwon nga	схватить мою /руку/
有能	khion nga	дать мне
知能	ldie nga	принести мне
有能	nga	вернуть мне
知能	taho nga	вернуть мне
有能	via nga	пустить /на/ меня
知能	nai nga	указать мне

каузативные глаголы:

知能	thi phi nga	напоить меня
有能	ndzu phi nga	посадить меня
知能	ndzie phi nga	поместить меня

прочие глаголы:

飯吃 能 ndziē nga съестъ меня (но 飯 能 ndziē nga ем)

Для того, чтобы служебное слово nga после глаголов II указывало на субъект действия, после nga в глагольную цепочку ставится служебное слово 是 si⁴. Таким образом:

глагол II + nga - действие, совершаемое надо мною: 能 能 sa nga убивают меня

глагол I + nga - действие, совершаемое мною: 能 能 sia nga идущу

глагол II + nga si - действие, совершаемое мною: 能 能 是 sa nga si убиваю

III. В языке исследованных текстов объектные отношения, как правило, выражаются в дополнении, которое стоит без послелога или с послелогом 在 in, например:

(3) 城 在 城 中 有 城 中 有 城 с

tin vlei ziō wo ziē a ni ti

Когда окружаешь врага, одну сторону оставляй открытой.

(4) 城 在 城 中 有 城 中 有 城 中 有 城 с

tha sia siwo in ki wo siwə siwə we a giə nie

/Цзан Гун/ окружил этого Шань Чэня /и/ много раз нападал на город.

Употребление служебного слова nga указывает, что в тангутском языке существовали (вероятно, исторически) и другие способы выражения объектных отношений. Рассмотрим конструкции с глаголами II, после которых стоит служебное слово nga.

Подлежащее при сказуемом, выраженном глаголом II, может иметь после себя специальный показатель 能 能 ndzēi-vie, буквально означающий "действие + делать", например:

(5) 城 在 城 中 有 城 中 有 城 中 有 城

thin siwo lhiə tsai ndzēi-vie zieu ni nga .I

"Почему маленькое государство притесняет меня?"

Однако подлежащее может и не иметь после себя никакого показателя:

(6) 城 在 城 中 有 城 中 有 城 с

tin vlei ziō na phom nga .I

"Боясь, что враг внезапно нападет на меня".

(7) 城 在 城 中 有 城 中 有 城 中 有 城 с

ni tin nga in ləfə thi nga ku tna tai viə thi na

Если уж ты гонишь меня, то прогони и ее.

В последнем предложении, помимо служебного слова nga после

глагола, указывающего на объект действия, имеется дополнение, выраженное сочетанием местоимения первого лица nga "я" с послелогом in in, т.е. в этом предложении явная избыточность указаний на объект.

Следующее предложение – повелительное, подлежащего в нем нет, дополнения со значением объекта также нет, однако оно указывается постановкой служебного слова nga после глагола:

(8) 能 能 你 来 找 我 子 我 能 能 能 能 ЛК

nga si nio rie tna tsha ni a mbiu na lae nga

После того, как я умру, закопайте меня у ворот дома Тао Цяня.

При глаголах, которые могут иметь два дополнения (например, при глаголах давания), nga после глагола согласуется с тем дополнением, которое имеет значение лица (но не объекта):

(9) 能 能 你 来 找 我 子 我 能 能 能 能 ЛК

na sie ngu a? ldu lwi siei na ta tni vi? vi? vie nga

"Ты прежде кисть у меня взял, верни /ее/ сейчас мне".

(10) 能 能 你 来 找 我 子 我 能 能 ЛК

nga . in sa men kwie ndu-khion nga

Дай мне плод шрапаны.

В последнем предложении заключена избыточность: адресат выражен и дополнением, состоящим из местоимения nga + послелог in, и указан служебным словом nga после глагола.

Служебное слово nga после глагола может указывать и на притяжательное определение к объекту, например:

(11) 能 能 你 来 找 我 子 我 能 能 ЛК

ni ni mi wo ngu we lwi-vie nga

Вы незаконно захватили мой города.

(12) 能 能 你 来 找 我 子 我 能 能 ЛК

ndziwo ngi nga . in lda ki-zwon-vie nga

Кто-то схватил мой руку.

В последнем предложении перед словом "рука" стоит притяжательное определение, выраженное сочетанием местоимения nga с послелогом in, а после глагола стоит служебное слово nga, т.е. и здесь избыточность указаний на притяжательность.

IV. В настоящее время тангутский язык причисляется к языкам номинативного строя. Грамматическое приравнивание субъекта глаголов I (непереходных) к объекту глаголов II (переходных) позволяет предположить, что исторически тангутский язык был языком не номинативного, а эргативного типа⁵. Однако этот вопрос

исследователей расходятся.

В грамматическом очерке О.Манна¹, в практической грамматике Фоссума², построенных на материале мукри, о таком показателе ничего не говорится. Однако, в курдоведческих исследованиях последних лет начали обращать внимание на эту форму. В своих курдских исследованиях Д.Н.Маккензи обратил внимание на форму *-î de* в говоре курдов района Бингирда и в текстах Оскар Манна, отражающих мукри. Маккензи эту форму воспринимает как формант, состоящий из изафета *-î* и частицы *de*, которые он пишет раздельно, как и О.Мани в текстах говора мукри.

Приводя аналогичные примеры раздельного употребления изафетного показателя *-ê di* в фольклорных текстах курманджи, мы в работе "Сравнительная грамматика курдского языка"³ делали вывод о том, что форма *-î de* в мукри и форма *-ê di* в курманджи представляют собой фонетические варианты общекурдского изафетного показателя множественного числа *-êd*.

Авторы работы "Курдский диалект мукри"⁴ выступают против мнения о наличии этого изафетного показателя в мукри и тем самым противопоставляют мукри северному курдскому диалекту курманджи, относя его к так называемой "центральной группе курдских диалектов". Об этом они пишут следующее: "Изафетный показатель *-î* в центральной группе (сорани, мукри, сулемани - К.К.) нейтрален по отношению к роду и числу, тогда как в курманджи изафетные показатели *-a*, *-ê*, *-e*, *-î*, *-êd* различаются в связи с родом и числом". Здесь говорится о том, что изафетные формы *-a*, *-ê*, *-e*, *-î*, служащие в курманджи показателями рода, отсутствуют в мукри, и что изафетный показатель мн.числа *-êd* не употребляется в мукри. Первое утверждение не вызывает возражения, оно доказано предыдущими исследователями, что же касается второго, то мы никак не можем согласиться с ним.

В работе "Сравнительная грамматика курдского языка" в качестве фактов, подтверждающих наличие изафетного показателя мн.числа *-êd* в мукри, мы отмечали следующие примеры из опубликованных текстов О.Манна:

qerepoşî de şîn (OM, 205) (Kurm. *qerepoşîyêd şîn*) 'зеленые одежды';
fêl u feracî de şeytan (OM, 255) *fêl u feracêd şeytan*

'проделки шайтана';

çawî de min (OM, 300) (Kurm. *çavêd min*) 'мои глаза';

denkî de henarê (OM, 62) (Kurm. *dendikêd henarê*) 'гранатовые косточки'.

Мы вынуждены повторить эти примеры, отмеченные в названной выше нашей работе потому, что в вышедшей недавно работе, посвященной формам множественного числа имени в иранских языках⁵, вопрос о наличии разнообразных изафетных форм в курдском языке и его диалектах автор обходит молчанием.

В курдском языке употребляются следующие изафетные формы множественного числа: *-êd*, *-êt*, *-ên*, *-ne* в курманджи, *-eI* в говоре курдов района Керманшаха, *-geI* в говоре курдов района Сенендеджа, а также общая для курманджи и мукри изафетная форма мн.числа *-ê di* или *-î de*. Специалистам курдоведов непонятно, как можно заниматься исследованием форм мн.числа имени в иранских языках, не привлекая отмеченные формы изафета множественного числа в курдском языке, которые являются одним из важных и существенных признаков, отличающих курдский язык от других современных иранских языков.

Приведенный выше вариант изафетной формы в мукри встречается и в фольклорных текстах курманджи, где наряду с формой *-êd* встречается случай раздельного написания *-ê di* аналогично южному *-î de*; *-ê* в курманджи присоединяется, подобно *-î* в мукри, к определяемому, *di* пишется раздельно от него, как в мукри. Например, *derê di xizna* (AS I, 193) 'двери казны'; *revokê di hespan* (FK, 400) 'табуны лошадей'; *kakilê di guzan* (FK, 402) 'ореховые ядра'; *gurê di çiya* (FK, 403) 'горные волки'; *xewnê di sevan* (FK, 300) 'ночные сны'; *bê his kirim zulfe di hûr* (FK, 552) 'меня с ума свели тонкосплетенные кудри' и др.

В курманджи изафетная форма *-ê di* встречается наряду с формами *-êd*, *-êt*. Она функционально и семантически равнозначна им. Формы *-êd*, *-êt* употребляются чаще; они соответствуют литературной норме и, присоединяясь к определяемому слову, выражают его число. Позиция форм *-ê di* в курманджи соотносительна позиции формы *-î de* в мукри. Обе формы выражают множественное число определяемого слова: *qisî de neterze* (OM, 14) (kurm., *qisê di neterze*) 'неприличные слова'; *kwanê suarî de nazenîn* (OM, 21) (kurm., *kwanê swarê di nazenîn//kanê swarêd nazenîn*) 'где же прекрасные всадники'; *kurî de man Xelîfê* (OM, 154) (kurm., *kurê di mam Xelîfê*) 'сыны мам-Халифа'; *leqî de wan naucuanan* (OM, 289) (kurm., *leqêd wan nû ciwanan*) 'тела тех молодых парней'; *leqî de suaranwek bijangi de daran*

(OM, 289) 'тела всадников (падали) словно листья деревьев'; le serim bibe laçik u de smalî de jinane (OM, 33) 'пусть будут на моей голове платки женщин'; de gel hatûn Estî rodenîştin xûşk u birafî de muhteber (OM, 50) 'с госпожой Асти сидели уважаемые сестры и братья'; merd ew merde nîe biçete refî kîçî de kurmançane (OM, 65) 'мужчина не тот, который пойдет преградить путь курманджийским девушкам'; le layekî dîkaî helwesraun çek u silahî de merdeane (OM, 31) 'на другой стороне висело оружие богатых' и мн.др.

Примеры говора мукри районов Ушну, Бокана:

le gel wî bin cema'werî de perîyane (MF, 89) 'с ним будут группы (райских пери)'; piyawit zirabit bibinewe qurbanî zincîrî de kezîye (MF, 72) 'пусть плохие люди станут жертвой цепей твоих кудрей'; lê detikê dilopîde xwênê (MF, 89) 'из нее текут капли крови'; ber nabe bestuye be zincîrey de zulfane (SMM, 45) 'не развязываются цепи локонов'; gulî de beharê (SMM, 29) 'весенние цветы'; lê detike dilopî de xwênê (SMM, 28) 'из нее текут капли крови'; quringî quringî de kêwîstana (SF., 48) 'журавли, горные журавли'; çî xebere le sarekey Lenger zemîn u le meclîsî de şêxane (SF., 47) 'что за весть из города страны Лангар и из шейхских собраний'; ewgo nîmek perwerîsin, ke nîmekî de çawan daye (SF., 49) 'вы любите делать добро, кто дал какие подарки', и др.

Примеры из текстов района Бингирда:

wextêk piyawî de raşay Petrussay ferengî çûn, girtyan, hawîştanîne ser gemî (Mac, 144) 'однажды люди франкского царя Патруса пошли, поймали (его), бросили в корабль'; rojê biçime raw u rawşkarê, êwaran dêmewe hode u dîwaxanî de xom (Mac, 115) 'днем пойду на охоту, вечером вернусь в свои комнаты' и др.

Думая, что приведенные примеры из различных текстов, отражающих мукри районов Ушну, Бане и Бокан, могут служить новым дополнительным материалом, подтверждающим наше мнение о наличии изафетного показателя множественного числа *-î de* в мукри, который соотносителен, по значению и функции, изафетным формам *-ê aî, -êd, -êt* в курманджи.

¹ O.Mann, Kurdish-persische forschungen, Berlin, 1906.

² L.D.Fossum, A practical Kurdish grammar, Minneapolis, 1919.

³ К.К.Курдоев, Сравнительная грамматика курдского языка.

Автореферат докторской диссертации, Москва, 1965, с.33-38.

⁴ К.Р.Эяуби, И.А.Смирнова, Курдский диалект мукри, Ленинград, 1968, с.4.

⁵ И.А.Смирнова, Формы множественного числа в иранских языках, Ленинград, 1974.

Принятые сокращения.

- AS I, - P. von S. Socin A., Kurdische Sammlungen, Abt. I-II, S.-Pb., 1887-1890.
- FF - Qader Fatah Qazi, Mehr-o-Vafa, Tebriz, 1966.
- FK - Folkloru kurmanji, Erevan, 1956.
- Mac - D.N.Mackenzie, Kurdish dialect studies, II, London, 1962.
- OM - O.Mann, Kurdisch-persische Forschungen.
- ŞF - Qader Fatahi Qazi, Şeyx Farx-o-Xatun Asti, Tebriz, 1973.
- ŞMM - Qader Fatahi Qazi, Şer Mahmud-o-Merzingan, Tebriz, 1970.

Н.И. Носова

О ПРЕДЕЛЬНЫХ ГЛАГОЛАХ В БИРМАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Во многих языках выделяются так называемые "предельные глаголы". А.А.Холодович называет эти глаголы "глаголами с одной степенью свободы", имея в виду, что предельный глагол обозначает состояние А, которое с необходимостью переходит в состояние В^I. Например, "садиться" – это предельный глагол, так как обозначаемое им состояние с необходимостью переходит в состояние, обозначаемое глаголом "сидеть".

Можно сказать, что предельный глагол обозначает состояние, имеющее "обязательный результат". В корейском и японском языках само такое состояние /А/ обозначается глаголом, специальная форма которого передает результат /В/ данного состояния. Например, в японском языке сину "умирать" – синдэ иру "быть мертвым". Подчеркнем, что состояние А и его результат В выражаются здесь одним и тем же словом (лексемой).

В другом случае, как указывает А.А.Холодович, результат может выражаться самостоятельным словом, как в русском языке:

"брать" - "держать".

Всего, как считает А.А.Холодович, существует три реальные возможности, а именно:

Состояние А	Состояние В
а) именуется	именуется
б) именуется	образуется
в) образуется	именуется ²

Предельные глаголы могут быть выделены в качестве отдельного грамматического класса, если они обладают особыми грамматическими свойствами - прежде всего, если существуют особые способы формо- или словообразования, которые связывают слова, обозначающие соответствующие состояния /А/, и слова (слово-формы), обозначающие их необходимый результат /В/.

В бирманском языке также выделяют предельные глаголы³. Эти глаголы обозначают и состояние, и его результат. Например, тэй² "умирать" и "быть мертвым". Таким образом, в бирманском языке состояние и его необходимый результат выражается одной лексемой, причем не существует специфической формы для выражения результата. В бирманском языке, следовательно, реализуется еще одна возможность (по сравнению с указанными А.А.Холодовичем): значение результата передается не формой глагола, не производным (или просто самостоятельным) словом, а входит в общее значение соответствующей лексики, характеризующейся полисемией.

Грамматические характеристики этих глаголов как особой группы пестры и нечетки. Например, глаголы лэ³ в значении "лежать", тхайн² в значении "сидеть" не сочетаются с показателем однократности лай⁴, в то время как в значениях, соответственно, "падать", "садиться" сочетаются с ним: лэ³ лай⁴ тэ² "лег", тхайн² лай⁴ тэ² "сел". Глагол тхайн² в значении "садиться" сочетается с полуслужебной морфемой чха¹, передающей значения "сразу" (тхайн² чха¹ тэ² "сел"), в значении же "сидеть" не сочетается; глагол пйэ⁴ в значении "разрушаться", "портиться" сочетается с вспомогательным глаголом пйан², обозначающим возвратность (пйэ⁴ пйан² "снова испортился"), а в значении "быть разрушенным, испорченным" не сочетается с ним и т.д.

Интересно, что в бирманском языке в группу глаголов, обозначающих и состояние (действие), и его результат, входят также глаголы, с логической точки зрения не являющиеся предельными.

Это такие глаголы, как мэй³ "спрашивать" и "получать ответ", ша² "искать" и "находить". Значение результата (в данном случае не являющегося "необходимым") у данных глаголов проявляется в сочетании с модальным модификатором йа¹, обычно в отрицательной форме: ср.: тоун³ "употреблять" - тоун³ лоу¹ майа¹ пху³ "не иметь возможности (нельзя) употреблять", мэй³ "спрашивать" - мэй³ лоу¹ майа¹ пху³ "не иметь возможности получить ответ" (т.е. "спрашивал, но не смог добиться ответа"), ша² "искать" - ша² лоу¹ майа¹ пху³ "не иметь возможности найти" (т.е. "искал, но не смог найти").

Имеется еще одна группа глаголов, которую также целесообразно включить в рассмотрение при обсуждении вопроса о предельных глаголах в бирманском языке. Это глаголы, которые выступают в двух формах: с придыхательной инициалью как переходные, с непридыхательной - как непереходные, например, чха¹ "ронять" - ча¹ "падать", хни⁴ "погружать" - ни⁴ "быть погруженным".

Обычно различие между этими формами рассматривается в рамках противопоставления каузативности/некаузативности⁴. Однако, с другой стороны можно заметить, что каузативная форма в каждой такой паре выражает действие, состояние А, а некаузативная - его необходимый результат В. Здесь реализуется вариант В в схеме А.А.Холодовича. Следовательно, эти глаголы должны одновременно считаться предельными.

Интересно, что с точки зрения предельности исходными выступают формы с придыхательной инициалью, а с точки зрения каузативности - формы с непридыхательной инициалью.

¹ См. А.А.Холодович, О предельных и непредельных глаголах (по данным корейского и японского языков), - сб. "Филология стран Востока", изд. ЛГУ, 1963.

² Там же, с.10.

³ См. В.Б.Касевич, Интерференция в системе синтагматических и парадигматических категорий бирманского глагола, - сб. "Вопросы филологии стран Азии и Африки", вып. II, изд. ЛГУ, 1973.

⁴ См., например, J.O'Keil, A reference grammar of colloquial Burmese, pt.1, London, 1969, p.42.

ЯЗЫК ДЕЛОВЫХ ДОКУМЕНТОВ КАК ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ РАЗНОВИДНОСТЬ ЛИТЕРАТУРНО-ПИСЬМЕННОГО ЯЗЫКА В ДРЕВНЕУЙГУРСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Один из первых исследователей деловых (юридических, хозяйственных, дипломатических и пр.) документов из древнеуйгурского государства Кочо В.В.Радлов, характеризуя язык документов, писал: "Мы вправе, таким образом, предполагать, что в письменных документах, собранных профессором Гринведем, перед нами представлены пласты турфанской письменности в пределах более четырех столетий, в течение которых язык тамошних тюрков постепенно изменялся и все более сближался с среднеазиатскими диалектами, что мы можем наблюдать по заметным следам в языке документов, в то время как архаические формы и слова вплоть до последнего времени /в нем/ все еще преобладают"¹ ... "Как мы видели выше, пласты письменности нескольких столетий скорее доказывают, что ее язык постепенно изменялся и все более сближался с языком /населения/ Средней Азии, пока не превратился в конечном итоге в язык нынешних жителей Восточного Туркестана"².

С тех пор как были написаны эти слова, изучению древнеуйгурских документов из Восточного Туркестана было посвящено немало других работ, но в них внимание уделялось главным образом насущным, первостепенной важности задачам адекватной дешифровки текстов и истолкования терминов; вопрос же о сфере употребления и функции языка, зафиксированного в деловых документах, оставался в стороне.

Наблюдения В.В.Радлова показывают, что язык деловых документов по некоторым признакам противопоставлен классическому литературно-письменному языку и в то же время по ряду других признаков, напротив, он сближается с литературно-письменным языком и противопоставлен народно-разговорному языку³, отражая как бы этапы перехода из одного состояния в другое.

Но как и всякое языковое развитие этот переход не есть прямолинейный процесс, исходным моментом в котором выступает литературно-письменный язык как некий застывший, раз навсегда заданный феномен, а завершающим этапом — "современный язык /населения/ Восточного Туркестана". Факты, представленные в языке

деловых документов свидетельствуют о сложности создавшейся в древнеуйгурском обществе языковой ситуации, а именно о том, что в древнеуйгурском обществе имело место литературное и устное двуязычие (диглоссия). Положение осложнялось еще и тем, что литературно-письменный язык сам по себе не был однородным. С одной стороны, он был представлен "высоким" языком религиозной и художественной литературы, оторванным от повседневной речи и конкретного быта в силу своей социальной функции, осуществляемой с помощью разработанной образно-поэтической и понятийной системы и системы литературных шаблонов и трафаретов.

С другой стороны, наряду с литературно-письменным языком "высокой литературы" складывался особый стиль языка деловых документов, который не мог быть идентичным литературно-письменному стилю в вышеуказанном смысле слова ввиду несовместимости функций этих двух языковых стилей. В отличие от языка "высокой литературы", предметом (сюжетом) деловых документов являлись обобщенные ситуации, и в силу этого по своей понятийной структуре язык деловых документов сближался с повседневной речью.

Сближение стиля деловых документов с разговорной речью не носило характера последовательного "механического" заимствования форм и слов из одного типа языка в другой. Оно базируется на терминологической перестройке словаря и приводит в конечном итоге к изменению семантической структуры языка. Свидетельством тому служат лексические единицы в языке документов, терминологическое значение которых находится в отношениях дополнительной дистрибуции с их общеязыковым значением. Ср.:

Лексема	Общеязыковое значение	Терминологическое значение
añ	'слово'	'сообщение'
añiŋ	'торговля'	'продажная цена товара'
tiñ-	'хотеть, желать'	'ходатайствовать о получении (приобретении) чего-л.'
ber	'давать'	'предоставлять'
añiŋ	'польза'	'процент (долговой)'

и мн.др.

Отчетливо прослеживаемое единообразие в использовании терминов, формул и прочих приемов оформления документов говорит о

существовании длительной традиции в создании правового и дипломатического стиля литературного языка, представленные же в нем черты народной разговорной речи при адекватном истолковании могут служить одним из надежных источников для установления путей развития литературно-письменного и народного языков в их взаимодействии.

Сопоставление данных разностильных письменных памятников показывает, что в разные моменты развития литературный язык противопоставлялся народно-разговорному по разным признакам, что свидетельствует о смене ситуаций.

-
- ¹ W.Radloff, *Uigurische Sprachdenkmäler*, Leningrad, 1928, с.69.
² Ук.соч., с.73.
³ Ук.соч., с.68-76.

И.И.Цукерман

GEËYAN ИЛИ KËYAN ?

(к вопросу о возникновении окказиональных форм)

М.Б.Руденко принадлежит заслуга обнаружения в языке средневековой курдской литературы на севернокурдском наречии (курманджи) второго (наряду с *ûm* 'быть', 'становиться') глагола со значением 'становиться, делаться'. В двух статьях, посвященных этому наблюдению¹, автор на многочисленных примерах вполне убедительно показывает, что в значении становления - правда, только в формах простого прошедшего времени - употребляется глагол, передаваемый в арабской графике كریان. Указывая на то, что для передачи фонемы /g/ в рукописях употребляется тот же знак گ (без "саркеша"), что и для фонемы /k/, автор - по-видимому, без всяких колебаний - предлагает в исследуемых формах видеть курдский глагол geËyan 'ходить, бродить, гулять, искать', который в данных текстах - по аналогии с персидским گردیدن - омонимически обозначает также 'становиться, делаться'.

В этом пункте и возникает наше сомнение, основанное на возможности принципиально иного чтения, находящего для себя почву

внутри курманджи - в живых, все еще продуктивных правилах его словообразования. Мы предлагаем написание ^{کریا} kirya, усматривая здесь форму глагола ^{کریان} - интранзитива от неправильного переходного глагола kirin 'делать', - который (kiryan) вполне естественно и логично должен передавать значение 'делаться, становиться, превращаться'.

Такой глагол отсутствует в курдских словарях, перечисляемых М.Б.Руденко, но его можно обнаружить в известном диалектологическом исследовании Д.Н.Маккензи². Д.Н.Маккензи толкует kiryan (наст.осн. -kirê-) 'be done' как единичное отражение южнокурдского суффиксального пассива на -re в курманджийском говоре района Екê. С этим можно вполне согласиться, принимая во внимание пограничное (маргинальное) положение говора Екê. Но не наблюдаем ли мы при этом процесс подключения kiryan к системе интранзитивов курманджи, а не просто функционирование одиночной формы южнокурдского суффиксального пассива, для которого в курманджи нет опоры? Во всяком случае для истолкования форм kirya в с и с т е м н о - с и н х р о н и ч е с к о м п л а н е, да еще в районах, отдаленных от южнокурдского ареала, нет надобности - как нам представляется - выходить за пределы курманджи, в глагольном словообразовании которого представлен ряд случаев интранзитивации переходного глагола посредством суффикса -(i)ya, присоединяемого к настоящей основе исходного глагола (нередко с перегласовкой корневого гласного); ср. rêtin, наст.осн. -rêj-, 'лечь' > rij(i)yan 'лечься'; pe'tin, наст.осн. -pêj-, 'печь' > pij(i)yan 'печься'.

В нашем случае, однако, интранзитивный суффикс -(i)ya присоединяется не к настоящей основе -k-, а прошедшей -kir-. Почему? Нам кажется, что это обусловлено малой звуковой протяженностью настоящей основы -k-, не способной достаточно отразить исходный глагол; *kya 'делаться' не возникло, не было "порождено" потому, что оно не ассоциировалось бы с kirin 'делать'. Между тем для интранзитивов на -(i)yan характерен - по преимуществу - корень, представляющий собой закрытый слог, во всех случаях обеспечивающий надежную связь с соответствующим переходным глаголом. Этим требованиям не удовлетворяет настоящая основа -k- (глагола kirin), но зато им вполне соответствует прошедшая основа -kir-, на базе которой и образуется интранзитивная основа -kir(i)ya-, и таким образом именно -kir(i)ya- легко и свободно включается в созвучный функциональный ряд: pij(i)ya, rij(i)ya, liv(i)ya, tirs(i)ya, qel(i)ya, west(i)ya и т.д.

Что касается отсутствия примеров для форм настоящих времен глагола kiryan, то это объясняется все теми же трудностями

образования удовлетворительной настоящей основы для интранзитива от глагола *kirin*. Форма *dike* не может обозначать 'делается, превращается' потому, что она уже обозначает 'делает, превращает': напр., *dike sabûn* значит 'превращает в мыло', но не 'делается мылом'. Но и *dikirê sabûn* не может передавать 'превращается в мыло', потому что оно значит 'превращал в мыло'. Нам представляется, что если дополнительно будут обнаружены формы настоящих времен от интранзитива *kir(i)yan* (они относительно редки и для глагола *bûn*), в их составе окажется основа *-kirê-*, как в текстах Маккензи, записанных в *mkê*.

Теперь мы знаем, почему форма *کریا* так редка: она окказиональна в силу особенностей звуковой структуры исходного глагола *kirin*, настоящая основа которого состоит из одного согласного. Почему же она все-таки время от времени возникает? Возможно, на тех же основаниях, на каких в других языках наряду со значением 'стал' передается и значение 'сделался': *bû wezîrê p'adşa* 'стал царским вазиром', возможно, в меньшей мере предполагает активность субъекта, чем *kirûya wezîrê p'adşa* 'сделался царским вазиром'. Ср. в одном тексте³: *P'adşê eva xorta kire wezîrê xwe* 'Царь сделал этого юношу своим вазиром'; *xort dibe wezîrê p'adşê* 'Юноша становится царским вазиром'.

Но если даже считать, что значения 'сделать, превратить' (для *kirin*) и 'стать, превратиться' (для *bûn*) вполне соотносительны и идентичны, скажем, соотношению 'лить' (для *gêtin*) и 'литься' (для *gij(i)yan*), остается супплетивизм *kirin* - *bûn*, который тоже способен вызывать - хотя бы окказионально - формы однокорневого с *kirin* интранзитива *kir(i)yan*.

¹ М.Б.Руденко: I) Глагольная форма *کریا* (*geŷya*) в памятниках средневековой курдской литературы (на северном диалекте), III и ПИКНВ, IV, М., 1968, с.120; 2) функция глагола *کریان* (*geŷyan*) в текстах средневековой курдской литературы на северном диалекте (курманджи), III и ПИКНВ, V, М., 1972, с.200-203.

² D.N.Mackenzie, *Kurdish dialect studies*, I, London, 1961, p.195, 237 и также 118-119; II, London, 1962, p.258.

³ Курдские народные сказки, II, Запись, предисловие и комментарии А.Джинди, Ереван, 1962, с.23.

К ВОКАЛИЗАЦИИ ЕГИПЕТСКОЙ НИСБЫ

В статье "Материал по вокализации египетских предлогов (j)m, (j)n, (j)r и соответствующих отпредложных образований", публикуемой в Палестинском сборнике, вып. 27, мы не рассмотрели одну средневавилонскую передачу, анализ которой позволяет перейти к вокализации египетского предлога (j)r и его отпредложных образований, и в первую очередь нисбы jr.j. Речь идет о передаче египетского женского имени собственного Mfr.t-jr.j, которое в клинописной средневавилонской транскрипции выглядит как ^fNa-ar-te-ra, ^fNa-at-te-ra, ^m(sic!)Na-ar-te-[ra], т.е. египетское *ḿftrtj/ē*¹. Вторая часть имени, т.е. [ēra/ē] соответствует ег. форме jr.j. Э.Эдель (ENKUÄNB № VI) наглядно показал, что [-ēra/ē] по происхождению является нисбой и объяснил положение акцента и долготу [-ē-], сделав интересное и правильное замечание относительно редукции финального .j. При этом Э.Эдель исходил из материала грамматики Э.Х.Гардинера и из своих собственных наблюдений², в процессе которых на материале Старого-Нового Царств им было рассмотрено застывание нисбы jr.j в данном специфическом употреблении в форме м.р. ед. и мн.ч. и ее постепенное семантическое переосмысление в субститут местоимения - суффикса 3 л. Застывшая в ф-ме ед.ч. м.р. нисба jr.j стала выполнять функции местоимения-суффикса (м.-с.) 3 л. ед.ч. *ḿ.и. ḥ.р.*, та же нисба, но во мн.ч. м.р. - jr.j.w - функции м.-с. 3 л. обоих родов, при этом показатель мн.ч. .w переосмыслился в новое м.-с. мн.ч. обоих родов и постепенно заменил в этой роли м.-с. .sn, который редуцировал финальный n. Отметим, что фактически формы jr.j и jr.j.w в новоегипетском не являются более формами мужского рода, тем более женского, так как показатели рода в этих формах вследствие редукции ауслаута нейтрализовались. Итак, мы получаем материал для восстановления ауслаута нисбы jr.j, ибо [-ē-] - полноценный ударный гласный, удлинившийся в открытом слоге в результате перемещения на него ударения, что явилось результатом спайки формы jr.j с предыдущей формой *nr(r).t*. В соответствии с господствующей в египтологии с конца прошлого века рабочей гипотезой о первоначальном (по крайней мере, доноегипетском) составе египетских гласных ä:ä-ī:ī-ū:ū гласный [-ē-] в указанной форме вторичного происхож-

дения. Теоретически можно предположить $[\tilde{a}] > [\tilde{e}]$, $[\tilde{i}] > [\tilde{e}]$, $[\tilde{u}] > [\tilde{e}]$. Теперь перейдем к оценке каждой возможности при 18-19 династиях. Единственным примером чередования $[\tilde{a}] - [\tilde{i}] - [\tilde{u}] - [\tilde{e}]$ являются передачи субстантивированного прилагательного wr "великий, старший" (HKMAV I6, I7, 24: -u-gi, -wi(e,a)-ga/gi; ASMEP I9, № 45: -wu-ga/gi). Если мы не ошибаемся, предполагая существование всех четырех вариантов³, то относительно данного явления можно опять-таки предположить следующее:

1) в форме wr чередуются $[\tilde{u}] \sim [\tilde{i}]$, что нередко наблюдается и в семитских языках;

2) перед нами самый ранний случай $[\tilde{u}] > [\tilde{e}]$ с сосуществованием $[\tilde{u}]$ и $[\tilde{e}]$, либо

3) перед нами случай $[\tilde{i}] > [\tilde{e}]$ наряду с сосуществованием $[\tilde{i}]$;

4) $[\tilde{a}]$, возможно, следует рассматривать либо как $[\tilde{x}]$ или $[\tilde{a}]$, либо как альтернант $[\tilde{u}]$, $[\tilde{i}]$ по пункту 1).

Поэтому пример с wr не показателен. Переход $[\tilde{u}] > [\tilde{e}]$ для этой эпохи не подтверждается иными примерами, он произошел несколько позднее: ср. Albright, W.F., *The Principles of Egyptian Phonological Development*, ET 40, 1923, p.66; id., *The Vocalisation of the Egyptian Syllabic Orthography*, N.-Haven, 1934, p.16, 17 and note 67, 18 (=AVES0); Edel, E., *Zur Vokalisation des Neuägyptischen*, MIO II 1954, S.32 Ann.12; SS.33-34, 40 (=EVMÄ), не так у Śmieszek, A., *Some Hypotheses Concerning the Prehistory of the Coptic Vowels*, Kraków, 1936, p.36-41 (=SSHCPCV), esp. p.9-15 and 36-37. Материал AVES0 I7-I8 показывает, что в эпоху 19 династии $\tilde{u}$, т.е. $[\tilde{u}]$ еще не перешло в $[\tilde{e}]$, что произошло несколько позже (ASMEP I9, № 45). Переход $[\tilde{a}] > [\tilde{e}]$ представляется маловероятным вследствие отсутствия примеров. Остается рассмотреть возможность $[\tilde{i}] > [\tilde{e}]$. Такой переход может быть удостоверен чередованием $[\tilde{i}] \sim [\tilde{e}]$ в существительных wr, w^cw и, в особенности, в R^c: HKMAV I9-46-88; 24-46-48; 54-23; к R^c ср. также HKMAV I2: -gi-e в ^Mmi-ja-gi-e и группу gi-i-ja в транскрипции $\text{Nt}\langle r \rangle - \text{h}\langle p \rangle \text{r}\langle w \rangle - \text{R}^c$ в HKMAV 14. Чередование $[\tilde{i}] \sim [\tilde{e}]$ в R^c наблюдается также и в коптских формах - Crum, W.E., *A Coptic Dictionary Oxford*, 1939, p.287b: SVO PH, FO PE, A PEI, PI. По-видимому, в эпоху 18-19 династий $[\tilde{e}]$ было еще вариантом фонемы $[\tilde{i}]$, см. SSHCPCV 36-41, а

переход $[\bar{u}] > [\bar{e}]$, $[\bar{u}] > [\bar{y}]$ и, соответственно, $[\bar{u}] > [\bar{y}] > [\bar{e}]$ начался позднее, чем $[\bar{i}] > [\bar{e}]$, $[\bar{i}] > [\bar{y}]$ и $[\bar{i}] > [\bar{e}] > [\bar{y}]$ - ср. Lambdin, T.O., *The Bivalence of Coptic Eta and Related Problems in the Vocalisation of Egyptian*, JNES 17/III, 1958, 192-193. Поэтому автор данной заметки считает, что $[\bar{e}]$ в рассматриваемой форме $\bar{n}\bar{a}\bar{f}\bar{t}\bar{e}\bar{r}\bar{a}/\bar{e}$ восходит к $[\bar{i}]$, а предударный анлаут формы $j\bar{r}.j$ вне рассматриваемой конструкции существительное + $j\bar{r}.j$, к которой относится $\bar{n}\bar{a}\bar{f}\bar{t}\bar{e}\bar{r}\bar{a}/\bar{e}$, еще в эпоху 18-19 династий должен был иметь фонетическое содержание $[j\bar{i} \dots]$.

Выше уже говорилось о том, что в ед.ч. нисба $j\bar{r}.j$ срасталась с предыдущим именем. Но во мн.ч. такого сращения не происходило, т.к. если бы и в этой форме наблюдалось то же самое, то отпал бы заударный $.w$ - показатель мн.ч. и его переосмысления из показателя мн.ч. в новое м.-с. общ.р. мн.ч. не произошло бы, так как попросту нечему было бы переосмысливаться. Отпадение заударных w и j в новоегипетском языке уже давно известно и иллюстрируется, в частности, все той же передачей $\bar{n}\bar{a}\bar{f}\bar{t}\bar{e}\bar{r}\bar{a}/\bar{e}$, где отсутствует финальный j .

Таким образом, устанавливается соответствие между постулируемым анлаутом $[j\bar{i} \dots]$ и коптским анлаутом $\epsilon \dots \infty a \dots$ в формах $\epsilon\rho\eta\gamma$, $\alpha\rho\eta\gamma$, $\alpha\lambda\eta\gamma$ и т.д., которые являются застывшими субстантивированными нисбами м.р. множественного числа от предлога $(j)r$. Это первая попытка установления амарнского прототипа чередующихся коптских предударных гласных $\epsilon \dots \infty \alpha \dots$, о чем Э.Эдель писал в EVNÄ 39: "Wie die Fälle zu beurteilen sind, in denen die kopt. Dialekte anlautend bald α , bald ϵ zeigen (z.B. $\epsilon\epsilon\omega\tau$, в $\alpha\omega\tau$ "Monat"), bleibt noch zu klären". В этой заметке ставилась узкая задача анализа среднеавилонской передачи $\bar{n}\bar{a}\bar{f}\bar{t}\bar{e}\bar{r}\bar{a}/\bar{e}$. Целый ряд проблем, связанных с вокализацией системы предлога $(j)r$ рассмотрен нами в статье "Вокализация форм предлога $(j)r$ и соответствующих отпредложных образований", принятой к публикации в сборнике "Древний Восток 2" ("Тураевский Сборник"). В заключение отметим, что рассматриваемая здесь форма имеет, в отличие от более поздних клинописных и греческих передач, исключительное значение для вокализации анлаута форм системы предлога $(j)r$ (т.е. предыменной и предместоименносуффиксных форм самого предлога, относительного прилагательного $j\bar{r}.j$ и "наречия" $j\bar{r}.j$, имея в виду начальный j + гласный во всех указанных словоформах)

как в силу своей древности, так и в силу ударности гласного, входящего в состав анлаута нисбн jr.j.

¹ RÄPN. I. 204, 16 - Ranke, H., Die ägyptischen Personennamen, Bd.I, Verzeichnis der Namen, Glückstadt, 1935; ЕКМАВ 14 - Ranke, H., Keilschriftliches Material zur altägyptischen Vokalisation, АРАУ, 1910, Philos-hist. Classe, Anhang, Abh.II; АСМЕР N° 35 - Albright, W.F., Cuneiform Material for Egyptian Prosopography, 1500-1200 B.C. JNES 5/1, 1946 (7-25); ЕМКУАВ N° VI - Edel, E., Neue keilschriftliche Umschreibungen ägyptischer Namen aus den Bogazköytexten, JNES 7/1, 1948 (11-24). Имя следует переводить "Красота/красавица его/ее (?)", где первый компонент - субстантивированное прилагательное или имя абстрактное.

² GEG² 87-88, § II3, 2 - Gardiner, A.H., Egyptian Grammar, 2-nd ed., L., 1950; Е.И. 149, § 347, 2 - Edel, E., Altägyptische Grammatik, Roma, Analecta Orientalia 34, 1956, Teil I; ЕМКУР 18, 25 - Edel, E., Die Herkunft des neuägyptischen koptischen Personalsuffixes der 3. Person Plural - w., ZÄS 84, 1959 (17-38).

³ Поскольку знак P1 в ср.-вав. не различал гласных и из инвентаря wa, wi, we, wu более всего (с оглядкой на написание -u-ru) в данном случае подходит значение wu, см. АСМЕР 19, № 45 и приложение И.М.Дьяконова к нашей статье "Материал по вокализации..." Предположение о существовании вариантов не наше, а Г.Ранке и У.Олбрайта.

З.А.Дсупова

КОНСТРУКЦИИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ЮННОКУРДСКОМ ДИАЛЕКТЕ СУЛЕМАНИ

В сулемани¹ в зависимости от семантики глагола могут быть выделены следующие типы предложений:

I. Конструкция, образуемая при непереходном глаголе во всех временах и переходном в формах настоящего времени. Глагол данной структуры имеет флексивные окончания, согласующиеся в лице

и числе с субъектом действия. Прямой объект обычно следует за субъектом. И тот и другой никак не оформляются: ew hat 'он пришел', ew epîsê 'он пишет', ew namê epîsê 'он пишет письмо'. Во всех случаях субъект действия может быть опущен.

II. Конструкция, образуемая при переходном глаголе в прошедших временах, где в качестве личных показателей используются отдельные энклитические местоимения, которые могут присоединяться к любому члену предложения (исключая субъект): ew nûsî 'он написал'; ew namêu nûsî 'он написал письмо'; lew mālêu dizî 'он украл в том доме'; ruawêke zorî wut jîneke kemî 'bîst 'муж много говорил, жена мало слушала'. Следует, однако, подчеркнуть, что сильной позицией субъектного показателя является позиция при прямом объекте: inca min namên be to nûsî 'затем я написал тебе письмо' (в данном примере при наличии косвенного объекта и адвербиального слова субъектный показатель стоит при прямом объекте). В описываемой конструкции субъект действия также может опускаться.

Особую конструкцию переходные глаголы в прошедших временах образуют при косвенном объекте, выраженном глагольным окончанием, когда субъектный показатель примыкает к предлогу²: rêw wutin 'я сказал им', ср. эту же конструкцию с глаголом в форме настоящего времени, где функция той же энклитики (I-го л. ед.ч. = я) — косвенно-объектная: rêw eîlên 'они скажут мне'.

Привлекает также внимание конструкция с переходным глаголом в форме 3-го л. мн.ч. прошедшего времени, образующая неопределенно-личное предложение: uekêkuyan birduyan bo eskerî 'одного из них забрали в армию'; inca kuîeyan hêna 'затем привели сына'. Ср. аналогичные конструкции с глаголом в формах настоящего времени: esreke ehênin 'приводят коня'; kuîeke eben 'мальчика заберут'. Сходное явление отмечено и в курманджи³.

Таким образом Конструкция II отличается от Конструкции I: а) использованием в качестве личных показателей глагола энклитических местоимений; б) возможностью выражения косвенного объекта личными окончаниями глагола⁴. Функционально эти конструкции тождественны: обе они активны по семантике, характеризуются субъектным спряжением и одинаковым оформлением субъекта и объекта действия независимо от видо-временных форм глагола. Отмеченные же отличительные признаки Конструкции II могут рассматриваться как следы эргативной конструкции. Это, возможно,

подтверждается обнаруженными нами редкими случаями объектного согласования: *Mewlû dî keleşêrî xirtî girt u qaçekanî bestin u le ser bare dar fifê dan* 'Мавлу поймал пару крупных петухов, связал им лапки и бросил их на вязанку дров'; *le raça fuy sawake kird u çeşkanî girtin* 'затем он повернулся к младенцу, взял его ручонки и ...'; *le gelîşya ekewte yarî kirdin bew sê qelemey be destî enqest le ber demî xoya daynabûn* 'одновременно он перебирал рукой те три карандаша, которые специально положил перед собой'.

В зафиксированных примерах при субъекте в ед.ч. глагол имеет форму мн.ч., согласованную с множественным числом объекта. При этом реальный субъект действия выражен энклитическим местоимением соответствующего лица и числа. Иначе говоря, налицо сочетание объектного спряжения с местоименными энклитиками, как личными показателями субъекта действия. Окациональное употребление объектного согласования отмечено и в диалекте мукри⁵.

III. Конструкция, образуемая с глаголами наличия *hebûn*, *bûn* 'иметься'. Данная конструкция, обнаруживая полное структурное сходство с Конструкцией II, вместе с тем выражает совершенно иные отношения, ср.: *min kitêbim heye* 'у меня есть книга', и *min kitêbim hêna* 'я принес книгу'⁶.

По типу Конструкции III строятся и предложения с глаголами состояния: *min serim êşê* 'у меня болит голова'. Данный тип предложения в указанной статье И.А.Смирновой рассматривается как выделительная конструкция, в которой, по мнению автора, выделенный член предложения (в данном примере *min*) дублируется энклитическим местоимением (-м). Однако, более логичным представляется толкование этой структуры (как впрочем и структуры с глаголами наличия) как конструкции, выражающей косвенные отношения⁷: *mereze awî ewê* 'рисовым полям необходима вода'; *min hiçim namewê* 'мне ничего не хочется'; *to mêrdit nîye* 'у тебя нет мужа'; *dû şahidî heye* 'у него есть два свидетеля' (в последнем примере субъект опущен).

Сходные конструкции образуются и при именном предикате, выражающем состояние субъекта действия или присущий ему тот или иной признак: *min şawêkim şûşeye* 'у меня один глаз стеклянный'; *mêxeke bonî xoşê* 'у корицы приятный запах'; *min tînûme* 'мне хочется пить'; *kuşekanî katî jinhênanayan bûe* 'его сыновьям

пришла пора жениться' и т.д.

Не исключено, конечно, что Конструкция III употребляется и для выделения того или иного члена предложения. Однако этот вопрос требует специального исследования.

IV. Конструкция с пассивной формой глагола (зафиксированная преимущественно в формах 3-го л. ед. или мн.ч.)⁸.

Выделяются два типа пассивной конструкции: а) пассив субъектно-объектный, содержащий как субъект, так и объект действия. Субъект действия оформляется предложно-последовательным сочетанием *le lauen ...ewe* 'со стороны' (при обозначении лица) или предлогом *be* 'с' (при обозначении как лица, так и предмета). Глагол согласуется в лице и числе с объектом: *nameke le lauen xîakîyewe xwênapayewe* 'письмо было прочитано его сестрой'; б) пассив объектный, где субъект действия опущен, но назван испытывающий действие объект, согласующийся с глаголом: *kîçekan ewêne mâle raça* 'девушек увозят в дом падишаха', ср.: *wîbeynê eweyen* 'завтра увезут его', где глагол употреблен в форме 3-го л. мн.ч. действительного залога. По значению оба эти предложения близки к неопределенно-личным.

Резюмируя изложенное, можно сделать выводы: I. В сулемани выделяются конструкции, характерные для большинства иранских языков. 2. На материале сулемани наблюдается общая историческая тенденция иранских языков к исчезновению различий в спряжении переходных и непереходных глаголов и связанной с этим контаминации различных конструкций и их перестройке по типу обычных номинативных структур.

¹ Следует иметь в виду, что в сулемани именная флексия полностью утрачена.

² Подробно см.: З.А.Дусупова, Функции местоименной энклитики *ê* в курдском языке (на сравнительном материале южного и северного наречий). Сб. "5-ая Межвузовская научная конференция по иранской филологии". Душанбе, 1966, с.30-37.

³ См.: И.И.Пукерман, Очерки курдской грамматики. Сб. "Иранские языки II". М.-Л., 1950, с.81-98.

⁴ Это послужило основанием для толкования данной конструкции некоторыми исследователями как варианта эргативной конструкции. См.: Л.А.Пирейко, Основные вопросы эргативности на материале индоиранских языков. М., 1968.

⁵ См.: К.К.Курдоев, Сравнительная грамматика курдского языка по материалам курманджи и сорани. Диссертация на соискание ученой степени докт. филол. наук., М. 1965.

⁶ Подробно см.: И.А.Смирнова, О характере спряжения переходных глаголов в прошедшем времени в курдских диалектах центральной группы. Сб. "Эргативная конструкция предложения в языках различных типов". Л., 1967, с. 142-148.

⁷ Ср. аналогичные конструкции в других иранских языках. См.: Д.И.Эдельман, О конструкциях предложения в языках различных типов. "Вопросы языкознания", I, М., 1974.

⁸ Пассивные глаголы спрягаются по типу непереходных глаголов.

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я

Г.С.Щрон

МАТЕРИАЛЫ К БИБЛИОГРАФИИ РАБОТ СОТРУДНИКОВ ЛО ИВ АН СССР ЗА 1974 г.

1. Акимущкин О.Ф. Могольское государство и калмыки. - В кн.: Роль кочевых цивилизаций Центральной Азии. Сб. статей и выступлений на междунар. симпозиуме ЮНЕСКО. Улан-Батор, 1974, с. 43-46.
2. Акимущкин О.Ф. Сведения об ойратах в "Хронике" Шах-Махмуда б. Мирзы Фазила Чураса. - "Вестник ИЯЛИ при СМ Калм. АССР", 1974, № 9, с. 110-138.
3. Акимущкин О.Ф. Le Turkestan oriental et les Oirats. - "Etudes mongoles", Nanterre, 1974, Cahier 5, p. 157-163.
4. Акимущкин О.Ф. /Статьи в БСЭ/: Махмуд Газиеви. - БСЭ, 3-е изд., т. 15. М., 1974, с. 524.
- Мирхонд. - Там же, т. 16, М., 1974, с. 327.
5. Амусин И.Д. Академик А.И. Тюменев - историк древнего мира. - ВДИ, 1974, № 3, с. 107-114.
6. Баевский С.И. /Изд. текста, введ., список толкуемых слов, прилож./: Бадр ад-Дин Ибрахѣм. Фарханг-и зафѣнгуйѣ ва джа-хѣнпуйѣ. (Словарь говорящий и мир изучающий). М., "Наука", Глав. ред. вост. лит., 1974. 199с+III с. факсимиле. (Памятники письменности Востока. 46). Рез. на англ. яз.: с. 195-199.
7. Баевский С.И. Первое неизвестное издание словаря Шамс-и Фахри "Ми'ѣар-и Джамали". - ШПВ, 1971. М., 1974, с. 5-8.
8. Баевский С.И. Принципы построения персидских толковых словарей. - ШП и ПИКНВ, X. М., 1974, с. 118-122.

9. Башиева С.М. Взгляды Ибн Халдуна. Тунис, 1974. II2 с.
/На араб.яз./

10. Башиева С.М. Заметки о теории познания Ибн Халдуна. -
III и ПИКНВ, X. М., 1974, с.3-6.

11. Башиева С.М. /Пер. с араб./: Мухаммад ас-Сахби ал-Хаджи.
Хороший товар. - В кн.: Новое лицо. Новеллы писателей Туниса.
М., 1974, с.12-19.

12. Берлев О.Д. Стела Вюрцбургского университетского музея
(XIII династия). - ПС, вып.25(88), 1974, с.26-31. Рец. на англ.яз.

13. Berlev O.D. A contemporary of King Sewah-en-ré: -
"the Journ. of Egypt. archaeology", vol.60, 1974, p.106-113,
3 pls.

14. Berlev O.D. /Рец. на кн./: Hayes W.C. A papyrus of the
Late Middle Kingdom in the Brooklyn Museum. (Papyrus Brooklyn
35. 1446). New York, The Brooklyn Museum, 1972. 165 p., 14 pls.
Bior, Jg.30, 1973, N 3/4, p.207-209.

15. Бертельс Д.Е. /Подгот. к печ., предисл. и примеч./:
Жуковский В.А. Описание рукописей Учебного отделения восточных
языков при Азиатском департаменте Мин-ва иностр.дел. - ППВ,
1971. М., 1974, с.431-518.

Описание турецких рукописей (с.481-516) - соавт. с
Л.В.Дмитриевой.

16. Бертельс Д.Е. /Статьи в СИЭ/: Петров, Д.К. - СИЭ, т.II.
М., 1968, с.107.

Смирнов, В.Д., - СИЭ, т.I3. 1971, с.79. (Совм. с
А.С.Тверетиновой).

Соваже, Жан. - Там же, с.107.

Френ, Х.Д. - СИЭ, т.I5, 1974, с.425.

Фик, Иоганн. - Там же, с.472-473.

17. Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов.
Доктябрьский период. Под ред. и с введ. А.Н.Кононова. /Сост.
В.Г.Гузев, Н.А.Дулина, А.Н.Кононов, Ю.А.Ли/. М., /"Наука"/,
1974. 342 с. (АН СССР. Ин-т востоковед.).

18. Боголюбов А.С. Рукопись "ар-Руки ар-раби' фи-л-кийас"
в собрании ИО ИВ АН. - ППВ, 1970. М., 1974, с.45-51. Примеч.
в конце статьи.

19. Богословский Е.С. Военная принадлежность художников
и ремесленников XIY-X веков до н.э. - III и ПИКНВ, X. М., 1974,
с.6-II.

20. Богословский Е.С. Два памятника сподвижника Аменхотпа III. - ВДИ, 1974, № 2, с.86-96; 4 рис.

21. Богословский Е.С. О вокализации имен собственных в современных трудах по египтологии. - ВДИ, 1974, № 3, с.155-161. Рез. на англ.яз.

22. Bogoslawsky E.S. /Автоаннотация/: Bogoslawski E.S. Статуя № 2101 Государственного Музея изобразительных искусств им. А.С.Пушкина. - ВДИ, I(III), 1970, 67-85, with 4 pl. and an English summary (on p.85). - "Annual Egypt.bibliogr. 1970". Leiden, 1974, p.24-25.

23. Bogoslawski E.S. A new sign in Egyptian pharaonic writing. - "Göttinger Miszellen. Beiträge zur ägyptologischen Diskussion, 1973, Ht.8, S.15-17.

24. Bogoslawsky E. The two best Egyptian Statuettes in the collection of the Museum of Fine Arts, Moscow. - "Travaux du Centre d'archéologie méditerranéenne de l'Académie Polonaise des sciences", t.14, 1973, études et travaux, 7, p.22-40, fig.1-4.

25. Bogoslawski E.S. Die Wortverbindung *šdmw* 's in der ägyptischen Sprache während der 18. Dynastie. - "Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde", Bd.101, 1974, Ht.2, S.81-89.

26. Болдырева М.А. Некоторые особенности современного индонезийского стихосложения. - В кн.: Проблемы восточного стихосложения. М., 1974, с.115-126.

27. Болсохоева Н.Д. "Субхашита" - одно из популярных сочинений в Тибете и Монголии. - ПП и ПИКНВ, X. М., 1974, с.53-56.

28. Большаков О.Г. Город Средней Азии в конце VIII - начале XIII вв. Автореф. дисс.... д-ра ист.наук. М., 1974. 48 с. (АН СССР. Ин-т археологии).

29. Белецкий А.М., Бентович И.Б. и Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л., "Наука", Ленингр.отд-ние, 1973. 389 с. с ил. и карт.; 1 л. черт. (АН СССР. Ин-т археологии). Список лит.: с.353-370. Указ. имен, геогр. и топогр. назв.: с.373-387.

30. Большаков О.Г. /Рец. на кн./: Ахбаров И. и Ремпель Л. Резной штурк Афрасиаба. Ташкент, 1971. 158 с., 106 рис. - СА, 1974, № 2, с.311-313.

31. Борщевский Ю.Е. "Мусульманский географ Мухаммад б. Иахйя из Индии", "География" Хайиз-и Абрӯ, "Джахън-наме" и Мухаммад б. Бахр ар-Рухий. - СПб, 1970. М., 1974, с.52-66, 1 л. факс. Примеч.: с.63-66.

32. Борщевский Ю.Е. /Предисл. и примеч./: Иванов В.А. Списки рукописей Бухарской коллекции. - СПб, 1970. М. 1974, с.407-436. Примеч.: с.428-436.

33. Бурман А.Д. Некоторые общие черты театра в странах Юго-Восточной Азии. - В кн.: Пятая научная конференция по истории, языкам и культуре Юго-Вост. Азии. Тезисы докл. Л., 1974, с.3-4.

34. Бурман А.Д. Стандартные формулы обращения в бирманской драматургии середины XIX века (на материале произведений У Чин У, У Поун Ня, У Пок Ни и анонимных авторов). - В кн.: Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. Тезисы докл. 6-ой науч. конф. М., 1974, с.16.

35. Васильев К.В. Центральная власть и органы местного управления в годы расцвета Западного Чжоу. - В кн.: История и культура Китая. М., 1974, с.121-128.

36. Васильков Я.В. Некоторые проблемы сравнительного изучения "Махабхараты". Автореф. дисс.... канд. филол. наук. Л., 1974. 17 с. (ЛГУ им. А.А. Жданова).

37. Васильков Я.В. Происхождение сюжета Кайратапары. - В кн.: Проблемы истории языков и культуры народов Индии. М., 1974, с.139-158. Рез. на англ. яз.: с.257-259.

38. Вахтин Б.Б. Заметки о лирике Шэнь Юэ. - В кн.: Историко-филологические исследования. Сб. статей памяти акад. Н.И. Конрада. М., 1974, с.182-189. Библиогр. в примеч.

39. /Вахтин Б.Б./ Тема любви в китайской поэзии. - НАА, 1974, № 3, с.108-113.

Подпись под статьей : Б.Б. Панов.

40. Вахтин Б.Б. Человек и природа в китайской средневековой лирике (на материале антологии "Юй тай синь юн"). - В кн.: Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. М., 1974, с.26-36.

41. Вахтин Б.Б. /Пер. с кит./: Из ханьских песен юэфу. - В кн.: Поэзия и проза Древнего Востока. М., 1973, с.307-312. (Б-ка всемирной лит-ры. Т. I).

42. Волкова М.П. Да'чжун гурун'юн' б'тхе - "Полная книга великой династии Цин". (К истории маньчжурской лексикографии). -

III и ПИКНВ, X. М., 1974, с.61-63.

43. Воробьев М.В. О верховной государственной собственности на землю в Японии (сер.УП - IX вв.). - III и ПИКНВ, X. М., 1974, с.12-16.

44. Воробьева-Десятовская М.И. Новые надписи письмом кхарошхи из Термеза. - ВЛИ, 1974, № 1, с.116-126, с ил. Библиогр. в примеч. Рез. на англ.яз.

45. Ворожейкина З.Н. Пейзаж в персидском четверостишии XII-XIII вв. - III и ПИКНВ, X. М., 1974, с.101-105.

46. Ворожейкина З.Н. Примечание к Дивану устада Абӯ-л-Фараджа Рӯнӣ. - ШПВ, 1970. М., 1974, с.67-72. Примеч.: с.71-72.

47. Ворожейкина З.Н. /Рец. на кн./: Персидские и таджикские рукописи "новой серии" Гос.Публичной библиотеки им. М.Е.Салтыкова-Щедрина. Алфавитный каталог. Сост. Г.И.Костыгова. Л., 1973. ХХУ, 350 с. - НАА, 1974, № 3, с.215-217.

48. Гафурова Н.Б. Литературная традиция секты "кабирпантх". - III и ПИКНВ, X. М., 1974, с.105-107.

49. Гафурова Н.Б. Проблема творческого наследия Кабира. - В кн.: *Problemy literatur orientalnych*. Warszawa, 1974, p.235-242.

50. Горегляд В.Н. Японская дневниковая и эссеистическая литература X-XIII вв. Автореф. дисс. ... д-ра филол.наук. Л., 1974. 32 с. (ЛГУ им.А.А.Жданова).

51. Гохман В.И. и Решетов А.М. Два симпозиума по проблемам ранних этапов этнической истории народов Восточной Азии. - СЭ, 1974, № 6, с.139-145.

52. Гохман В.И. К вопросу о времени переселения шанов на территорию Бирмы. - III и ПИКНВ, X. М., 1974, с.16-18.

53. Грунтфест Я.Б. Надпись "Двадцати четырех чередов" из Бейт Хадира. - III и ПИКНВ, IX. Древняя Аравия. М., 1973, с.71-81.

54. Грунтфест Я.Б. Новые надписи из Хадакәна и Шибам-Сухайма. - III и ПИКНВ, IX. Древняя Аравия. М., 1973, с.45-55.

55. Грунтфест Я.Б. Новый документ о йеменско-палестинских связях доисламского периода. - ПС, вып.25(88), 1974, с.105-114. Рез. на англ.яз.

56. Gruntfest J.B. The problem of classifying Southern semitic languages. - В кн.: *IV Congresso internazionale di studi Etiopici*, t.2. Roma, 1974, p.105-114.

57. Gruntfest J.B. /Рец. на кн./: *An index and concordance of pre-islamic Arabian names and inscriptions*. By G.Lankester Harding. Pp.XIII + 943. Toronto, Univ. of Toronto press, 1971. - JAOS, 1974 vol.94, fasc.4, p.496-499.

58. Грязневич П.А. К топографии центрального Архаба. - III и ПИКНВ, IX. Древняя Аравия. М., 1973, с.55-71.

59. Грязневич П.А. Полевые исследования в Йемене 1970-1971 гг. - III и ПИКНВ, IX. Древняя Аравия. М., 1973, с.8-18.

60. Гуревич И.С. Опыт выделения классов слов в китайском языке III-V вв. с помощью синтаксического критерия (на материале сутры Бай юй цзин). - III и ПИКНВ, X. М., 1974, с.123-128.

61. Гуревич И.С. Очерк грамматики китайского языка III-V вв. (По пер. на кит.яз. произведений буддийской лит-ры). М., "Наука", 1974. 254 с. (АН СССР, Ин-т востоковедения). Указ.слов и граммат.конструкций по граф.схеме: с.244-251.

62. Дандамаев М.А. Гимиллу, раб храма Эанна в Уруке (VI в. до н.э.) - ПС, вып.25(88), 1974, с.53-62. Рез. на англ.яз.

63. Дандамаев М.А. Новые данные о религии в Персии на рубеже VI-V вв. до н.э. - ВДИ, 1974, № 2, с.18-33. Рез. на англ.яз.

64. Дандамаев М.А. Рабство в Вавилонии. VII-V вв. до н.э. (625-331 гг.) М., "Наука", 1974. 493 с. (АН СССР, Ин-т востоковедения). Список лит.: с. 428-444. Рез. на англ.яз.

65. Dandamayev M.A. Congrès international des iranistes à Shiraz. - В кн.: Commémoration Cyrus. Actes du Congrès de Shiraz 1971... Vol.1. Hommage universel. Leiden, 1974, p.3-12.

66. Dandamayev, M.A. The Domain-lands of Achaemenes in Babylonia. - В кн.: Altorientalische Forschungen, I. Berlin, 1974, S.123-127.

67. Dandamayev M.A. Iran under the early achaemenids (6th century B.C.) Transl. from Russian into Persian by Rouhi Arbab. Tehran, 1973. 378 с. (Iran library. No 62). /На перс.яз./.

68. Дандамаев М.А. /Рец. на кн./: Nylander C. *Ionians in Pasargadae*. Uppsala, 1970. 176 p. - ВДИ, 1974, № 3, с.168-171.

69. Дулина Н.А. Турецкая дипломатия в период турецко-египетского конфликта 1831-1841 гг. - III и ПИКНВ, X. М., 1974, с.19-22.

70. Дулина Н.А. и Кляшторный С.Г. /Рец. на кн./: *Turcica, Revue d'études turques*. T.2. 1970. Paris, 1972. - ОТ, 1974, N 1, с.101-103.

См. также № 17.

71. Дунаевская И.М. Выявление иерархии грамматических показателей как средство интерпретации забытых языков. - III и ПИКНВ, X. М., 1974, с.128-131.

72. Diakonoff I.M. Hamito-Semitic languages. - "Encyclopaedia Britannica", 15th ed., s.v. London, 1974, p.589-598. Bibliogr.: p.597-598.

73. Diakonoff I.M. Structure of society and state in early dynastic Sumer. Los Angeles, 1974, 16 p. (Sources and monographs. Monographs of the ancient Near East, vol.1, fasc.3).

Резюме кн. И.М.Дьяконова "Шумер: общество и государство в древней Месопотамии". М., 1959.

74. Еланская А.И. Происхождение предьменного форманта EPE в системе коптского спряжения. - ПС, вып.25(88), 1974, с.81-86. Рез. на англ.яз.

75. Елизарова М.М. Сведения о ессеях и терапевтах в "Хронике" Георгия Амартола. - ПС, вып.25(88), 1974, с.73-76. Рез. на англ.яз.

76. Елисеев Д.Д. К вопросу о роли Ким Си Сына в становлении жанра корейской средневековой новеллы. - В кн.: Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. М., 1974, с.188-195.

77. Елисеева Н.В. Годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР. - НАА, 1974, № 3, с.228-230.

78. Елисеева Н.В. /Хроникальные заметки о научной жизни в ЛО ИВ АН СССР/. - НАА, 1974, № 1, с.233-234; № 3, с.238; № 5, с.241-242.

79. Западова Е.А. "Дневник путешествия в Лондон" У Кауна. - В кн.: Пятая научная конференция по истории, языкам и культуре Юго-Восточной Азии. Тезисы докл. Л., 1974, с.5-6.

80. Западова Е.А. Предисловие. - В кн.: Аук Лин. Рикша. Пер. с бирман. М., 1974, с.5-13.

81. Западова Е.А. Творчество Падейтаязы как новая ступень развития бирманской литературы. - III и ПИКНВ, X, М., 1974, с.108-110.

82. Западова Е.А. /Сост. и пер./: Раздумья. Рассказы. Пер. с бирман. /Г.Мининой и Е.Западовой. Предисл. А.Симонова/. М., "Худож. лит.", 1974. 230 с.

Пер.: Таккадоу Ту Маун. Песня. - У Тукха. Подаяние. - Мин Джо. Разные судьбы. (С.182-191, 203-211, 221-228).

83. Зислин М.Н. Из пятой части "Китаб ал-муштамил" (гл. IV и V). - III и ПИКНВ, X. М., 1974, с.132-134.

84. Зограф Г.А. В.С.Воробьев-Десятовский. З.Х.1927-2.УП.1956. /Биография/. - Библиография трудов В.С.Воробьева-Десятовского. - В кн.: Проблемы истории языков и культуры народов Индии. М., 1974, с.3-11.

85. Зограф Г.А. Глагольная система в "шлоках" Кабира. - В кн.: Проблемы истории языков и культуры народов Индии. М., 1974, с.192-210. Рез. на англ.яз.: с.261-262.

См. также № 173.

86. Канева И.Т. Орудийно-отложительный падеж в шумерском языке. - III и ПИКНВ, X. М., 1974, с.134-138.

87. Кепинг К.Б. "Двенадцать царств" - китайское сочинение, сохранившееся в тангутском переводе. - III и ПИКНВ, X. М., 1974, с.63-66.

88. Кепинг К.Б. Утраченная китайская лэйшу в тангутском переводе. - НАА, 1974, № I, с.152-157.

89. Кляшторный С.Г. В.В.Бартольд и некоторые проблемы тюркологии. - В кн.: Бартольдовские чтения. М., 1974, с.34-36.

90. Кляшторный С.Г. и Лубо-Лесниченко Е.И. Бронзовое зеркало из Восточного Туркестана с рунической надписью. - СИЭ, т.39, 1974, с.45-48.

91. Кляшторный С.Г. Храм изваяния и стела в древнетюркском погребальном обряде. Свидетельства рунических текстов. - III и ПИКНВ, X. М., 1974, с.67-71.

92. Кляшторный С.Г. и Васильев Д.Д. Эпиграфические исследования на Верхнем Енисее. - В кн.: Археологические открытия 1973 года. М., 1974, с.208.

93. Кляшторный С.Г. /Статьи в БСЭ/: Огузы. - БСЭ, 3-е изд., т.18, М., 1974, с.292.

Орхоно-енисейские надписи. - Там же, с.544.

Орхонские тюрки. - Там же, с.544.

94. Кляшторный С.Г. /Статьи в СИЭ/: Тардуши. - СИЭ, т.14. М., 1973, с.119.

Тархан. - Там же, с.128-129.

Телисы. - Там же, с.180.

Туты. - Там же, с.496.

Тургеши. - Там же, с.622.

Туркский каганат. - Там же, с.631-632.

См. также № 97.

95. Козырева Н.В. Некоторые документы из архива Бальмунахке (Ларса). - ПС, вып.25(88), 1974, с.32-38. Рез. на англ.яз.

96. Колесников А.И. /Рец. на кн./: Grignaschi, M. *quelques Spécimens de la littérature sassanide*. - JA, t.254, fasc. 1. Paris, 1966, p.1-142.- ПШВ, 1970. М., 1974, с.455-463. Примеч. в конце статьи.

97. Кононов А.Н. и Кляшторный С.Г. Джерард Клосон (1891-1974). /Некролог/. - СТ, 1974, № 5, с.115-116.

98. Кононов А.Н. Из истории изучения турецких языков в России. Дюоктябрьский период. - В кн.: Био-библиографический словарь отечественных туркологов. М., 1974, с.9-90.

99. Кононов А.Н. Некоторые итоги развития советской туркологии и задачи Советского комитета туркологов. - СТ, 1974, № 2, с.3-12.

100. Кононов А.Н. О генезисе турецких аффиксальных морфем. - В кн.: Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания. 11-16 ноября 1974 г. Тезисы докл. М., 1974, с.38-40.

101. Кононов А.Н. Памяти Гылыба Гылыбова (1892-1972). /Некролог/. - НАА, 1974, № 1, с.247-248.

102. Кононов А.Н. Турецкое языкознание в Академии наук. - ВЯ, 1974, № 3, с.38-51. Библиогр. в примеч.

103. Кононов А.Н. Турецкое языкознание в Академии наук СССР. - СТ, 1974, № 3, с.3-18.

104. Кононов А.Н. w.Wang-Kaup (9.8.1869-8.10.1934). Zum hundertsten Geburtstag. - В кн.: *Schriften zur Geschichte und Kultur des alten Orients*. 3. Berlin, 1974, S.47-49.

105. Кононов А.Н. /Рец. на кн./: Аракин В.Д. Николай Константинович Дмитриев. (1898-1954). Серия "Замечательные ученые Московского университета", № 42. Изд-во МГУ, 1972. 88 с. - СТ, 1974, № 1, с.93-94.

106. Кононов А.Н. /Рец. на кн./: Drimba, V. *Syntaxe romane*. Bucuresti-Leiden, 1973. 335 p. - СТ, 1974, № 4, с.107-110.

107. Кононов А.Н. /Рец. на кн./: Hazai, G. *Das Osmanisch-Türkische im XVII Jahrhundert*. Budapest, Akad. Kiado, 1973. 498 p. (Bibliotheca Orientalis Hungarica, 18). - ВЯ, 1974, № 2, с.131-134.

См. также № 17.

108. Кроль Ю.Л. Вариант ханьской государственной доктрины, предложенный даосами-эклектиками. - В кн.: У научная конференция "Общество и государство в Китае". Тезисы и докл. Ч. I. М., 1974, с. 60-70.

109. Кроль Ю.Л. Литературная теория и литературная практика Сыма Цяня ("Ши цзи" и представление школы Гунъян о воле). - В кн.: История и культура Китая. М., 1974, с. 200-216. Лит.: с. 214-216.

110. Кроль Ю.Л. О влиянии "ассоциативного мышления" на "Записи историка". - В кн.: Историко-филологические исследования. Сб. статей памяти акад. Н.И. Конрада. М., 1974, с. 370-380. Библиогр. в примеч.

111. Курдоев К.К. Лексико-грамматическое значение глагола *çûn* в курдском языке. - III и ПИКНВ, X. М., 1974, с. 138-141.

112. Курдоев К.К. Некоторые ошибочные взгляды на язык и историю курдского народа. Пер. и предисл. д-ра А. Маруфа. Багдад. Изд. Курдской Акад. наук, 1973-1974. 167 с. (На икном наречии курдск. яз. (сулеймани)).

113. Кушев В.В. Афганская рукописная книга (очерки афганской письменной культуры). Автореф. дисс.... канд. филол. наук., Л., 1974. 15 с. (ЛГУ им. А.А. Жданова. Востфак).

114. Кушев В.В. Грамматико-лексикографическое сочинение "Рийаз ал-махаббат" и его место в афгановедении. - ПШВ, 1970. М., 1974, с. 73-82. Примеч.: с. 81-82.

115. Кушев В.В. Илāхйār-хāн и его четырехязычный словарь "Алхйā'иб ал-лутāt". - III и ПИКНВ, X. М., 1974, с. 141-145.

116. Кычанов Е.И. /Изд. текста, пер. с тангут., вступит. статья и коммент./: Вновь собранные драгоценные парные изречения. Факсимиле ксилографа. М., "Наука", Глав. ред. вост. лит., 1974. 223 с. (Памятники письменности Востока. 40). Указатель: с. 141-150. Резюме на англ. яз.

117. Кычанов Е.И. Из истории тангутского права ("десять преступлений" китайского средневекового права в тангутском кодексе XII в.) - ПШВ, 1970. М., 1974, с. 309-326. Примеч.: с. 322-326.

118. Кычанов Е.И. Об одной традиции фиксации налогообложения в Центральной Азии. - III и ПИКНВ, X. М., 1974, с. 22-25.

119. Кычанов Е.И. Силой оружия и экономическим закабалением.

/Рец. на кн.: Кузнецов В.С. Экономическая политика цинского правительства в Синь-цзяне. М., "Наука", 1973/. - "Проблемы Дальнего Востока", 1974, № 3, с.218-220.

120. Кычанов Е.И. Тангутский документ II70 г. о продаже земли. - ШВ, 1971. М., 1974, с.193-203, 1 л. факс. Примеч.: с.202-203. См. также № 144.

121. Ливиниц В.А. Кушаны: письменность и язык. - В кн.: Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т.1. М., 1974, с.313-321.

122. Гринберг А.Л., Ливиниц В.А., Стеблин-Каменский И.М. О генетических связях мунджанского языка. - В кн.: Актуальные вопросы исследования иранских языков и диалектов (тезисы докладов). М., 1974, с.2-5.

123. Ливиниц В.А. Таджикский язык. /История/. - В кн.: Таджикская ССР. Душанбе, 1974, с.281-284. (ТаджСЭ).

124. Лундин А.Г. Новые материалы о южноарабском эпонимате. - ВДИ, 1974, № 4, с.98-105, с ил. Резюме на англ.яз.

125. Лундин А.Г. Новые надписи из Архаба. - III и ПИКНВ, IX. Древняя Аравия. М., 1973, с.32-44.

126. Лундин А.Г. Новые южноарабские надписи из вадии Хирр. - III и ПИКНВ, IX. Древняя Аравия. М., 1973, с.81-89.

127. Лундин А.Г. Новый сабейский эпоним II в. н.э. - III и ПИКНВ, X. М., 1974, с.25-29.

128. Лундин А.Г. Сабейский чиновник и дипломат III в. н.э. - ПС, вып.25(88), 1974, с.95-104. Рез. на англ.яз.

129. Lundin A.G. On the origin of the himyarite era. - "Proceedings of the Seminar for Arabian studies", vol.4. London, 1974, p.105.

Перепечатка резюме статьи "О происхождении химьяритской эры". (ВДИ, 1973, № 1).

130. Loundine A.G. Sur les rapports entre l'Ethiopie et le himyar du VI-e siecle. - В кн.: IV Congresso internazionale di Studi Etiopici, t.1. روما, 1974, p.313-320.

131. Loundine A.G. /Рец. на кн.:/: Harding G.L. An index and concordance of Pre-Islamic Arabian names and inscriptions. Toronto, Univ. of Toronto Press, 1971. XLII+943 p. (Near and Middle East ser., 8). - В10р, Jg.30, 1974, № 3/4, p.284-288.

132. Мартынов А.С. Конфуцианство, буддизм и двор в эпоху Мин. - В кн.: История и культура Китая. М., 1974, с.307-324. Лит.: с.323-324.

133. Мартынов А.С. Сила дэ монарха. - ШПВ, 1971. М., 1974, с.341-387. Примеч.: с.381-387.

134. Мартынов А.С. Характер официальной оценки литератора в средневековом Китае (Оуян Сю, Су Дун-по и др.) - В кн.: Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. Тезисы докл. 6-ой науч.конфер. М., 1974, с.46.

135. Мартынецв А.Е. Звуковой повтор в турецком стихе. - СТ, 1974, № 6, с.63-67.

136. Мартынецв А.Е. Об одной особенности стиха Днуса Эмира. - Ш и ПИКНВ, X. М., 1974, с.110-113.

137. Мартынецв А.Е. VI Тюркологическая конференция в Ленинграде. - НАА, 1974, № I, с.229-232.

138. Меньшиков Л.Н. Основные результаты работы в области дунхуановедения в ЛО ИВ АН СССР. - В кн.: У научная конференция "Государство и общество в Китае". Тезисы и докл. Ч.1. М., 1974, с.106-118.

См. также № 170, 171.

139. Миклухо-Маклай Н.Д. Ал-Истахри в средневековой персидской литературе. - Ш и ПИКНВ, X. М., 1974, с.71-75.

140. Михайлова И.Б. /Пер. с араб./: Махмуд Бульд. Сиди Салим. - В кн.: Новое лицо. Новеллы писателей Туниса. М., 1974, с.33-42.

141. Михайлова Ю.Д. Из истории изучения "движения за свободу и народные права". - Ш и ПИКНВ, X. М., 1974, с.30-31.

142. Муздстан X.М. Инфинитив в мазандеранском языке. - Ш и ПИКНВ, X. М., 1974, с.145-149.

143. Мусаэлян X.С. Поэма "Замбильфрощ", приписываемая Мурад-хану Баязиди. - Ш и ПИКНВ, X. М., 1974, с.75-79.

144. Невский Н.А. Проект издания памятников тангутской культуры из Хара-Хото. (Публикация и примеч. Н.Путинцевой. Предисл. Б.И.Кычанова). - ШПВ, 1970. М., 1974, с.437-451. Примеч.: с.448-451.

145. Никитина М.И. и Тропечнич А.Ф. Корейская литература. - В кн.: История всемирной литературы, т.4, вып.9. /Макет/. М., 1973, с.50-69.

146. Носова Н.И. Нейтральная форма глагола в бирманском языке и ее именные признаки. - Ш и ПИКНВ, X. М., 1974, с.149-152.

147. Носова Н.И. Полуслужебные субстантиваторы в бирманском языке. - В кн.: Пятая научная конференция по истории, языкам

и культуре Юго-Восточной Азии. Тезисы и докл. Л., 1974, с.30-31.

148. Оранский И.М. Древнеиранская филология и древнеиранское языкознание в СССР (1917-1970). - ВДИ, 1974, № 2, с.115-137. Библиогр. в примеч.

149. Оранский И.М. Индоарийские элементы в арго-готической лексике гиссарских джуги. - В кн.: Актуальные вопросы исследования иранских языков и диалектов. Тезисы докл. М., 1974, с.28-29.

150. Оранский И.М. К имени бактрийского (?) вождя *Καράνης* (IV в. до н.э.) - В кн.: Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т.1. М., 1974, с.339-343. Рез. на англ.яз.

151. Оранский И.М. Памяти Николая Андреевича Кислякова (1901-1973). /Некролог/. - НАА, 1974, № 3, с.245-246.

152. Оранский И.М. Тадж. алф. 'супруга'. - ПШ и ПИКНВ, X. М., 1974, с.152-155.

153. Oranskij I.M. Le lingue Iraniche. Edizione Italiana a cura di Adriano Valerio Rossi. Napoli, 1973. (Istituto universitario orientale. Seminario di Iranistica. Serie didattica, 1).

Пер. на итал.яз. книги: Оранский И.М. Иранские языки. М., 1963.

154. Оранский И.М. /Рец. на кн./: Pfeffer G. Pargruppen des Pandschab. Freiburg i/M/ Br/eisgau/, 1970. 211 S., 18 Abb. - НАА, 1974, № 5, с.209-211.

155. Оранский И.М. /Участие в работе:/ Indogermanische Chronik 20 a, 20 b. - "Die Sprache" (Wien), Bd. 20, 1974, Ht.1, S.65-108; Ht.2, S.177-222.

156. Павловская Л.К. О серии синологических указателей Ян-цзинского университета. - ПШВ, 1971. М., 1974, с.388-428. Примеч.: с.413-423. Список опубликованных указателей: с.424-428.

157. Павловская Л.К. Официальные документы в тексте "Пин-хуа по истории Пяти династий"(У ДаиПинхуа). - В кн.: Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. Тезисы докл. 6-ой науч.конфер. М., 1974, с.55-58.

158. Пайкова А.В. Отражение некоторых правовых норм в сирийской художественной литературе. - ПС, вып.25(88), 1974, с.129-135. Рез. на англ.яз.

159. Пайкова А.В. Сирийский остракон из Пенджикента. - В кн. : Бартольдские чтения. М., 1974, с.46-47.

160. Пайкова А.В. /Рец. на кн./: Джумагулов Ч. Язык сиротских (несторнианских) памятников Киргизии. Фрунзе, 1971. 161 с. (АН КиргССР. Отдел востоковедения). - ПС, вып.25(88), 1974, с.180-183.

161. Périkhanian A. Le contumace dans la procédure Iranienne et les termes pehlevi НАСАШМАНД et SRĀS. - В кн.: Mémorial Jean de Menasse. Louvain, 1974, p.305-318.

162. Петрова О.П. Сведения о Японии, полученные от японцев в петровское время. - ПИ и ПИКНВ, X. М., 1974, с. 79-83.

163. Петросян Ю.А. Изучение культуры Востока: традиции и перспективы. - "Азия и Африка сегодня", 1974, № 6, с.12-13.

164. Петросян Ю.А. Изучение письменных памятников народов Востока в ИО ИВ АН СССР. - НАА, 1974, № 5, с.214-219.

165. Petrovyan Yu. A. Sovyet gözüyle Jöntürkler. Türkçesi: mazlum Beuyan, Auşe Nacihasanoğlu. Birinci basım. Ankara, Bigli yayinevi, Nisan 1974, 348 с.

Пер. на тур.яз. книги: Петросян Ю.А. Младотурецкое движение. М., 1971.

166. Петросян Ю.А. /Послесловие/. - В кн. Познаньска К. Старая и новая Турция. /Пер. с польск./. М., 1974, с.185-189.

167. Пшотровский М.Б. Предание о хиндйаритском царе Ас'аде ал-Камиле как историко-культурный памятник. - ПИ и ПИКНВ, IX. Древняя Аравия. М., 1973, с.89-98.

168. Пшотровский М.Б. Тема судьбы в южноарабском предании об Ас'аде ал-Камиле. - ПС, вып.25(88), 1974, с.119-128. Рез. на англ.яз.

169. Пшотровский М.Б. /Рец. на кн./: Лундин А.Г. Государство мукаррибов Саба'. М., "Наука", 1971. - ПС, вып.25(88), 1974, с.177-180.

170. Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник. 1970. /Ред.кол.: Д.Н.Меньшиков, С.Б.Певзнер (секр.), А.С.Тверетина (председ.), А.Б.Халидов/. М., "Наука", Глав.ред.вост.лит., 1974. 504 с. с ил. (АН СССР. Ин-т востоковед.)

171. Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник. 1971. /Ред.кол.: А.С.Тверетина (председ.), Д.Н.Меньшиков, С.Б.Певзнер (секр.), А.Б.Халидов/. М., "Наука", Глав.ред.вост.лит., 1974, 573 с. с ил. (АН СССР. Ин-т востоковед.)

172. Полосин Вал.В. Об одном письменном источнике "Фихриста" Ибн ан-Надима. - ПШВ, 1971. М., 1974, с.86-108. Примеч.: с.99-106.

173. Проблемы истории языков и культуры народов Индии. Сборник статей. Памяти В.С.Воробьева-Десятовского. Отв.ред. Г.А.Зюграф и В.Н.Топоров. М., "Наука", 1974, 268 с.; 1 л.портр. (АН СССР. Ин-т востоковед.)

174. Прозоров С.М. Учения шиитов об имамате в труде ал-Хасана ан-Наубакhti (конец IX в.) - ПШВ, 1970. М., 1974, с.83-107. Примеч. в конце статьи.

175. Прозоров С.М. Эволюция доктрин "крайних" шиитов-гулат в исламе (VIII - I-я пол.X в.) - НАА, 1974, № 3, с.146-153.

176. Прозоров С.М. /Пер. с араб./: Мухаммад ас-Сахби ал-Хаджи. Новое лицо. - Мухаммад Фарадж аш-Шазили. Гибель Салиха. - В кн.: Новое лицо. Новеллы писателей Туниса. М., 1974, с.20-26, 43-46.

Путинцева Н.Д. см. № 144.

177. Ромодин В.А. Некоторые вопросы этнической истории Средней Азии в трудах В.В.Бартольда и после него. - В кн. Бартольдovские чтения. М., 1974, с.48-49.

178. Руденко М.Б. Курдская литература. - В кн.: История всемирной литературы, т.4, вып.7. /Макет/. М., 1973, с.61-70.

179. Руденко М.Б. Отражение некоторых древних обрядов и представлений в современном курдском обрядовом фольклоре. - Ш и ПИКНВ, X. М., 1974, с.83-88.

180. Рудой В.И. К описанию типов причинности в Абхидхармике. - Ш и ПИКНВ, X. М., 1974, с.31-36.

181. Русанова Э.С. /Пер. с англ./: Нарайан Р.К. О книгах. /Рассказ/. - "В мире книг", 1974, № 7, с.79.

182. Савицкий Л.С. Тибетская литература. - В кн.: История всемирной литературы, т.4, вып.9. /Макет/. М., 1973, с.3-12.

183. Савицкий Л.С. Тибетская литература XVIII в. - В кн.: Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. М., 1974, с.145-154.

184. Сазыкин А.Г. Монгольская версия легенды о Чойджид-дагани. - Ш и ПИКНВ, X. М., 1974, с.88-91.

185. Салахетдинова М.А. Некоторые данные источников о борьбе Абдулла-хана II за власть в Бухаре. - Ш и ПИКНВ, X. М., 1974, с.92-94.

186. Смирнова Л.П. /Пер., введ. и коммент./: Та'рих-и Систан. ("История Систана"). М., "Наука", Глав.ред.вост. лит., 1974. 573 с. (Памятники письменности Востока. 42). Список лит.: с.499-510. Указ.имен, геогр. и топогр.назв., этнич.назв., неперевед. слов и терминов: с.511-567. Резюме на англ.яз.
187. Смирнова Л.П. /Пер. с перс./: Джалал Ах-е Ахмад. Господина Незхат од-Доуле. - "Памир", Душанбе, 1974, № 3, с.46-54.
188. Смирнова О.И. К вопросу о среднеазиатских культах (о культах Артавакиты и Митры по данным топонимики). - СЭ, 1974, № 1, с.131-138. Библиогр. в примеч.
189. Смирнова О.И. Сводный каталог согдийских монет (бронза). (Информация). - Ш и ПИКНВ, X. М., 1974, с.94-98.
190. Сорокоумовская Г.М. Новые данные о турецкой писательнице Суад Дервиш. - НАА, 1974, № 5, с.133-138.
191. Спирин В.С. "Любовь" и математика в "Мо-цзи". - Ш и ПИКНВ, X. М., 1974, с.40-44.
192. Спирин В.С. Об одной особенности древнекитайской философии. - В кн.: У научная конференция "Общество и государство в Китае. Тезисы и докл. Ч.1. М., 1974, с.43-48.
193. Спирин В.С. Слово "хоу" (толщина) в идеологии Древнего Китая. - Ш и ПИКНВ, X. М., 1974, с.36-39.
194. Старкова К.Б. Кумранская община и внешний мир. - ПС, вып.25(88), 1974, с.67-72. Рез. на англ.яз.
195. Старкова К.Б. Рукописи коллекции Фирковича Государственной Публичной библиотеки им.М.Е.Салтыкова-Щедрина. - ПШВ, 1970. М., 1974, с.165-192. Примеч.: с.182-192.
196. Старкова К.Б. /Рец. на кн./: Елизарова М.М. Община терапевтов (Из истории ессейского общественно-религиозного движения I в. н.э.) М., 1972, 144 с. - ВДИ, 1974, № 4, с.132-134.
197. Стеблин-Каменский И.М. и Гронберг А.Л. Бесписьменные языки и некоторые вопросы лингвистики текста. - В кн.: Лингвистика текста. Материалы научной конференции, ч.1. М., 1974, с.100-102.
198. Стеблин-Каменский И.М. О ваханском этимологическом словаре. - Ш и ПИКНВ, X. М., 1974, с.155-160.
199. Стеблин-Каменский И.М. Флора иранской прародины (этимологические заметки). - В кн.: Этимология 1972. М., 1974, с.138-140.

200. Гринберг А.Л. и Стеблин-Каменский И.М. Этнолингвистическая характеристика Восточного Гиндукуша. - В кн.: Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. Л., 1974, с.276-283, карт.

201. Стеблин-Каменский И.М. /Рец. на кн./: Гринберг А.Л. Языки восточного Гиндукуша. Мунджанский язык (тексты, словарь, грамматический очерк). Л., 10 изд. "Наука", 1972. 474 с., 4 л. фотогр., карта. - ВЯ, 1974, № 3, с.150-153.

202. Стеблин-Каменский И.М. /Рец. на кн./: История Иранского государства и культуры (сборник статей к 2500-летию Иранского государства). М., 1971. 350 с. + 4 л. вкл. - ПС, вып.25(88), 1974, с.172-176.

203. Стеблин-Каменский И.М. /Рец. на кн./: Розенфельд А.З. Бадахшанские говоры таджикского языка. Л., Изд-во ЛГУ, 1971. 192 с. - НАА, 1974, № 2, с.215-217.

См. также № 122.

204. Стулова Э.С. "Баопэцзянь о Цу-мине" - уникальный памятник китайской литературы XVI в. Автореф. ... канд.филол.наук. Л., 1974. 21 с. (ЛГУ им. А.А.Маданова).

205. Стулова Э.С. Вероучение секты "Желтое небо". Картина мира. - В кн.: Теоретические проблемы литератур Дальнего Востока. М., 1974, с.94-102.

206. Темкин Э.Н. Maṅgala-śloka в трактате Бхамахи "Kāvyā-lankāra". - III и ПИКНВ, X. М., 1974, с.98-100.

207. Бонгард-Левин Г.М. и Темкин Э.Н. Работы В.С.Воробьева-Десятовского и исследование буддийских текстов из коллекции Н.Ф.Петровского. - В кн.: Проблемы истории языков и культуры народов Индии. М., 1974, с.12-19.

208. Терентьев-Катанский А.П. Датировка тангутских книг и рукописей из Хара-Хото. - ПШВ, 1971. М., 1974, с.215-238. Примеч.: с.223-225.

209. Терентьев-Катанский А.П. Художественное оформление тангутской книги. (По материалам рукописного фонда ЛО ИВ АН СССР). - ПШВ, 1971. М., 1974, с.239-252, 1 л. факс. Примеч.: с.250-252.

210. Тропечевич А.Ф. Корейская средневековая повесть. Развертывание событий и типы связей. - В кн.: Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. М., 1974, с.196-202.

211. Тропечевич А.Ф. Оппозиция Земля - Небо в корейских мифах. - В кн.: Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего

Востока. Тезисы докл. 6-ой науч.конф. М., 1974, с.87-89.

См. также № 145.

212. Тугушева Л.Ю. Уйгурская версия биографии Сянь-цзана (фрагменты из гл.Х). - ШВ, 1971. М., 1974, с.253-296, 14 л. факс. Примеч.: с.295-296.

213. Туманович Н.Н. Педагогическая деятельность В.В.Бартольда (по материалам фонда № 68 архива АН СССР). - В кн.: Бартольдовские чтения. М., 1974, с.53.

214. Фадеева И.Е. *Tabaira-i ibret u mirat-i haugret* как источник для изучения общественно-политических взглядов и деятельности Мидхат-паши. - III и ПИКНВ, X. М., 1974, с.45-47.

215. Фихман И.Ф. Социально-экономические отношения в египетском городе IV-середины VII в. (По папирусам г.Оксиринха). Автореф.дисс....д-ра ист.наук. Л., 1974. 34 с. (ЛГУ им.А.А.Жданова).

216. Фихман И.Ф. *Ἡ ἐκ δικάίου τεταρτομορίας* - ПС, вып.25(88), 1974, с.115-118. Рез. на англ.яз.

217. Фишман О.Л. Н.И.Конрад - историк китайской литературы. - В кн.: Проблемы истории и теории мировой культуры. Сб.статей памяти акад.Н.И.Конрада. М., 1974, с.28-42.

218. Фишман О.Л. О некоторых типологических сходениях китайского и английского Просвещения. Цзи Юнь и сатирико-нравоучительные журналы Стиля и Аддисона. - В кн.: Историко-филологические исследования. Сб.статей памяти акад. Н.И.Конрада. М., 1974, с.71-80. Библиогр. в примеч.

219. Фишман О.Л. Философская мысль и бесспешная проза. Поэзия /Китай/. - В кн.: История всемирной литературы, т.4, вып.8. /Макет/. М., 1973, с.116-132.

220. Фишман О.Л. Фольклорные элементы в рассказах Юань Мэя. - III и ПИКНВ, X. М., 1974, с.113-117.

221. Фишман О.Л. /Пер. с кит., предисл. /с.13-144/, коммент. и прилож./: Цзи Юнь. Заметки из хижин "Великое в малом". (Юэвэй цаотан бичэи). М., "Наука", 1974. 588 с. с карт. (Памятники письменности Востока. 44). Список лит. в примеч.: с.461-533. Указатели: с.541-550, 556-575. Рез. на англ.яз.

222. Фишман О.Л. Цзи Юнь и Юань Мэй: общее и особенное. - В кн.: Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. М., 1974, с.135-144.

223. Халидов А.Б. Биографический словарь ал-Андарасбани. - ШВ, 1971. М., 1974, с.143-161. Примеч.: с.157-161.

См. также № 170, 171.

224. Цукерман И.И. Хорасанский курманджи. Исследование и текст. (Автоаннотация). - III и ПИКНВ, X. М., 1974, с.160-166.

225. Чижикова К.Л. /Сост./: Библиография работ по бенгальскому языкознанию. М., "Наука", Глав.ред.вост.лит., 1974. 80 с. (АН СССР. Ин-т востоковедения).

226. Чугуевский Л.И. Танские подворные списки из Дуньхуана, Чжанье и Турфана. - В кн.: У научная конференция "Общество и государство в Китае". Тезисы и докл. Ч.1, М., 1974, с.119-129.

227. Шарафутдинова Р.Ш. Арабские письма Шамиля из архива Б.А.Дорна. - ПШВ, 1970. М., 1974, с.204-225, 9 л. факс. Примеч.: с.222-225.

228. Шарафутдинова Р.Ш. Арабский документ из архива академика Б.А.Дорна. (Материалы к истории освободительного движения горцев на Северном Кавказе в 20-50-х годах XIX в.) - ПШВ, 1971. М., 1974, с.162-170, 2 ил. Примеч.: с.168-170.

229. Шарафутдинова Р.Ш. /Сост./: Новое лицо. Новеллы писателей Туниса. /Пер. с араб./. М., "Наука", 1974. 77 с. (Совм. с О.Б.Броловой).

Пер.: Тайиб Трики. Детские радости. - Там же, с.65-69.

230. Шифман И.Ш. Заметки по эпиграфике Пальмиры. - ПС, вып.25(88), 1974, с.87-94. Рез. на англ.яз.

231. Шифман И.Ш. К характеристике общественных отношений в Тайме в У-IV вв. до н.э. - III и ПИКНВ, IX. Древняя Аравия. М., 1973, с.98-101.

232. Шифман И.Ш. К характеристике угаритского судопроизводства. - III и ПИКНВ, X. М., 1974, с.48-49.

233. Шифман И.Ш. /Рец. на кн./: Проблемы докапиталистических обществ в странах Востока. М., "Наука", Глав.ред.вост.лит., 1971. 190 с. - ПС, вып.25(88), 1974, с.167-172.

234. Shifman I.S. Socio-legal groups in Syrian society of the Hellenistic-Roman period. /Аннотация/. - "Zeitschrift für die alttestamentliche Wissenschaft, 86. Bd., 1974, Ht.2, S.223.

235. Школяр С.А. "Мусульманские камнеметы" в Китае XIII-XIV вв. - В кн.: У научная конференция "Общество и государство в Китае". Тезисы и докл. Ч.1. М., 1974, с.147-155.

236. Шрон Г.С. Материалы к библиографии работ сотрудников ЛО ИВ АН СССР за 1973 г. - III и ПИКНВ, X. М., 1974, с.169-188.

237. Szumowski T.A. Elementy nautyczne średniowiecznej kultury arabskiej. - "Nautologia", (Gdynia), 1974, №1-2, s.45-46.

238. Юзбашян К.Н. Завещание Евстафия Вонлы и вопросы фемной администрации "Иверии". - ВВ, т.36, 1974, с.73-82.

239. Юзбашян К.Н. Неизвестный адресат Романа Лакапина. - ВОН АН АрмССР, 1974, № I, с.35-44. (На арм.яз.) Резюме на рус.яз.: с.43-44.

240. Юзбашян К.Н. /Аннотация/: Laurent J. *Etudes d'histoire arménienne*. Louvain, 1971. 175 p. (Bibliothèque-arménienne de la Fondation Galouste Gulbenkian). - ВВ, т.36, 1974, с.208-209.

241. Юзбашян К.Н. /Аннотация/: The teaching of Saint Gregory. An early armenian catechism. transl. and comment. by R.W.Thomson. Harvard Univ. Press. Cambridge, Mass., 1970, 207 p. - ВВ, т.36, 1974, p.209-210.

242. Юсупова З.А. Функции частиц ewa и wa в кпном наречии курдского языка. - III и ПИКНВ, X. М., 1974, с.166-168.

243. Юсупова З.А. /Рец. на кн./: Шараф-хан Бидлиси. Шараф-наме. Пер. с перс. на курд.яз. Хажара. Наджаф, 1972. 840 с. - НАА, 1974, № 5, с.207-208.

244. Якобсон В.А. Изучение правовых памятников древности и раннего средневековья. (Проблемы и методика). - III и ПИКНВ, X. М., 1974, с.49-52.

245. Якобсон В.А. Поручительство в новоассирийском праве. - ПС, вып.25(88), 1974, с.45-52. Рез. на англ.яз.

246. Jakobson V.A. *Studies in Neo-Assyrian law*. - В кн.: *Altorientalische Forschungen*. I. Berlin, 1974, S.115-121.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.

БСЭ	- "Большая советская энциклопедия".
ВВ	- "Византийский временник".
ВДИ	- "Вопросы древней истории".
ВОН	- "Вестник общественных наук"
ВЯ	- "Вопросы языкознания".
ИЯЛИ	- Институт языка, литературы и истории.
НАА	- "Народы Азии и Африки".
ПШВ	- "Письменные памятники Востока. Ежегодник".
III и ПИКНВ, IX.	- "Письменные памятники и проблемы истории
Древняя Аравия.	культуры народов Востока. IX годичная

III и ПИКНВ, X.

ПС

СА

СГЭ

СИЭ

СМ

СТ

СЭ

ТаджСЭ

Вior

JAOS

научная сессия ЛО ИВ АН. Древняя Аравия (материалы и сообщения). М., 1973.

--"Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. X годовичная научная сессия ЛО ИВ АН (автоаннотации и краткие сообщения)". М., 1974.

- "Палестинский сборник".

- "Советская археология".

- "Сообщения Государственного Эрмитажа".

- "Советская историческая энциклопедия".

- Совет министров.

- "Советская тюркология".

- "Советская этнография".

- "Таджикская советская энциклопедия".

- "Bibliotheca Orientalis".

- "Journal of the American Oriental Society".

К.Л.Чижикова

ДОПОЛНЕНИЯ К БИБЛИОГРАФИИ ПО БЕНГАЛЬСКОМУ ЯЗЫКОЗНАНИЮ

1. БЫКОВА Е.М. Бенгальский язык. - БСЭ, 3-е изд., т.3, 1970, с.192.

2. БЫКОВА Е.М. Глаголы движения бенгальского языка в сопоставлении с русскими. - Уч.зап.Моск.Гос.ин-та междунар.отношений. Вопросы языка и литературы, вып.7 (инд.языки). М., 1971, с.35-49.

3. БЫКОВА Е.М. Об изучении и описании языка как системы. (На материале бенгальского языка). - Народы Азии и Африки, 1970, № 1, с.116-121.

4. ГНАТЮК-ДАНИЛЬЧУК А.П. Учебник бенгальского языка для I курса. Вводный курс. М., Воен.ин-т иностр.языков, 1972. 246 с.

5. ЛОСКУТОВ В.Н. и др. Словарь бенгальского языка с русскими эквивалентами. Около 21 000 слов. Сост. В.Н.Лоскутов, Р.В.Валуева, Б.Т.Полянский. Под ред. Е.М.Быковой и Нони Бхоумика. М., СЭ, 1974. 752 с.

6. СЕРОВА А.В. Словоформа как элементарная синтаксическая единица. (На материале бенгальского языка). Автореф. дисс. ... канд. филол.наук. М., 1970. 25 с. (Ин-т востоковедения АН СССР).

7. ЧЕВКИНА Л.М. К классификации сложных слов в современном бенгали. - Уч.зап. (Вопросы яз. и лит.), вып.7 (инд.языки). М., Моск.Гос.ин-т межд.отношений, 1971, с.310-320.

8. ЯРЦЕВА Е.Р. Неличные глагольные формы в древнебенгальском языке. - В кн.: Лингвистические исследования, 1972, ч.I. М., 1973, с.292-309.

9. CHAKRABARTI S. Language movement of Bangladesh. - "Mainstream", New Delhi, 1972, vol.10, N 16, p.15-16, 18.

10. Dictionary in English, Bengali and Manipuri. 2 nd rev. ed. Calcutta, Baptist Mission Press, 1896. VI, 292 p.

Изд. I-e - 1837 г.

11. FERGUSON Ch.A. Verbs of "being" in Bengali, with a note on Amharic. - The verb "be" and its synonyms. Philosophical and grammatical studies. 5. Dordrecht - Boston, 1972, p.1-63.

12. GANGOPADHYAYA Malaya. Recall vocabulary Bengali. (Semantically classified). Mysore, Central Institute of Indian language, s.a. 98 p.

13. GRIERSON G.A. Seven grammars of the dialects and subdialects of the Bihari language; spoken in the Province of Bihar in the Eastern portion of the North - Western Provinces, and in the Northern portion of the Central Provinces. Pt.I-8. Calcutta, Bengal Secretariat Press, 1883-1887.

Pt.7: South Maithili - Bengali dialect. 90 p.

Pt.8: Maithil - Bengali dialect, p.689-773.

14. ISLAM Raficul. An introduction to colloquial Bengali. Dacca, Central Board for development of Bengali, 1970. 164 p.

15. KHONDKAR Muhammad Abdur Rahin. The Portuguese contribution to Bengali Prose Grammar and Lexicography. London, 1971.

Докторская диссертация.

16. RACOVA A. System of tenses in Bengali and their morphemic structure. - As. and Afr. stud., 1972, vol.VIII, p.27-32.

17. SEN Nibadhav. Some dialects of Bangla Desh - an outline.- IL, 1972, vol.33, N 2, p.143-152.

18. SEN Sukumar. Sanskrit in Bengal and Bengali. - IL, 1972, vol.33, N 2, p.123-127.

19. SENĀPATI T.N. Learn Bengali in 30 days. Madras, Balaji publ., 1973, IV, 189 p. (National integration language series).

20. SINHA Anil C. Gender in Bangla? - IL, 1973, vol.34, N 3, p.220-228.

21. SĪNHA Prabhakar and GHOSH Manjuli. A case for gender in Bangla. - IL, 1972, vol.33, N 4, p.325-331.

22. TURNER R.L. A comparative dictionary of the Indo - Aryan languages. Indexes. Comp. by D.R.Turner. London, Oxford Univ. Press, 1969. IX, 557 p.

Рец.: Burrow T. - JRAS, 1970, pt. I, p.80-81.

Kuiper F.B.J. - IJ, 1971, vol.XIII, N I, p.60.

Rau W. - OLZ, 1973, Jg.68, N 7-8, s.390-395.

Varma Siddheshwar - Vishveshvaranand Indolog.

Journal, 1969, vol.VII, Pts I-II, p.165-175.

23. TURNER R.L. and TURNER D.R. A comparative dictionary of the Indo - Aryan languages. Phonetic analysis. London, Oxford Univ. Press, 1971, VIII, 231 p.

Рец.: Burrow T. - JRAS, 1971, pt.2, p.195-196.

24. ŪCIDA Norihiko. Das Akzentsystem des Chittagong - Dialekts. - ZDMG, 1969, Supplem.I, Teil 5, s.804-810.

25. ŪCIDA Norihiko. Der Bengali - Dialekt von Chittagong. Grammatik, Texte, Wörterbuch. Wiesbaden, Otto Harrassowitz, 1970. IV, 160 s. (Neuindische Studien, Bd.I).

Рец.: Boulton J. - BSO(A)S, 1972, vol.XXIV, pt.2, p.377-378.

26. ZBAVITEL D. Bengálština. Praha, Státní Pedagogické Nakladatelství, 1971. 489 p.51 ill.

27. ZBAVITEL D. Lehrbuch des Bengalischen, Schlüssel zum Lehrbuch des Bengalischen. Heidelberg, Julius Goos Verl., 1970. II, 173 und 84 pp.

Рец.: Bender E. - JAOS, 1971, vol.XCI, p.569.

Preinhaelterova H. - AOr, 1971, Bd.59, N 2, p.247-248.

28. ZBAVITEL D. Non - finite verbal forms in Bengali. Prague, Academia, 1970. 137 p. (Dissertationes orientales. Vol.29).

29. UMAR Badruddīn. Purba bāmlār bhāṣā āndolan o tatkālīn rājnīti. (Pratham khaṇḍa). Kalikātā, Ānandadhārā prakāśan, 1970. 388 p.

30. Paribhāṣā, aphis ādālate vyavaharita imrejī śabdabābalīr bāmlā pratisabḍa. Dhākā, Bānglā ekādemī, 1972. 55 p.

АНГЛО-БЕНГАЛЬСКИЙ ГЛОССАРИЙ ДЛЯ ПОЛЬЗОВАНИЯ В ОФФИСЕ.

31. BOSU Amalendu. Aparādhībūlī. - Paricaya, 1972, varṣa 41, N 10-11, p.904-909.

32. VIDYĀLANKĀR Mrituyāncjaya. Bānglā bhāṣār vyākaraṇ. Anumānik racanākāl 1807-11 khrīstabḍa. Tārāpad Mukhopādhyāya

sampadīta. Kalikātā, Saṁskṛt pustak bhandār, 1970. 65 p.

33. Vyāvahārik śabdakoṣ. Ādhunik bāmlā bhāṣār abhidhān. Kalikātā, Presidensā laibrerī, s.a. 2, 1030 p.

34. MAJUMDĀR, Bijayacandra. Bāmlā bhāṣār saṁskār. - Prabāsī, 1379 B.S. (1972 A.D.), bhāg 72, khaṇḍa I, N I, p.31-34.

35. MUHAMMAD Ābdul Hāmīd. Ādhunik bāṅglā vyākaraṇ o racanā. (Ucchamādhyaṁik o snātak śrenīr janya). Dhākā, Oyārī buk sentār, 1972. 751 p.

Изд. I-e - 1971 г.

36. MUHAMMAD Kāzī Dīn. Bāmlā bhāṣāy praśnabodhak upādān. - Bāṅglā ekādemi patrikā, 1377 B.S. (1970 A.D.), varṣa 50, N 2, p. I-33.

37. ŚAHĪDULLĀH Muhammad. Bāṅglā vyākaraṇ. Panthirardhitā dvītiya saṁskaraṇ. Dhākā, Prabhinsiyāl laibrerī, 1377 B.S. (1970 A.D.). 224, 92 p.

Изд.: I-e - 1935 г.

38. HARA Tadahiko. Bengaru, ishuramu kyōto - no kazoku. - Kaigai Jijō, 1969, vol.17, N 8, p.34-41. (на яп.яз.)

39. HARA Tadahiko. To pakisutan, Chittagon chiku mosuremu sonraku-no shinzoku meisō. - Ajia Afurika Gengo Bunka Kenkyū, 1969, N 2, p.100-125. (на яп.яз.)

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ РАБОТА.

40. MIZOKAMI Tomio. Gandai indo go - no dosi kako kai-no kino - Hindu, Urdu, Bengali nizuite. - Osaka Gaikokugo Daigaku Gakuho, 1972, vol.23, p.83-100. (на яп.яз.)

СПИСОК БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ СОКРАЩЕНИЙ

БСЭ	- "Большая советская энциклопедия". 3-е изд., в 30-ти томах. М., 1969
AOр.	- "Archiv Orientalni", Praha.
BSO(A)S	- "Bulletin of the School of Oriental (and African) Studies", London.
IIJ	- "Indo-Iranian journal", The Hague.
IL	- "Indian Linguistics. Journal of the Linguistic Society of India", Lahore-Calcutta-Poona.
JAOS	- "Journal of the American Oriental Society", New York-New Haven.
JRAS	- "Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland", London.

- Kaigai Jijō** - "Kaigai Jijō". Takushoku Daigaku Kaigai
Jijō kenkyūjo, Tokyo.
- OLZ** - "Orientalistische Literaturzeitung", Berlin.
- Paricaya** - "Paricaya". Sācatra māsik patra, Kalikātā.
- ZDMG** - "Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen
Gesellschaft, Leipzig.

СОДЕРЖАНИЕ

II

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Болдырева М.А. В.С.Рендра и Ф.Гарсия Лорка	3
Ворожейкина З.Н. О специфике представлений о прекрасном в средневековой персидской поэзии	8
Жданова Л.В. Художественное пространство в цикле Чиве Чживона (857 - ?) "Воспеваю ветер и луну" (884 г.).	13
Иванова Г.Д. Мори Огай. Одна строка из его наследия. . .	15
Лившиц В.А. К толкованию нескольких бейтов из касид Унсур	19
Невелева С.Л. Реализация эпического сравнения (на ма- териале "Махабхараты").	23
Никитина М.И. Заметки о зрительном знаке в корейской культуре. Графические слова 鷄林 и 山月花	27
Савицкий Л.С. К проблеме изучения творчества тибетско- го поэта Цаньян Дзамцо (1683-1706).	37

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Гуревич И.С. О соотношении письменного и разговорного языка в танских юйлу (на материале Линь-цзы лу).	39
Еланская А.И. "Квалитатив второй" в коптском языке . . .	43
Зислин М.Н. Из истории восточной грамматической науки в XI в.	48
Зотграф И.Т. Среднекитайский язык (к вопросу о периоди- зации истории китайского языка)	52
Зотграф Г.А. "Вторичная глагольная флексия" в новых индо- арийских языках	55

Кешинг К.Б. Лексические группы глаголов и субъектно- объектное согласование в тангутском языке. . . .	59
Курдоев К.К. Об изафетном показателе множественного числа в мукри.	64
Носова Н.И. О предельных глаголах в бирманском языке. . .	68
Тугушева Л.Ю. Язык деловых документов как функционально- стилистическая разновидность литературно- письменного языка в древнеуйгурском обществе . .	71
Цукерман И.И. Geŋuan или kiŋuan (к вопросу о возникно- влении окказиональных форм)	73'
Четверухин А.С. К вокализации египетской нисбы jr.j . . .	76
Юсупова З.А. Конструкции предложения в южнокурдском диалекте сулемани.	79

БИБЛИОГРАФИЯ

Шрон Г.С. Материалы к библиографии работ сотрудников ЛО ИВ АН СССР за 1974 г.	84
Чижикова К.Л. Дополнения к библиографии по бенгальскому языкознанию.	104

Подписано к печати 30/X - 1975 г.
А-09743 Объем 7 л. Тираж 300 экз.
Заказ 422. Цена 50 коп.

Офсетное производство типографии №3
Москва, Центр, ул. Арбат, 33/12

